

6941к

Ф. Н. САМОЙЛОВ
ВОСПОМИНАНИЯ

Часть II

U 91. 173

14/4. - 86 - 4204

14/4 88 4987

12.05.55 eggs

✓

Р.С.Ф.С.Р.
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
„Р.К.П.(БОЛЬШЕВИКОВ)“

Ф. Н. САМОЙЛОВ

ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМ
РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 1906-11 гг.

С ПРЕДИСЛОВИЕМ О.А.ВАРЕНЦОВОЙ

ЧАСТЬ II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1924

ИСТПАРТ

Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (б-ков)

Ф. Н. САМОЙЛОВ

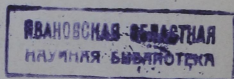
ВОСПОМИНАНИЯ

ОБ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМ
РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

часть II

1906 — 1911 г.г.

С предисловием О. А. ВАРЕНЦОВОЙ

УДЕЛ КРАЕВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

94 2010

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ОБРАЗОВАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ В 1917-1918 ГГ.

Часть II

1918 - 1919 гг.

Составитель: А. А. ВОРОШИЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
Москва, Пятницкая, 71

Гиз. № 5716. Главлит № 16740. Москва. Напеч. 4.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография. Москва, Пятницкая, 71.

01023

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр</i>
Предисловие. — О. А. Варенцовой	5
" К сведению читателей	9
Глава I. После погрома в октябре 1905 года. Организация чернотенцев и перелом в настроении рабочих. Расстрел безработных	11
Глава II. Иваново-Вознесенская окружная с.-д. организация. Кампания бойкота 1-й Гос. Думы. Убийство охранника. Безработица. Снова на фабрике	14
Глава III. Боевая дружина нашей с.-д. организации. Союз безработных. Профессиональные организации	26
Глава IV. Иваново-Вознесенский союз Р.С.-Д.Р.П. Избирательная кампания во 2-ю Гос. Думу. Еще убийство охранника. Областная конференция профессиональных союзов текстильщиков. Неудачная массовка и кампания за областную стачку	37
Глава V. Избирательная кампания в 3-ю Гос. Думу	46
Глава VI. Судебный процесс Иваново-Вознесенского Союза Р.С.-Д.Р.П.	55
Глава VII. Поход полиции против профессиональных союзов. Отрывка крестьянской психологии и мой арест. Снова на фабрике Грязнова. Арест второй подпольной типографии	60
Глава VIII. Мертвое время. В родной деревне. Новые допросы Орловского. Два самоубийства. Сила „крестьянской закваски“	80
Глава IX. Жандармская удочка. Суд	91

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Материалы по делу о професс. союзе рабочих ситцепечатных фабрик г. Иваново-Вознесенска	103
--	-----

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

	<i>Стр.</i>
1. Ф. Н. Самойлов, М. П. Кудрин и П. Постышев в помещении профсоюза ситцепечатников.	35
2. Группа уполномоченных по выборам в 3-ю Гос. Думу от рабочих Иваново-Вознесенска.	49
3. Группа Иваново-Вознесенских партийных работников в 1908 г.	78
4. Т. т. М. Икрянистова и А. Колотилова	79

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I.

Воспоминания тов. Самойлова охватывают значительный период времени с конца 1906 по 1911 год включительно и большей частью относятся к тяжелым годам реакции.

В своем небольшом очерке он не мог дать полного изображения и освещения партийной жизни и партийного строительства. Он их касается слегка и мимоходом. Внутренняя жизнь партии остается в тени.

Как работник и руководитель профессиональных союзов, он больше всего уделяет внимания последним. Затем, как рабочий, никогда не порывавший с фабрикой и тесно связанный с рабочей массой, он не только улавливает все колебания в ее настроении, но и сам их непосредственно переживает. Его переживания, как отражения настроения рабочих масс, представляют большой интерес. Верно схвачена и живо нарисована им картина быта рабочих.

Считаю излишним сделать краткие разъяснения по некоторым вопросам, затронутым тов. Самойловым в его воспоминаниях. Прежде всего — о настроениях рабочих масс.

В течение 1906—07 г.г. постепенного и неуклонного падения революционного настроения не наблюдалось. Этот период отмечен значительными колебаниями. Упадочное настроение не раз сменялось подъемом. Весной 1906 г. среди рабочих снова пробуждается интерес к политической жизни, усиливается приток членов в партию. Собрания и митинги посещаются многими тысячами рабочих. После разгона 1-й Государственной Думы и подавления Свеаборгского восстания начинается отлив. Рекрутская кампания осенью 1906 г. с ее лозунгами «ни одной копейки», «ни одного солдата царскому правительству» окончательно провалилась (и не только в Иваново-Вознесенском районе, а по всей России). Рекрутские собрания, устраиваемые с агитационными целями, отличались своей малочисленностью. Но месяца через полтора апатия и рас-

терянность, овладевшие рабочими массами, рассеиваются. Выборы во 2-ю Государственную Думу проходят вполне организованно. Из числа 28 уполномоченных от Иваново-Вознесенских фабрик и заводов 25 — социал-демократы-большевики, партийные кандидаты. Инициатива открытого выступления в день отъезда депутата Жиделева в Петроград исходила с низов, от самих рабочих. В городском комитете этот вопрос вызвал разногласия. Некоторые товарищи сомневались и опасались за удачный исход демонстрации, указывая, что дело не обойдется без казачьих пагаек. Рабочие вернее учитывали момент. Проводы оказались блестящими. Не было ни одной, даже самой захудалой фабрики, которая в назначенное комитетом время не прекратила бы работы, направляясь к вокзалу. Выступление десятков тысяч рабочих было такое внушительное, что о вмешательстве полиции и казаков не могло быть и речи.

В это время (первая треть 1907 г.) рабочие массы живут напряженной политической жизнью. Партийная и профессиональная работа получает широкий размах. Партийная организация существует почти легально, открыто. Так было до мая.

После Пасхи фабриканты и полиция переходят в наступление.

На многих фабриках и заводах выбрасываются все члены профессиональных союзов и члены партии. Эта чистка производит удручающее впечатление на рабочих. Первомайская массовка разгоняется казацкими пагайками. А через месяц подвергается разгрому 2-я Государственная Дума. Государственный переворот 3-го июня 1907 г. производит перелом в настроении рабочих. С этого момента оно постепенно, но неуклонно падает. Осенью, в день отъезда депутата Воронина в 3-ю Государственную Думу, на митинг собирается уже не 30 тысяч, как это было в феврале, а только тысяч 12. Митинги в день суда над депутатами-социал-демократами 2-й Думы разгоняются и сопровождаются массовыми арестами. В начале 1908 года полицейскими и жандармскими набегами была разгромлена партийная организация и начинается преследование профсоюзов. В 1909 г. и первой половине 1910 года партийная и профессиональная работа совсем замирает.

В своих воспоминаниях о боевой дружине тов. Самойлов упустил из виду один очень важный факт. Летом 1906 г. боевики стали добиваться автономии для боевой дружины и повели широкую агитацию среди рабочих. В этой борьбе они нашли сочувствие и поддержку 2 — 3 ответственных работников. Вопрос об автономии боевой дружины не один раз обсуждался на заседаниях городского комитета и на городской конференции. На конференции 5 или 6 августа давно желанная для боевиков автономия была принята, кажется, большинством одного голоса. Она

развязала им руки для экспроприаторских набегов. 18 августа произошло ограбление и убийство кассира фабрики Ясюнинского. Комитет предполагал, что в этом нападении замешаны боевики, которые скоро и подтвердили эти подозрения, предложив комитету из экспропрированных 18 тысяч денег взять тысячу рублей. С этого момента начинается борьба с боевой дружиной, которая не мало тревог причинила партийной организации. Городской комитет немедленно выпустил листок с резким осуждением подобных набегов, решительно отмежевываясь от них, привлек организаторов и виновников к ответственности. Сделаны были попытки к разоружению части боевиков, но последние уже мало считались с партийной дисциплиной и быстро разлагались. В феврале 1907 г. Союзный Совет принял решение о роспуске боевой дружины.

Затем несколько слов об областной забастовке текстильщиков.

Тов. Самойлов, описывая собрание (общегородская конференция), на котором окончательно решался вопрос о присоединении Иваново-Вознесенского района к областной забастовке, подчеркивает, что все выступавшие представители профсоюзов согласны были со Станциславом, предлагавшим забастовки не устраивать, и только некоторые партийцы, как Сименцов, выступали за забастовку, упрекая союзы в срыве ее.

Во избежание недоразумений это утверждение требует разъяснения.

К областной забастовке готовились долго и основательно. Инициатива этого выступления принадлежала союзам. Вопрос о забастовке текстильщиков в области был поднят на февральской областной конференции профсоюзов в Москве и окончательно решен на июньской областной конференции профсоюзов (1907 г.). За этот промежуток времени вопрос о забастовке текстильщиков много раз обсуждался и в Союзном Совете и на городских конференциях Иваново-Вознесенской организации. Особенно остро он встал в июне месяце. Подавленное настроение рабочих, резко проявившееся после разгона 2-й Государственной Думы, вызывало большие сомнения и опасения за успех забастовки. Тов. Константин, направленный комитетом для работы в профсоюзах, и другие товарищи—сторонники забастовки—указывали, что экономическая конъюнктура благоприятна, фабрики завалены заказами, а настроение рабочих можно поднять агитацией.

1 или 2 июля Иваново-Вознесенский союз получил от областного бюро профсоюзов листки с призывом к забастовке в области и немедленно их распространил. Был избран для выработки требований и руководства движением забастовочный комитет. Как раз в эти дни был арестован тов. Константин, на которого была возложена важная работа по проведению забастовки. Его арест произвел тяжелое впечатление и служил плохим

предзнаменованием. Городской партийный комитет, с согласия забастовочного комитета ¹⁾, решил немедленно созвать общегородскую конференцию ²⁾, чтобы окончательно выяснить вопрос о настроении рабочих. Подъема на конференции не чувствовалось. Представители с фабрик и заводов давали противоречивые, пестрые показания. Одни надеялись на полный успех забастовки в Иваново-Вознесенском районе, если она будет удачно развиваться в области. Другие подчеркивали отсутствие у рабочих боевой готовности, стачечного настроения. Третьи доказывали, что бастовать надо независимо от области. Большинство высказалось за забастовку. Следует отметить, что при голосовании многие воздержались.

Было принято решение через два дня объявить забастовку, а пока немедленно приступить к выбору уполномоченных по фабрикам и заводам.

В это время приезжают в Иваново Станислав и Пиннокентий и сообщают, что в Москве, Орехове-Зуеве и других пунктах забастовка провалилась. Заслушав доклады приезжих товарищей, городской и забастовочный комитеты решили забастовки не начинать. С целью ликвидировать этот вопрос была созвана новая конференция, о которой пишет тов. Самойлов. Часть товарищей, рядовых членов профессиональных союзов и партийцев, была крайне недовольна таким исходом дела. Они в течение месяцев вели непосредственно на фабриках агитацию за забастовку, а теперь, накануне объявления, им предлагали ликвидировать всю подготовительную работу. Естественно было раздражение и недовольство с их стороны. Несомненно, областная конференция профсоюзов сделала ошибку, не учла политического момента, и рядовым рабочим пришлось за нее расплачиваться. Понятны их упреки по адресу союзов.

А. Варенцова.

¹⁾ В забастовочный комитет входило несколько членов городского комитета.

²⁾ Вопрос о забастовке был решен на общегородской конференции, происходившей в конце июня.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Вторая часть моих воспоминаний, как и первая, писана мною, главным образом, на основании собственной памяти; лишь очень небольшим дополнительным материалом послужили мне печатные документы Историко-Революционного Архива, а именно: 1) дело московской судебной палаты за 1910 г. за № 182 о 15 товарищах (в числе которых был и я), членах профсоюза рабочих ситцепечатников гор. Иваново-Вознесенска, которое помогло в общих чертах восстановить историю этого первого профессионального союза иваново-вознесенских рабочих ситцепечатников; 2) найденные там же за тот же год за № 191 несколько начальных листов дела московской судебной палаты об Иваново-Вознесенском районном союзе Р.С.-Д.Р.П. в виде нескольких рапортов разных жандармских, полицейских и судебных чиновников своему высшему начальству об арестах как в самом Иваново-Вознесенске, так и в других промышленных пунктах Иваново-Вознесенского района; 3) нелегальная брошюра под заглавием «Протоколы 1-й московской областной конференции профессиональных союзов рабочих, занятых по обработке волокнистых веществ» (кажется, издание 1907 г.), и 4) некоторые сведения из «Иваново-Вознесенского губернского календаря» за 1919 г.

Кроме того, для восстановления в памяти разных подробностей некоторую помощь оказали мне краткие случайные беседы с отдельными товарищами, участниками описываемых событий (И. Е. Любимов, О. А. Варенцова, М. Икрянникова, Б. Гандурин, Д. Н. Шорохов, Н. Ананьин, В. Калашников, Д. Смирнов и А. С. Киселев).

На месте описываемых событий побывать не удалось, и поэтому, в виду вышеизложенного, претендовать на полную картину событий за описываемый период я, разумеется, не могу.

Ф. Самойлов.

The first part of the report deals with the general situation of the country and the progress of the war. It is followed by a detailed account of the military operations in the various theaters of war. The author then discusses the political and economic conditions of the country and the impact of the war on these conditions. The report concludes with a summary of the author's views on the future of the country and the role of the government.

REPORT OF THE SECRETARY OF WAR

1. После погрома в октябре 1905 года. Организация черносотенцев и перелом в настроении рабочих. Расстрел безработных.

Целого ряда старых иваново-вознесенских партийных работников, вынужденных оставить Иваново-Вознесенск по полицейским условиям, в это время уже не было в городе, напр., С. Балашева (кличка «Странник»), М. Спорышева (с фабрики Грязнова). Не было и Е. Дунаева, популярнейшего во всем районе рабочего вождя, руководителя знаменитой всеобщей летней стачки 1905 года; вскоре после стачки он одним из первых покинул наш город, будучи вынужден к этому полицейскими преследованиями, и по распоряжению наших партийных органов выехал в Москву. Позднее он был в Нижнем-Новгороде и в других местах, а в Иваново-Вознесенске больше не появлялся.

В следующие дни после погрома в октябре 1905 года наша партийная публика начала разыскивать друг друга. Настроение в первое время было подавленное, но все были сильно озлоблены. В городской комитет в это время входили А. Бубнов (Химик), М. В. Фрунзе (Трифоныч, Арсений), Н. Н. Колотилев (Лапа), А. С. Киселев и другие. После того, как мы несколько оправились от неожиданно нанесенного нам сильного удара, работа организации скоро пошла усиленным темпом. Городские конференции часто происходили в Боголюбовской слободке, у тов. Казашникова — «Отца», как мы называли его уже после погрома (в память убитого во время этого погрома Ф. Афанасьева, которого мы также звали «Отцом»).

Из центра вскоре же после погрома было получено порядочное количество оружия. Основанная еще во время летней стачки боевая дружина нашей организации скоро выросла в большую, довольно внушительную и недурно вооруженную силу. Во главе ее стояли тогда т.т. Уткин (Станко), Уралец и Костя (фамилии двух последних не помню). Все они были хорошие, честные, преданные делу товарищи.

Всех дружинников тогда было около сотни; дружина делилась на десятки, во главе каждого из них был ответственный начальник, под-

чиненный небольшому руководящему штабу. На обязанности дружины лежало охранять митинги, массовки и «летучки» от нападений казаков и черносотенцев. Вся боевая дружина вместе с ее штабом была непосредственно подчинена городскому комитету.

Некоторые товарищи из боевиков в первое время были настолько озлоблены против виновников погрома, что прямо не могли спокойно вести свою работу исключительно по директивам городского комитета и проявляли иногда свою злобу в разнообразных видах, действуя на свой риск и страх. Например, тов. Станко однажды произвел несколько выстрелов в окна казармы, где помещались так называемые «желтые казаки». Казаки эти отличались особой свирепостью; под их охраной банды черносотенцев производили погром, под их же охраной толпа негодяев убила на Талке «Отца» — Ф. Афанасьева и тяжело ранила партийного интеллигента «Павла Павловича».

Эта стрельба в казацкие казармы была в городе событием и произвела в рядах казаков и всей полиции большой переполох, а среди рабочих приходилось слышать по адресу Станко не мало одобрений. Тов. Станко устраивал еще и другие нападения на полицейских, и это ему сходило благополучно.

Через некоторое время после октябрьского погрома мы хоронили Ф. А. Афанасьева (см. первую часть моих воспоминаний). Гроб с его телом, подобранным нами на месте его убийства в тот же день, хранился долгое время в надежном месте. В день похорон он был принесен к лесной сторожке на берег реки Талки, к той самой сторожке, близ которой летом 1905 года в течение 2½ месяцев ежедневно собирались многотысячные митинги бастующих рабочих. Могила «Отца» была вырыта как раз около того места, откуда 3 июня 1905 года казаки во главе с полицеймейстером Кожеловским стреляли в собрание бастующих рабочих. На этих похоронах присутствовало несколько десятков товарищей. На могиле говорил товарищ С. Балашев. Он кратко изложил биографию погибшего. Потом говорили другие. После речей спели похоронный марш и «вечную память» и без всяких препятствий со стороны прозевавшей полиции разошлись. Однако через некоторое время полиция все-таки узнала местонахождение могилы «Отца», труп его был ею вырыт и перенесен, кажется, на так называемое Гарелинское кладбище.

После погрома в первое время настроение рабочих, благодаря террору черносотенцев, было несколько подавленное. Представители власти, фабрично-заводской администрации и всякие шпики, провокаторы и

подхалимы на фабриках подняли головы и начали вести себя вызывающе; главарями погрома в городе была создана черносотенная организация под названием «Самодержавно-монархическая партия», в которую в качестве руководителей вошло несколько попов и крупных торговцев, всякая рвань и шпана из подонков тогдашнего «общества», казаки, полицейские, шпики и прочие агенты власти, часть лиц фабрично-заводской администрации и маленькая частичка из наиболее отсталых элементов рабочих.

Эта черносотенная организация в первое время своего существования часто устраивала митинги на городской площади и шествия по городу с национальными флагами и портретом царя и учиняла избиения лиц, казавшихся ей почему-либо «подозрительными», а также производила иногда нападения на квартиры некоторых товарищей и обыскивала их (например, т.т. Козуевых в Боголюбовской слободке).

На площади во время их митингов все присутствующие должны были снимать шапки и стоять с обнаженными головами, иначе неизбежна была самая варварская расправа. То же самое требовалось от всех встречаемых под страхом той же расправы во время их манифестаций по улицам города.

В первое время на некоторых фабриках монархисты доносами администрации, а нередко и просто кулачными расправами, терроризовали даже наиболее передовую и сознательную часть рабочих. Наступила полоса довольно сильного морального развала, выразившегося в небывалом до того времени пьянстве. Характерно, что это массовое пьянство в начале своего возникновения не только не подвергалось надлежащему преследованию со стороны фабрично-заводской администрации, как это было в дореволюционное время, но даже поощрялось ею. Так, на некоторых фабриках («Компания» и другие) рабочие от времени до времени получали от хозяев через директора фабрики порядочные суммы «на водку» и иногда останавливали с разрешения администрации фабрику, оканчивая работу раньше установленного времени, и всею массой шли куда-нибудь за реку пить водку, и, понятное дело, в результате этого в следующие дни был немалый процент прогулов «с похмелья». Это, конечно, фабрично-заводская администрация предвидела и прекрасно учитывала; тем не менее, она на это шла, сознательно рассчитывая путем спаивания революционно настроенной рабочей массы затупевать ее настроение и отвести от себя злобу рабочих и решимость возобновить борьбу за свое освобождение.

Но такое поощрение пьянства вызвало к жизни новое отрицательное явление, зло породило другое зло. Началось небывалое хищение

товаров, с которым фабрично-заводская администрация была совершенно бессильна справиться; ее бессилие только поощряло зашатавшихся этим делом рабочих, и хищения приняли под конец неслыханно широкие размеры.

В декабре 1905 года однажды было устроено в лесу за речкой Талкой собрание безработных. На охрану этого собрания явилось несколько дружинников. Белый снежный ковер лежал на всем окружающем, было спокойно и тихо, и ничто, казалось, не предвещало никакой опасности. Но не успели еще собравшиеся открыть собрание, как со стороны станции железной дороги в видневшейся там группе рабочих раздался крик: «товарищи, смотрите, казаки, казаки!». Собравшиеся не слышали хорошо этого крика, им показалось, что кричат: «смотрите, коза-то, коза-то», и пока они смотрели вокруг, отыскивая глазами эту воображаемую козу, со стороны леса показался отряд казаков. Он заехал к собравшимся в тыл и подошел так близко, что убежать от него было уже очень трудно. Но так или иначе, выхода иного не было, и публика бросилась в разные стороны. Раздалась стрельба из винтовок,—это казаки стреляли по убегающим. Один из дружинников, кажется, товарищ «Костя», засел где-то между деревьями и начал из револьвера отстреливаться, а недавно вернувшийся из ссылки тов. Кирякин, одетый в тяжелую шубу и большие валенки, убежать не мог и, видя, должно быть, неизбежность ареста, пошел через речку прямо к казакам. Но не успел он перейти через реку, как был тяжело ранен казацкой пулей и упал на месте, а остальные все разбежались, и долго отстреливавшегося тов. «Косте» также удалось, наконец, скрыться. Тов. Кирякин, доставленный в больницу, очень скоро скончался от полученной им раны.

Эта зверская расправа казаков с безработными вызвала среди рабочих озлобление.

**2. Иваново-Вознесенская окружная с.-д. организация.—Кампания бойкота 1-й Госуд. Думы.—Убийство охранника.—
Безработица.—Снова на фабрике.**

За лето 1905 года с.-д. организации во всех промышленных пунктах Иваново-Вознесенского района настолько развились, выросли и окрепли, что существовавший в Иваново-Вознесенске утвержденный в июле месяце центральным комитетом партии городской комитет с.-д. органи-

зации был уже не в силах обслужить округу, а мог с трудом обслужить только одну городскую Иваново-Вознесенскую организацию.

Поэтому на состоявшейся в гор. Шуе в конце 1905 года (в ноябре или в декабре) окружной конференции было вынесено решение создать самостоятельную окружную с.-д. организацию, в которую вошли: Шуя, села Кохма, Лежнево, Тойково, Горки (Шорыгинские), Гаврилов посад, Родники и Середа.

Для руководства этой организацией был создан Окружной Иваново-Вознесенский комитет Р. С.-Д. Р. П., который и был вскоре утвержден центральным комитетом партии. Центром этой новой, независимой от Иваново-Вознесенска, с.-д. организации был назначен город Шуя.

Эта новая организация ко второй половине 1906 года еще более усилилась и окрепла, насчитывая в своих рядах членов больше, чем в городской организации.

С момента появления параллельной Иваново-Вознесенску окружной организации, обе организации—как городская, так и окружная—повели каждая самостоятельно усиленную партийную работу не только среди рабочих района, но и среди крестьян. Среди последних в нашем районе имелся большой процент полупролетариев, работавших уже на фабриках и заводах, но еще связанных с деревней, и крестьянской бедноты, еще на фабриках не работавшей, но стоявшей уже на пути к пролетаризации. Элемент этот был вполне подходящей почвой для партийной работы, и в конце лета этого года уже начали создаваться в некоторых местах чисто крестьянские с.-д. организации (напр., в Васильевской волости Шуйского уезда и в Парской — Юрьевоцкого).

Обе организации имели свои типографии, выпускавшие по всяким поводам не мало листовок, часто устраивали массовки и митинги, руководили стачками, давали инициативу по организации профессиональных союзов, согласно изданных правительством 4 марта 1906 г. так называемых «временных правил» о союзах и обществах, и проводили кампанию бойкота 1-й Гос. Думы.

Из виднейших партийных работников за описываемый период в нашем районе помню имена следующих товарищей: П. Е. Любимов («Григорий»), М. В. Фрунзе, О. А. Варенцова (Екатерина Николаевна), Е. А. Мороховец (Валентин), А. С. Бубнов, тов. Константин¹⁾, К. Гандурин (Лука), П. Веселов (Сохатный), Н. Аваньин (Горький), Д. И. Шорохов, А. С. Киселев, В. П. Кузнецов (Северный), С. Козлов, Тру-

¹⁾ М. М. Михеев.

бочкин, И. П. Фирстов, Лукичев (крестьянин), Г. Гнедин, С. Икрянистов (Тезка), А. Сквородин (Быстрый), И. И. Коротков (Святой), Д. С. Маслов, С. Медеников.

Согласно постановления Всероссийской партконференции о бойкоте 1-й Гос. Думы, городская организация вела усиленную устную и печатную агитацию за бойкот. Во время выхода рабочих из корпусов по окончании работы у фабрик устраивались «митинги-летучки».

На одной из таких «летучек» во дворе фабрики («Компания») однажды какой-то глупый черносотенец выступил и говорил, что в Думу, мол, нужно послать депутата, потому что этого желает сам «батюшка-царь», но выбирать нам его не следует, а нужно попросить начальство, чтобы оно само назначило этого депутата по своему усмотрению, потому что мы, рабочие, ничего в этом не понимаем, а начальство знает это дело лучше нашего. Отвечая ему, я разъяснял рабочим, что депутат не может быть назначенным, что это—должность выборная и т. д. Полицейский надзиратель этой фабрики, Простосердов, стоял в стороне у стены и слушал, а когда я стал доказывать необходимость бойкота, быстро подошел к бочке, на которой я стоял, и со словами: «Слезай с бочки!» схватил меня за полу пальто и стащил на землю. У меня мелькнула мысль, что я арестован, но надзиратель, стащив меня с «трибуны», отошел снова на свое прежнее место. После этого инцидента больше никто не выступал, и я вместе с расхопившимися рабочими благополучно вышел за ворота фабрики.

Либеральная буржуазия в лице партии кадетов также в это время вела всюду усиленную кампанию за участие в Гос. Думе. И однажды в саду графа Шереметьева, в помещении «клуба приказчиков», кадетами было устроено предвыборное собрание, на котором выступал специально приехавший для этой цели П. Б. Струве.

Чтобы обезопасить себя от возможного нападения черносотенцев в лице существовавшей тогда в городе «самодержавно-монархической партии», кадетские устроители собрания предоставили для нашей с.-д. организации большое количество билетов, и к назначенному времени наша бойкотистски настроенная публика явилась в большом количестве. В помещении было также некоторое количество всякой кадетствующей публики, и, как полагалось, «для поддержания порядка» был и полицейский надзиратель с городскими.

Первый выступивший П. Струве много говорил о достоинствах «представительного строя», о прекрасных качествах «просвещенного» парламентаризма, об ошибочности бойкота и необходимости участия в выборах в Гос. Думу. Его часто прерывали всевозможными репликами,

криком и шумом. После него выступил один из наших партийных интеллигентов под псевдом тов. Алексева, которого «за резкие выражения» с первых же слов остановил полицейский надзиратель. Мы громко и шумно запротестовали. Надзиратель начал угрожать закрытием собрания. Мы зашумели еще сильнее. Струве взял слово и, пробуя успокоить собравшихся, между прочим, обронил словечко, что он «тоже был когда-то марксистом». В ответ на это послышалось: «Зачем же ты убежал от нас? или у буржуев-то теплее служить?» — «Вонечно, теплее, — воп какой у него горб-то наперед-то вырос, что в длину, что в ширину — один размер!..» и т. д. и т. п. Когда собравшиеся несколько успокоились, снова выступил Алексеев, но опять за «резкие выражения» был остановлен надзирателем. Последовали новые еще более решительные и шумные крики протестов, и надзиратель громко закричал, что закрывает собрание. Таким образом собрание было сорвано. По выходе из помещения нас встретили «желтые казаки», стоявшие в большом количестве вокруг здания театра. При виде их публика значительно утихла, и дело обошлось без арестов.

После такого неудачного опыта кадеты в нашем городе больше предвыборных собраний в эту кампанию не устраивали.

Кампания бойкота среди революционно настроенных широких рабочих масс имела большой успех, и морально мы ее выиграли полностью, но на некоторых фабриках и заводах при поддержке фабрично-заводской администрации и небольших кучек черносотенцев все же было избрано несколько «уполномоченных» по выборам в Гос. Думу. Эти «уполномоченные» своевременно ездили в губернский город Владимир на выборы, но рабочие массы были, по меньшей мере, равнодушны к «деятельности» этих «представителей» и Думой очень мало интересовались, хотя в губернии от рабочей курии все-таки и был избран депутат в 1-ю Думу (Лебедев, кажется, с фабрики Баранова в одном из уездов).

Чтобы не допускать устройства «митингов-летучек» в моменты выходов с фабрик и заводов, у ворот их часто появлялись отряды казаков. К этому же времени для охраны этих «летучек» и для охраны от арестов выступавших там товарищей являлось и несколько наших «дружинников».

Однажды зимой 1905—1906 г.г. (в декабре или в январе, точно не помню) во время смены рабочих, в тот момент, когда одна смена уходила с фабрики, а другая шла на работу, к воротам фабрики Бабулини приехали казаки и стали в боевом порядке против фабричных ворот. Там уже было несколько наших дружинников, также стоявших

в разных местах около ворот, и вот одному из казаков почему-то показался подозрительным один дружинник; под'ехав к последнему, казак потребовал показать ему документы. Дело для дружинника было скверное: он был с оружием и нужных документов, конечно, не имел. Поэтому ему угрожал несомненный арест с очень тяжелыми для него последствиями, но в этот момент раздался револьверный выстрел, а затем другой, третий, и началась стрельба; убитый наповал казак слетел с лошади, остальные же казаки, пришпорив лошадей, в большой панике быстро уекакали от ворот.

Кем из дружинников был убит казак — тем ли, к которому он придрался с требованием документов, или другим, — точно не помню, но, так или иначе, выстрел этот дал возможность всем дружинникам своевременно скрыться. Когда через некоторое время уже вооруженные винтовками и в большом количестве казаки снова вернулись на место происшествия, то там уже никого из «виновных» и вообще из наших товарищей не оказалось. Казаками были арестованы по «подозрению» тов. Колотилов и несколько совершенно непричастных к делу лиц, которые вскоре же и были освобождены, а виновных так и не удалось обнаружить. Тов. Колотилону из тюрьмы через некоторое время удалось бежать; перейдя на нелегальное положение, он вынужден был оставить Иваново-Вознесенск и уехать, кажется, в Москву, где его не знала полиция, и где он, соблюдая конспирацию, мог успешно вести партийную работу. Только после февральской революции 1917 года, отбыв многолетнюю каторгу, он вновь появился в Иваново-Вознесенске.

С Пасхи 1906 года вместе со многими другими товарищами, бывшими членами Совета Раб. Депутатов (человек около 10), я был уволен с фабрики, и мне пришлось порядочное время «погулять» в качестве безработного, и куда я ни приходил с намерением поступить на работу, веюду мне отказывали, как только узнавали, кто я и где работал. Между тем, мое материальное положение было критическим. Из деревни родные меня поддержать не могли, так как сами ждали от меня поддержки. Потеряв надежду на отыскание работы в Иваново-Вознесенске, я вместе с некоторыми другими, также уволенными с разных фабрик за забастовку, товарищами (Кривоноговым, Радостиным и др.) подумывал уже ехать в другие места, в другой город. Мне этого очень не хотелось, но выхода иного не было видно; оставалось только выбрать место и назначить время от'езда. Но в это время на фабрике Грязнова (большая ситцепечатная мануфактура) было объявлено о наборе ее одной смены

рабочих, и я решил сделать последнюю попытку остаться в Иваново-Вознесенске.

Когда я пришел к этой фабрике, у ее ворот была уже громадная толпа безработных, желавших поступить на работу. Люди стояли такой тесной стеной, что пробраться сквозь нее к калитке, где должен был начаться набор, не было никакой возможности. До указанного в объявлении времени начала набора было еще несколько часов, а толпа, жаждавшая работы, уже теснилась давно у ворот фабрики в ожидании выхода управляющего, и каждый старался всеми силами пройти вперед, поближе к желанной калитке. Поэтому давка в толпе была невообразимая. Попытки отдельных товарищей установить что-нибудь вроде очереди ни к чему не приводили. Большинство не шло ни на какие уговоры и убеждения, каждый, нажимая на соседей, старался всеми силами попасть вперед.

Мы с тов. Радостиным и некоторыми другими, уволенными за стачку, с разных фабрик и заводов, влились также в эту толпу и стали ждать выхода управляющего. Так прошел час и другой. Солнце уже высоко поднялось на безоблачном небе и сильно жгло наши головы. В толпе стало жарко и душно. Лица людей обильно, как росой, покрылись каплями пота, было трудно дышать, и порой кружилась голова.

Но вот скрипнула и открылась калитка. Мгновенно толпа с силой устремилась к ней, и несколько человек, стоявших впереди, застряли так крепко в отверстии калитки, что некоторое время не могли ни попасть во двор, ни выбраться обратно, создав собою пробку, которая была вышиблена во двор только дальнейшими нажимами толпы. Когда пробка была вышиблена, началось уже нечто совершенно неопишное. Люди, напирая на калитку, так тесно сжались, что слышались стоны, крики и ругательства придавленных в этих живых тисках. Многие половчее, выбравшись наверх, буквально пошли по плечам толпы и первыми попали к калитке.

Между тем за калиткой, в маленьком коридорчике, управляющий фабрикой Л. И. Постников производил уже набор. Сначала он учинял каждому допрос, и поэтому прием подвигался медленно, а толпа неистовствовала, «хождение по плечам» начало сильно озлоблять ее и некоторых таких «акробатов» стаскивали обратно вниз.

С момента начавшегося набора прошло порядочно времени, а число людей, жаждущих работы, продолжало все увеличиваться.

Мои бока уже были намяты изрядно, а калитка была от меня все еще не близко. Но вот я около калитки. Берусь за скобку, открываю ее и, сильно подталкиваемый сзади, вхожу в узкий коридорчик и остававши-

ваюсь прямо перед управляющим фабрикою, человеком средних лет, высоким, широкоплечим, с небольшой черной бородкой. Он устремляет на меня в упор свой пронзительный взгляд и говорит: «Где работал раньше?» «У Компании» — отвечаю я и в душе уже ожидаю, что вот вот он сейчас скажет то же, что мне говорили везде: «взять не могу». Но слышу дальше: «Когда и почему уволился?» — «С Пасхи вместе со всеми рабочими (в то время на Пасху на всех фабриках и заводах рассчитывали рабочих, а после Пасхи вновь набирали), а потом поработал с отцом в лесу, пилили бревна и не пришел во время на фабрику, опоздал на несколько дней, а когда пришел, место мое уже было занято», — отчеканиваю я, не моргнув глазом. Он на момент умолкает, потом спрашивает, что я могу делать, берет мой паспорт и отмечает на нем: «в суровую палатку». Затем бросает мне: «Идите во двор» и кричит: «следующий».

Во дворе уже был не один десяток человек, так же, как и я, принятых на работу. Они чего-то ждали, я присоединился к ним. Тут же был и тов. Радестей, уволенный с фабрики Куваева.

Наконец, пришел «табельщик» и направил нас по назначению: каждого в свое отделение. Так я поступил снова на работу и остался поэтому в Иваново-Вознесенске.

Фабрика Грязнова, на которую я теперь поступил, считалась «передовой», ее владельцы слыли либералами. Поэтому рабочим здесь жилось немного лучше и свободнее, чем на остальных. Во время летней стачки 1905 года бастующие пользовались столовой и спальней, а в результате стачки они получили большие уступки, чем на других фабриках. Так, было удовлетворено их требование о создании особой «паритетной» комиссии для решения вопросов о приеме и увольнении рабочих и служащих и для разрешения конфликтов, возникавших между рабочими и администрацией. Комиссия эта была создана и существовала с момента окончания стачки вплоть до октябрьского погрома, когда и была «ликвидирована», а ее рабочие представители вынуждены были долгое время скрываться. Словом, фабрика эта до октябрьского погрома и до объявления в известном царском манифесте всяческих «свобод» была выдающейся как по организованности и сплоченности рабочих, так и по несколько лучшим, чем на других фабриках города, условиям работы и считалась образцовой не только в Иваново-Вознесенске, но и во всех окрестных городах и местечках.

Но это было до октябрьского погрома и царского манифеста «о свободах». Теперь же, в момент моего поступления сюда — в мае 1906 г. — было уже не до.

«либерализм» владельцев фабрики сильно выцвел и похлинал, и отношение к рабочим со стороны фабричной администрации стало гораздо более строгим, а порой и прямо беспощадным, поэтому всякие «языки» — шпиксы, доносчики и подхалимы, члены иваново-вознесенской черносотенной организации, пользовались у администрации большим покровительством и всякими привилегиями, а этой «шпаны» в момент моего поступления на эту фабрику здесь было не мало, и она ревностно проявляла свое усердие.

Под их влиянием произведено было немало всяческих изменений во внутреннем быту фабрики. Так, например, из имевшейся при фабрике библиотеки были изъяты не только революционные (были также и такие до погрома), но и все более или менее либерально-прогрессивные издания.

По доносам черносотенцев увольнялось немало как членов с.-д. организации, так и сочувствующих беспартийных. Нашей партийной публике приходилось вести себя очень осторожно и долгое время всячески скрывать свои убеждения, но и черносотенцы действовали осторожно и не только из соображений погони за большими результатами своего усердия, сколько из трусости, ибо, несмотря на то, что обстановка им благоприятствовала, они все же нас боялись.

В отделении суровой палатки, куда я поступил на работу, было несколько десятков человек рабочих — браковщики, нашивальщики, таскальщики и проч. Работа здесь была тяжелая и очень пыльная и, несмотря на имеющуюся некоторую вентиляцию, воздух постоянно был сильно насыщен хлопчатобумажной пылью, которая сильно засоряла легкие и вызывала кашель и чихание.

Браковщики (человек 7) в этом отделении причислялись к категории «квалифицированных», их специальность состояла в просмотре получаемого с ткацких фабрик сурового материала и в отыскивании брака для посылки его обратно на ткацкие фабрики. Они получали высшую в этом отделении ставку (от 67 до 90 коп. в день, смотря по давности работы на фабрике), а все остальные считались чернорабочими и получали меньше.

Скоро я узнал, что из браковщиков старший (он же и заведующий браковкой) Малков и браковщик Гусев были активными черносотенцами. А Чувашев был вполне свой человек, сочувствующий партии. Остальные обыкновенные рядовые беспартийные, в большинстве явно сочувствовавшие революции.

Несмотря, однако, на такой ничтожный процент черносотенцев в отделении, все вели себя очень осторожно, терроризированные боязнь

их доносов, стараясь не проявлять открыто свои симпатии к революции. Видя это, я в первое время также старался вести себя осторожно, и в глазах Малкова и Гусева некоторое время разыгрывал беспартийного. Со всеми остальными в отсутствие их я вел себя более свободно, хотя в первое время был тоже осторожен. Но «шила в мешке не утаишь», рабочие меня быстро раскусили и начали обращаться ко мне за разъяснением разных вопросов, как к партийному. Вскоре я перестал скрывать от них свои взгляды, продолжая все же быть осторожным в отношении Малкова и Гусева. Но и они меня также быстро раскусили, хотя не давали виду.

Обнаружилось это следующим образом. На фабриках и заводах Иваново-Вознесенска, как и в других местах, можно сказать, с незапамятных времен существовал обычай «пить магарыч». Каждый вновь поступивший на фабрику или завод должен был угостить своих товарищей по отделению вином. С этим вредным пережитком старины мы, социал-демократы, делали немало попыток бороться, но попытки эти в большинстве случаев успеха не имели, как и вообще попытки борьбы «с выпивками»: очень уж они были сильны, слишком глубокие корни имели они в тогдашней обстановке жизни рабочего. Не имея возможности вследствие тяжелого материального положения получить здоровое развлечение в свободные от работы часы, у громадного большинства рабочих было единственное пристанище—кабак, и этой слабостью, к несчастью, страдали и очень многие члены партии (ибо не мы создаем обстановку, а обстановка нас). Некоторые из товарищей видели в этом обычае магарыча даже положительные стороны: у рабочих, мол, нет никаких способностей побеседовать «по душам» в большом собрании, ибо в виду их запрещения по всем поводам, кроме выпивок, они могут быть только нелегальными, а на нелегальные (каковыми были тогда массовки в лесу) попадает лишь очень незначительный процент беспартийных, а здесь, на магарычах, бывают все, за исключением очень малого процента пьющих.

И вот на такой магарыч пришлось пойти и мне: на нем вместе с другими рабочими были и черносотенцы Малков и Гусев и заведующий всем суровым отделением Василий Федулыч, или, как его все звали, просто Федулыч. По прибытии на место (это было на лугу у городского кладбища), все трое показали, что они «выпить не дураки» и раньше других здорово напились. Их языки развязались, старший из них Федулыч подсел ко мне и начал такой разговор: «Послушай, брат, что ты это дурачком-то прикидываешься, уж не думаешь ли ты нас провести?»—«А что?»—спрашиваю я, настоорожившись.—«Да чего ты нам

втираешь очки-то и разыгрываешь какую-то казанскую сироту, я ведь вижу, что ты за птица; от «Компании» уволен за забастовку, я ведь это хорошо знаю, и ты, брат, меня не проведешь». — «Ну, так что ж такое, — сказал я, начиная волноваться: — за забастовку, так за забастовку, вам-то какое дело?» — «Как, какое мне дело?» — отвечает он, повышая голос, — я старший над всем отделением и должен следить, чтобы в моем отделении забастовщиков не было». — «Ну, так что же вы теперь со мной сделаете?» — говорю я, повышая в свою очередь голос. — «А вот я вас переvedу в крахмальные барабаны (одна из самых грязных и плохо оплачиваемых работ), а если что будет замечено, так вас и совсем выпроводят за ворота». Я уже дольше сдерживать себя не мог и, сильно векипев, раздраженно закричал: «Как! вы пьете мое вино, опиваете меня, да еще и угрожаете со мной расправиться, а попробуйте это сделать!» — «А что ты мне сделаешь, если я попробую это сделать», — крикнул также громко и он. — «А вот попробуйте привести свои угрозы в исполнение, тогда узнаете, — продолжаю я: — вы думаете я не могу вам отомстить, сумею это сделать, очень даже сумею и в ваши крахмальные барабаны я не пойду, а лучше уйду с фабрики, но тогда вам это даром не пройдет, так и знайте», — продолжаю я дальше, а в это время остальные участники «магарыча» так притихли, что кругом, кроме наших двух спорящих голосов, не было ничего слышно. Все они окружили нас и с большим интересом следили за ходом нашего спора.

Федулыч был человек, от которого все они зависели полностью. Стоило ему только захотеть и любой из них в любое время мог очутиться за воротами фабрики, в армии безработных. Поэтому никогда никто из них не только ни в какие с ним пререкания не вступал, но постоянно старался всячески его задобрить, а тут вдруг нашелся храбрец, осмелившийся говорить ему прямо в глаза, что он его не боится. Все они, повидимому, решили, что мне не сдобровать, и молча ждали конца нашего поединка. Браковщик А. Чувашев осторожно делал мне руками и глазами какие-то знаки, которые я понимал, как приглашение кончить спор. Он делал это из боязни за мою судьбу, но я уже решил, что мне все равно не сдобровать и шел так сказать «ва-банк» вплоть до применения физического воздействия, если бы оно потребовалось, но после моих последних слов и угрозы Федулыч как-то сразу затих и некоторое время сидел и молча на меня смотрел налившимися кровью глазами. Потом вдруг быстрым движением подсел ко мне ближе и, хлопнув меня по плечу, дружелюбным тоном сказал: «Ну ладно, ладно, чего ты так разошелся, я ведь только пошутил, зачем нам ссориться-то, мы ведь с тобой земляки». — «Все мы земляки, на одной земле живем», — сказал

я.—«Нет, нет, я серьезно—продолжает он,—мы с тобой одной волюсти, моя деревня от твоей всего четыре версты расстояния» (он назвал свою деревню).—«Ну так что же,—говорю я дальше:—тем хуже, от таких «земляков», которые шпионят за нами и выбрасывают нашего брата с фабрик, избавь нас бог!»—«Да ладно же, земляк, говорю тебе, что пошутил. Давай вот лучше выпьем и забудем всякие ссоры, чего нам делить-то»,—говорит он.—«Что можно забыть, а что бывает и нельзя»,—говорю я упорно непримиримым тоном. Товарищ Чувашев снова делает мне знаки, а другие уже наливают водку.

Я бросил спор и дальше магарыч закончился благополучно, за исключением разве некоторых не сумевших попасть на квартиры вследствие сделанных ими хороших к магарычу добавлений.

На другой день многие вышли на работу, как в таких случаях обычно бывает, с большими головами. Тов. Чувашев и некоторые другие высказывали большие опасения, что мне, пожалуй, после вчерашней истории с Федулъчем не поздоровится, но на деле вышло обратное. В этот же день стало видно, что Федулъч струсил. При первой же встрече он первый снял фуражку и, здороваясь с «земляком», спросил, не обижаясь ли я за вчерашнее, и снова уверял, что он только пошутил. С этого времени он всегда еще издали спинал шапку и, здороваясь с улыбочкой, называл меня или «господин депутат», или «господин социал-демократ». Его же примеру стали следовать и оба его подручные Малков и Гусев, всегда выражая мне наружно какое-то особое предпочтение.

После этой истории я стал вести себя уже совершенно свободно и по разным политическим вопросам в присутствии всех рабочих отделения вступал с Малковым и Гусевым в большие споры, а в очень скором времени я стал открыто играть уже роль руководителя рабочих отделения.

В партийной ячейке на фабрике большинства старых вождей, завоевавших популярность во время летней стачки 1905 г., теперь уже не было. Многие из них ушли с фабрики, вынужденные скрываться, и в ячейку теперь входило уже не мало новых из вновь поступивших на фабрику товарищей. Кроме нас, меня и тов. Радостина (Монах), в нее входили Кривоногов, Аркадий Кондаков (последний впоследствии стал помощником управляющего и ушел от нас), Дмитрий Мерозов, Е. Лаврентьев, К. Лещенко, П. Буткин, Вальков, Зеленцов, Трубочкин, Баранов, Г. Киселев, П. Гандурин и другие.

Фабрика была на окраине города, очень близко к лесу, и летом собрания ячейки устраивались в лесу. В этом же лесу нередко устраивались районные собрания, а также и общегородские и большие мас-

совки. В этом же лесу, совсем близко от фабрики, мы нередко хоронили полученную для распространения нелегальную литературу, а по вечерам из этого леса в дни наших собраний на фабрику явственно доносились пение революционных песен.

Помню одного старика, рабочего-монархиста, Андрея Ефимовича, как все его звали. Это уже был человек лет 50-и; был ли он шпиком, не знаю, но монархистом он себя старался доказать при всяком удобном случае самым заядлым; когда он слышал доносившееся из леса пение революционных песен, то становился, как говорится, «сам не свой», ходил мрачно, повесил голову, и высказывал вслух своим единомышленникам свое недовольство по поводу того, что «революционеры еще есть, еще собираются по лесам и поют там свои безбожные песни и, должно быть, готовят еще новые забастовки и революцию». А когда кто-нибудь из рабочих начинал шутить над ним, что вот, мол, «Андрей Ефимович скоро будет стачка и тогда уж тебе будет туго, тебя, пожалуй, вывезут на тачке» и т. п., он страшно ругался: «все вы безбожники и скеси, настоящие скеси и больше ничего».

Во время разбора вопроса об улучшении пищи в столовой, имевшей тогда при фабрике, я был избран представителем от рабочих нашего сурового отделения для переговоров с администрацией. Когда мы, уполномоченные от рабочих всех отделений фабрики, собрались в прихожей директора и в ожидании его прихода стояли большой группой, рассуждая между собой о предстоящих переговорах, туда забегали под разными предлогами «мелкие сошки» администрации, желая узнать, в чем дело. Заглянул туда и Федулъч и, когда увидел меня, было заметно, как он сразу изменился в лице и, как-то особенно волнуясь, быстро скрылся. Было ясно, что он перетрусил, предполагая, повидимому, что дело пахнет забастовкой, которая вследствие его скверной репутации угрожала ему лишением должности.

Но переговоры кончились успешно, между нами и администрацией было достигнуто соглашение.

После этого случая Федулъч и другие его единомышленники уже серьезно стали считаться со мной, как с одним из руководителей рабочих, за которого они в случае надобности могут и постоять. С этого момента мое положение на фабрике порядочно упрочилось, а настроение рабочих к этому времени уже значительно улучшилось. Страх перед террором черносотенцев исчез, и представители их—члены городской черносотенной организации—окончательно потерял свой вес не только в глазах рабочих, но в значительной степени и у высшей администрации фабрики: последняя, как и в прежние дореволюционные времена, стала

всячески заигрывать с рабочими, наружно проявляя свою «терпимость» по отношению к передовой сознательной их части и даже некоторых вождей летней стачки 1905 года приняла обратно на работу (С. Икрянникова и других).

3. Боевая дружина нашей с.-д. организации. Союз безработных. Профессиональные организации.

Боевая дружина нашей с.-д. организации, действовавшая в первой половине 1906 года по директивам партийного центра, во второй половине этого года начала пошаливать, учиняя разные, сначала небольшие нарушения партдисциплины, а под конец и очень крупные проделки. Так, например, в конце лета она совершила нападение на кассира Кохонской фабрики Ясюнинских, убила его и отобрала крупную сумму денег, кажется, 18.000 рублей. Часть этой суммы (1.000 руб.) дружинники предложили взять городскому комитету нашей с.-д. организации на его нужды. Но, будучи принципиальным противником такого рода добывания средств, городской комитет, конечно, не только ни малейшей части из этих денег не принял, но и категорически высказался против деятельности дружины. Дружинники с этим не согласились, у них уже к этому времени выработался по этому вопросу свой определенный взгляд, оправдывающий необходимость так называемых «эксов».

Причин установления этого взгляда было несколько. Во-первых, та, что, представляя собою довольно солидную вооруженную силу, дружина наша тогда уже не удовлетворялась одною только ролью охранителей наших «митингов-летучек» и лесных «массовок», а чувствовала, как и всякая вооруженная сила, с течением времени все большую и большую потребность применить свое оружие в более широком масштабе. Во-вторых, причина экономическая: по самому роду своих обязанностей большинство дружинников вынуждено было жить нелегально, поэтому добывание средств существования легальными способами было для них сильно затруднено, и это обстоятельство не могло их не толкать на соблазнительные своею легкостью способы получения этих средств путем применения оружия, «бесполезно ржавевшего», как многим из них казалось, в их руках.

Кроме этих причин, немаловажное значение, конечно, имели и принципиальные взгляды, имевшиеся у дружинников по этому вопросу. Поэтому отвести дружину с этого скользкого пути с помощью партдисциплины было уже невозможно. За первой большой «удачной» операцией скоро последовало несколько мелких, а в начале 1907 года боевики огра-

били почтовое отделение в селе Лежневе; эта операция уже не обошлась без жертв для дружинников: во время отступления в кармане товарища дружинника по кличке «Варлен» (настоящей его фамилии не помню) разорвалась бомба, которой он и был убит. Его изуродованный труп попал в руки полиции, которая вместе с толпой черносотенцев устроила ему похороны с всевозможными издевательствами. Затем было крупное ограбление, кажется в с. Ермолине, а дальше, катясь по этой наклонной плоскости, дружинники докатились до разбойных нападений обыкновенного уголовного типа в виде ограблений разных мелких торговцев, лавочников (как это было, например, в поселке Рылиха).

После первых же ограблений городским комитетом было поставлено дружинникам ультимативное требование: или подчиниться партдисциплине и отказаться от своей деятельности, или же выйти из организации.

Когда дружинники отказались подчиниться этому требованию, организацией был выпущен специальный листок, в котором категорически заявлялось, что она ничего общего не имеет с грабительской деятельностью дружинников, клеймит ее позором и никакой ответственности за подобное поведение дружины нести не может и т. д. После этого всем дружинникам предложено было сдать в организацию имевшееся у них оружие; последние подчиниться этому требованию отказались, по некоторую частичку оружия отобрать у них удалось.

Таким образом с.-д. организация отмежевалась от позорящего ее поведения дружины. А последняя, имея постоянно крупные деньги, начала заниматься кутежами. Разлагаясь морально, дружинники часто попадались во время своих кутежей в руки полиции, и таким образом в конце концов вся дружина нашла себе бесславный конец, который всецело вытекал из занятой ею основной позиции по вопросу об отношении к экспроприациям. Надо, однако, признать, что в ее рядах было не мало в высокой степени ценных, дельных и беззаветно преданных делу революции товарищей, иногда с кристально чистой душой, как, например, И. Уткин (Станко) и другие.

В конце мая или начале июня этого же 1906 года однажды группой товарищей-безработных, среди которых были Д. И. Шорохов, Арзубов и другие, было созвано в лесу собрание безработных, на котором избрана была делегация для посылки к полицмейстеру с требованием организовать общественные работы. В состав делегации вошли названные выше Шорохов и Арзубов.

Когда они пришли к полицмейстеру Виноградову и от имени нескольких сот безработных предъявили свое требование, полицмейстер

сначала много кричал на них, угрожая арестом и высылкой, но в конце концов, видя что его угрозы должного впечатления на делегатов не производят, пообещал снестись с Городекой Управой и выяснить, что она может в этом отношении сделать.

После порядочной волокиты требования безработных был выполнены. Городекая Управа предложила завалить один большой овраг на одной из улиц близ дома фабриканта Гандурина.

Сначала, согласно заключенного между безработными и Городекой Управой договора, работало человек около 300, а потом, вопреки этого условия, даже около 400.

Работа шла все лето вплоть до осени и Городекой Управе пришлось выплатить безработным порядочную сумму. Тогдашним «отцам города», т.е. фабрикантам и крупным торговцам, из которых состояла тогда Городекая Дума, это было очень не по нутру, и они неоднократно поднимали вопрос о прекращении этих работ, но работающие бросить работы отказывались, и Городекая Управа вынуждена была платить им за работу. Но, наконец, дело окончилось тем, что по распоряжению полицмейстера, безработных разогнали казаки.

Весною того же года, спустя некоторое время после опубликования царским правительством так называемых «временных правил о профессиональных обществах и союзах» от 4 марта 1906 года, в нашей с.д. организации возник вопрос о создании профессиональных организаций на основании этих «временных правил».

В первое время к этому вопросу отношение среди организованных товарищей было различное. Одни находили, что за организацию союзов следует взяться серьезно и немедленно, другие смотрели на это или иронически, не придавая этому вопросу серьезного значения, или же прямо враждебно на том основании, что у нас и так мало сил и их надо беречь для настоящей революционной работы. Но большинство было все-таки за организацию союзов. И вот, в конце весны или в начале лета несколькими товарищами «учредителями» (Гандурин, Соловьев, Лешенко и другие) в Губернское по делам об обществах и союзах присутствие, которое имелось тогда при губернаторе, было подано заявление об утверждении устава «Профессионального общества рабочих ситцепечатных фабрик гор. Иваново-Вознесенска», выработанного ими согласно упомянутых выше «временных правил». Профессиональные организации рабочих тогда не имели права называться союзами: царское правительство боялось тогда даже самого слова «союз рабочих», поэтому профессиональные союзы по этим правилам должны были называться «профессиональными обществами».

Несмотря на то, что устав Общества был выработан в самом строгом согласии с указанными правилами, Губернское Присутствие не мало времени водило за нос учредителей, придумывая всякие придирки к отдельным пунктам устава и указывая на их якобы незаконность.

Несколько раз устав присылался обратно для исправления, и эта волокита с утверждением устава тянулась около трех месяцев, пока, наконец, в августе или сентябре этого же года устав был утвержден, и «учредители» приступили к непривычной легальной работе по профессиональному движению.

На первом же организационном собрании было выбрано правление союза, в которое вошли: председателем—С. Икрянистов, ответственным секретарем—К. Гандурин, К. Лещенко, Е. Лаврентьев («Борец»), Соловьев, я и некоторые другие членами правления, и союз открыл свои действия¹⁾.

Сначала правление помещалось в очень маленьком домике, у так называемого «Приказного моста». Помещение это представляло собой убогую лачугу без прихожей и даже без крыльца с какой-то прямо наружу выходящей сломанной лестницей, по которой небезопасно было даже ходить. Всегда был риск упасть и сломать шею, ногу или руку.

Согласно устава, цели союза состояли в защите правовых и экономических интересов членов, содействии их умственному и профессиональному развитию и оказании им материальной помощи.

В этих целях союз имел право «приобретать движимое и недвижимое имущество, заключать всякого рода дозволенные законом сделки и договоры, открывать бюро для оказания юридической помощи членам, входить в соглашения с владельцами предприятий о нормировании заработной платы, рабочего дня и других условий труда и следить за выполнением их обеими сторонами, выдавать денежные пособия во время безработицы, болезни и в прочих случаях, устраивать клубы, библиотеки, читальни, публичные лекции, чтения, собеседования и т. д.

Вступительная плата была вначале установлена в 50 коп., потом для облегчения вступления в члены союза широких рабочих масс она была понижена до 25. Ежемесячный взнос был установлен в 2% заработка, при чем за время болезни и безработицы члены союза от денеж-

1) Тов. Бобровская в своей книжке «Записки рядового подпольщика», 2-я часть, ошибочно передает, что тов. К. Гандурин был председателем правления союза ткачей, а я его заместителем. Ни К. Гандурин, ни я в союзе ткачей никогда не работали, а работали все время в союзе ситцевпечатников. При этом я был председателем правления, а он — ответственным секретарем.

ных взносов освобождались. Для вступления в члены требовался возраст не ниже 17 лет и рекомендация трех членов союза. Правление было из лиц, выбравшихся общим собранием членов союза в составе не менее трех человек и кандидатов к ним. Общее собрание созывалось не менее двух раз в год, а в экстренных случаях — по требованию одной десятой части членов или секретаря союза. Для ревизии дел союза избиралась ревизионная комиссия в составе не менее трех членов.

В первое время существования союза перед правлением была задача заинтересовать профессиональной работой широкую рабочую массу ситцепечатников и привлечь как можно больше членов. С этой целью, согласно устава, правлением устраивались с разрешения полиции большие агитационные собрания ситцепечатников для выяснения задач и целей союза, и устраивались эти собрания, согласно устава же, так называемым «явочным порядком», для чего не нужно было просить разрешения у полиции, а только за несколько дней до указанного времени собрания подавалось полицмейстеру заявление за подписью председателя правления. В городе и на фабриках расклеивались объявления о собраниях, при чем при расклейке этих объявлений бывали и курьезы.

За небольшую плату это дело обыкновенно поручалось одному из безработных членов союза и его нередко выполнял одно время тов. П. Постышев. Он был очень хорошим партийным товарищем и, имея большой природный талант комика, часто выкидывал остроумные и смешные вещи. Наши собрания по времени иногда совпадали с собраниями черносотенцев, и в этих случаях объявления о собраниях расклеивались в один день; и вот однажды, узнав заранее об этом совпадении, тов. Постышев выследил, когда пошел человек расклеивать объявления о собраниях черносотенцев, взял пачку наших объявлений и на таком расстоянии, чтобы черносотенный клеил его не замечал, пошел за ним вслед и наклеивал на только-что расклеенные объявления погромщиков наши объявления; так он, стараясь быть незамеченным, шел за черносотенцем улицу за улицей все время, пока не окончились обе расклейки. В результате по всему городу красовались только наши объявления, а объявлений черносотенцев не видно было ни одного. Между тем, все они были расклеены, печатать новых уже времени не было, и собрание громил осталось без объявления. По этому поводу у нас было не мало смеха, а черные ругались и всячески нам угрожали.

Рабочие приходили на собрания в таком большом количестве, что в помещении не хватало места (хотя помещение это вмещало не одну тысячу человек—это было здание Городской Мещанской Управы на Негорелой улице)—и многим приходилось стоять у открытых дверей и окон.

К назначенному часу открытия собрания всегда являлся наряд городских во главе с каким-нибудь околоточным надзирателем или полицейским приставом для «контроля». Старший полицейский чин садился где-нибудь поближе к столу президиума собрания, а рядовые полицейские размещались частью у стен помещения, сзади или по сторонам собравшихся, частью около своего начальника. Затем председатель правления союза обращался к собранию с предложением избрать из среды собравшихся председателя (члены правления союза по уставу председательствовать на таких собраниях не имели права). Собравшиеся выбирали всегда кого-нибудь из видных партийных товарищей. Он открывал собрание и желающим говорить предоставлял слово и тогда произносились горячие агитационные речи о необходимости организации рабочих для борьбы с капиталом, как вернейшего способа выйти из тяжелого материального положения, темноты и несправия и т. д. и т. п. В своих речах ораторы касались всех сторон жизни рабочего, сравнивали положение российского пролетариата с положением его товарищей в других странах, давно уже имевших могучие классовые организации. Рассказывали об их организованной борьбе со своими хозяевами-капиталистами, призывая следовать их примеру, организоваться в могучие пролетарские организации для борьбы за свое освобождение и т. д.

Разумеется, в присутствии представителя полиции агитаторам нашим приходилось держаться так называемых «законных рамок», чтобы полицейский контроль не придирался и не мешал вести собрания, что бывало нередко. Он придирался к какому-нибудь, по его мнению, незаконному слову и требовал у председателя немедленно лишить говорившего слова, угрожая в противном случае закрытием собрания, и председателю приходилось повиноваться.

Виднейшими агитаторами на таких собраниях были тогда два члена правления союза: К. Гандурин и В. Иванов. Первый, рабочий-металлист, был тогда еще молодым членом нашей партии, но очень быстро выдвинулся своими блестящими способностями агитатора и руководителя как в партийной организации, так и в нашем Союзе, где его, по справедливости, нередко называли «союзным генералом». Он был хорошо марксистски развит; как рабочий, отлично знал психологию и язык рабочей массы, и в своих речах умело подходил ко всем наиболее важным вопросам жизни рабочего; его речи производили на слушателей непередаваемо-захватывающее впечатление, как это было видно по полнейшей тишине, которую соблюдала толпа во время его речи, и шумным долго несмолкаемым аплодисментам, которыми всегда она его на-

граждала, встречая его, когда он появлялся на трибуне и провожая по окончании речи.

Второй тов. В. Иванов, полуинтеллигент, тоже говорил недурно и, как и первый, был агитатором и одним из основателей союза, но он в это время от большевиков стал решительно отходить к меньшевикам, к так называемым «диким». Кроме того, у него не хватало той, как говорится, «жилки» рабочего, хорошо знающего психику рабочей массы; но, так или иначе, его также слушали с большим интересом рабочие, и его речи, как и речи К. Гандурина, на следующий же день после собрания в общих чертах печатались в местной газете «Ивановский Вестник».

Эти общие агитационные собрания, на которые отчасти благодаря талантливым агитаторам всегда являлось большое количество рабочих, имели очень большое значение для союза. Благодаря им, число членов его быстро возрастало, и союз в рабочих массах приобретал все большую и большую популярность. Через несколько месяцев после открытия своих действий он насчитывал уже членов тысячами. Касса союза имела уже порядочную сумму, и правление переехало в другое более удобное помещение на той же улице, у Покровской церкви, в дом Бобковых.

К этому времени организовались еще два союза: ткачей и прядильщиков и торгово-промышленных служащих, которые также поместились в этой квартире. Это был деревянный верх двухэтажного полукаменного дома. Помещение это имело 4 средней величины комнаты, из которых три были заняты правлениями трех названных союзов, а четвертая была предоставлена под квартиру общему сторожу.

Таким образом эти три союза, организованные и существующие каждый самостоятельно, были объединены, так сказать, территориально. Это обстоятельство было плюсом для союзов в том отношении, что оно способствовало выработке единства действий в работе союзов, облегчало поддержание постоянной живой связи с партийными органами и обуславливало наибольшую возможность использования последними союзов в интересах партии.

Правления союзов ткачей и ситцепечатников были почти поголовно большевистскими, у торгово-промышленных служащих в правлении также было много партийных товарищей. Поэтому союзы можно было считать по составу их правлений организациями, всецело находящимися под непосредственным влиянием и руководством с.-д. партии, которая и использовывала их «легальное» положение полностью, постоянно устраивая в их квартирах всевозможные собрания, совещания, явки и проч. Но это территориальное объединение союзов имело большой плюс.

и для полиции, облегчая ей установить надзор не только за ними, но также и за партийной организацией, ибо связь между ними и последней для полиции, конечно, была совершенно ясна. Поэтому по вечерам, а иногда и днем, идя в правление или выходя из него, нам нередко приходилось видеть «торчащих» на противоположной правлению стороне улицы шников; но и мы, в свою очередь, также не дремали и, следя за шниками, предупреждали друг друга о грозящей опасности.

В первые месяцы жизни союзов полицейская слежка за ними была не особенно строга и мало заметна, но чем больше возрастало число членов союзов, чем сильнее и заметнее они росли и крепили, превращаясь на глазах полиции в большую враждебную ей силу, тем строже становился ее надзор за ними. Усиливались придирки на общих собраниях со стороны представителей полиции, а в самое помещение правлений союзов стали заглядывать сначала отдельные полицейские чины по разным якобы делам, а потом уже начали являться целые наряды городских, во главе или с приставом, или с самим полицмейстером, которые искали каких-нибудь нелегальных партийных товарищей для арестов.

Однажды во время одного из посещений толпой полицейских во главе с полицмейстером, последний, обращаясь к техническому секретарю нашего союза М. Кудрину, спросил: «Что, к забастовке готовитесь? подготавливаете почву для нее?»—«Да, ведем агитацию за стачку, да вот рабочие что-то мало поддаются; трудно их раскатать, господин полицмейстер»,—шутя ответил ему Кудрин.—«Ага! так, так»,—закричал в ответ на это полицмейстер, стоя перед Кудриным и топая ногой.—«Ну, попробуйте, попробуйте, забастуйте, тогда вы первые все будете арестованы, все до одного». Кудрин, не ожидавший такого ответа на свою шутку, с трудом отделался от этого неприятного для него разговора.

Помню, в один из нерабочих дней мы, члены правления союза ситцепечатников, в числе нескольких человек сидели за столом в нашем помещении и о чем-то беседовали между собой; вдруг открывается дверь и на пороге ее появляется полицмейстер Виноградов, маленький, средних лет человек, в высоких и с неизменно высокими каблучками сапогах, вооруженный револьвером и пистолетом. Сделав по направлению к нам несколько шагов, он остановился посредине комнаты и сказал: «Здравствуйтесь, господа».—«Здравствуйтесь»,—отвечаем мы и сидим спокойно, не двигаясь с места.—«Что, делами занимаетесь?»—продолжает он дальше, стоя перед нами.—«Да, занимаемся»,—снова отвечаем мы односложно.—«Что же вы работаете так много, сегодня праздник и хо-

роший день, надо бы отдохнуть и погулять, а вы все работаете и работаете, вам жалованье что ли платят, в союзе-то вашем, или уж вы просто из любви к искусству занимаетесь здесь?»— «Из любви к искусству»,— отвечаем мы снова в том же тоне.

Он был в дурацком положении, мы, простые фабричные рабочие, сидели за столом, а он полицмейстер глава власти в городе, стоял перед нами и задавал нам «никчемные» вопросы. Он, очевидно, ожидал, что мы пригласим его сесть, а мы, кратко, небрежно и с иронией отвечая ему на вопросы, и не думали применить к нему эту обычную в таких случаях «вежливость», инстинктивно наслаждаясь его глупым положением и насмешливо глядя ему прямо в глаза. Он вдруг понял наше настроение и обращаясь к одному из нас повышенным голосом вдруг заговорил: «Вы чего же так на меня смотрите, или мой полицейский мундир не нравится? Подождите, господа, скоро это время пройдет. Пройдет, пройдет это время, когда смотрят с таким презрением на полицию. Скоро она заставит себя уважать. Это время, господа, наступит скоро, очень скоро!». Мы на это ничего не ответили, а он с последними словами повернулся и быстро вышел из комнаты, а когда за ним закрылась дверь, мы, как говорится, прыснули со смеха. Зачем приходил к нам полицмейстер, мы так и не узнали. Предполагали, что он просто откуда-нибудь шел мимо нас и решил по пути заглянуть к нам, посмотреть, что мы делаем, или же просто в надежде встретить у нас кого-нибудь из «подозрительных», разыскиваемых полицией партийных товарищей.

После этого случая таких неожиданных единоличных посещений полицмейстер больше не делал. Зато от времени до времени уже начали происходить в помещении союза полицейские облавы.

В помещении Союза ткачей однажды полицейской облавой было застигнуто совещание руководящей группы стачечного комитета, в котором участвовали т.т.: О. А. Варенцова (Екатерина Николаевна), Бобровская (Ольга), тов. Константин (кличка партийного интеллигента, настоящей фамилии его сейчас уже не помню) и кто-то еще. В результате арестован был только тов. Константин, а другим удалось ускользнуть. Бобровская прошла в соседнюю комнату сторожа и на вопрос полиции назвала себя сторожихой, а О. А. Варенцовой удалось пробраться в нижний этаж дома, где жили, кажется, ее родственники или знакомые.

✓ На это совещание ожидался еще И. Е. Любимов. В то время как полиция, арестовав в союзе ткачей тов. Константина, оставила там засаду, т. Любимов, ходивший по каким-то делам в союз металлистов,

уже шел оттуда обратно в союз ткачей на совещание и он, несомненно, попался бы в лапы полицейской засады, если бы случайно не встретился с членом правления ситцепечатников И. Коровиным, который и предупредил его о засаде, чем и спас его от ареста.

В другой раз во время одной из таких полицейских облав был арестован В. Иванов (Инквизитор), незадолго перед тем откуда-то приехавший и явившийся в правление нашего союза.

Кроме фабрики Грязнова, администрация которой признала союз законным представителем рабочих и не отказывалась иметь с ним

П. Постышев, М. Кудрин, Ф. Самойлов.

1) Активный работник, 2) техн. секр. и 3) председ. Правл. Проф. Союза Ситцепечатников.

дело, отношение к союзу хозяев всех других фабрик и заводов вначале было в лучшем случае безразличное, и лишь в отдельных случаях они серьезно считались с союзом, как с определенной реальной силой, как, например, во время одного конфликта между рабочими и фабрично-заводской администрацией на фабрике Д. Г. Бурылина. Последняя при разборе одного конфликта согласилась на посредничество нашего союза, и я помню, что за представителем правления нашего союза владелец фабрики присылал свою лошадь, чтобы ехать на переговоры в качестве представителя рабочих его фабрики, но это было только вначале, когда еще остатки революционного подъема 1905 года

были заметны настолько, что с нами волей или неволей приходилось считаться не только буржуазии, но и властям. Позднее, когда наступило революционное затишье, когда власти, применяя всевозможные репрессии против рабочего движения во всех его видах, уже сильно «распоясались», тогда и отношение к нашему союзу со стороны владельцев предприятий из видимо безразличного, перешло в явно враждебное, выразившееся в преследовании членов союзов и даже в увольнении их с фабрики.

Согласно устава, союз имел библиотеку, состоявшую из довольно большого количества хорошо подобранных марксистских книг, брошюр и журналов, которые и раздавались членам союза для чтения специально выделенным для этой обязанности членом правления-библиотекарем и его помощником из членов же или кандидатов правления. От времени до времени союз устраивал публичные лекции на разные близко затрагивающие интересы рабочих темы (например, о профессиональном и кооперативном движении на Западе и проч.), которые всегда привлекали большое число рабочих и, конечно, имели немалое воспитательное значение.

Сначала в наш союз входили все рабочие и мастеровые ситцепечатных фабрик нашего города без различия квалификации, но через некоторое время из союза выделились кузнецы, слесаря, токаря и проч. рабочие механических цехов ситцепечатных фабрик и организовали свой самостоятельный союз металлистов гор. Иваново-Вознесенска. Таким образом в городе оказалось четыре профессиональных союза, если не считать еще союза граверов, который возник еще задолго до 1905 года, имел целью лишь материальную взаимопомощь своих членов и руководился в подавляющем большинстве черносотенным элементом, этой особо привилегированной группы ситцепечатников.

Первые четыре союза, несмотря на неблагоприятную обстановку упадка революционного движения, в первый год своего существования росли и крепились, но за отсутствием широкого организованного стачечного движения в этот период в Иваново-Вознесенске большого боевого крепления не получили и в своей деятельности ограничивались лишь агитационно-просветительной работой в виде устройства легальных массовых агитационных собраний, лекций, выдачу для чтения членам книг из своих библиотек, оказанием посильной материальной помощи нуждающимся безработным членам и копили силы для предполагавшейся тогда в недалеком будущем большой схватки в виде областной стачки текстильщиков.

4. Иваново-Вознесенский Союз Р. С.-Д. Р. П. Избирательная кампания во 2-ю Гос. Думу. Еще убийство охранника. Областная конференция профессиональных союзов текстильщиков. Неудачная массовка и кампания за областную стачку.

В конце осени 1906 года по инициативе Иваново-Вознесенского городского и окружного комитетов была созвана районная партийная конференция из представителей всех имевшихся тогда в районе с.-д. организаций (Иваново-Вознесенска, Шуи, Кохмы, Лежнева, Южи, Тейксва, Гаврилова Посада, Середы и Родников). На этой конференции было постановлено объединить все организации района в одну под названием «Иваново-Вознесенский Союз Р. С.-Д. Р. П.». В этот союз, как автономные единицы, вошли все перечисленные выше местные организации, а для идейно-политического руководства был избран на конференции из представителей названных организаций руководящий центр, под названием «Союзный Совет», который должен был собираться раз в месяц. Для ведения текущей работы союза, «Союзный Совет» из своего состава выделил «Исполнительное Бюро Союз» в количестве пяти человек.

Эта реорганизация партийных организаций района произошла в момент наивысшего их расцвета. Общее число членов, вошедших в новую районную организацию, считывалось тогда до пяти тысяч.

В смысле объединения, сплоченности и наиболее целесообразного и продуктивного использования партийных сил, эта реорганизация имела очень большое значение для всех местных организаций вообще и в частности для крупного промышленного пункта Родников, которые до этого момента находились в ведении Костромы, но тяготели к Иваново-Вознесенску и все время поддерживали с ним связь.

В Союзный Совет входило человек 25—30, в числе которых были П. Е. Любимов, Таганов (Филарет), О. А. Варенцова, Е. А. Мороховец, М. В. Фрунзе, И. И. Коротков, «Глеб» (партийный интеллигент, настоящей фамилии не помню), А. С. Бубнов, В. Голубев, А. Сквородин, С. Икранистов, К. Гандурин, Лукичев, В. П. Кузнецов и другие.

В Исполнительное бюро Союзного Совета входили: А. Бубнов, Фрунзе, Любимов, Варенцова, Бобровская.

После реорганизации парտработа вначале пошла еще интенсивнее, но через несколько месяцев начались аресты, и виднейшие работники организации группами и поодиночке начали выбывать из строя.

Во время выборов в марте 1907 года на Лондонский съезд нашей партии делегатами прошли, конечно, одни большевики, ибо о меньшевиках вообще в организации не было почти и слышно. Всего их было избрано человек 8—10, в числе которых были: А. Бубнов, М. Фрунзе, К. Гандурин, В. Голубев, И. Е. Любимов, И. И. Коротков и другие. Все избранные делегаты, кроме Фрунзе, ездили на съезд, а последний перед самой поездкой в Лондон был арестован и на съезд не поехал. Арестован он был в городе Шуе, в конспиративной квартире, и при обыске у него было найдено четыре револьвера, два винчестера, браунинг, маузер и большое количество патронов к ним, гектограф с принадлежностями, 16 экземпляров устава Шуйской с.-д. организации, три экземпляра денежного отчета за январь 1907 года Шуйской группы с.-д. организации, протокол объединительного съезда и разная переписка.

Фрунзе в Шуйской организации до ареста работал несколько месяцев и, как хороший оратор, самоотверженный и неутомимый партийный работник, приобрел в рабочих массах большую популярность. Весть об его аресте подняла на ноги всех шуйских рабочих. Фабрики начали одна за другой останавливаться, и вскоре у полицейского управления собралась большая толпа и громко требовала освобождения арестованного. Рабочие очень боялись за его жизнь, носились слухи, что он сильно избит, и из толпы то-и-дело раздавались голоса, требующие немедленно показать арестованного, чтобы убедиться в его целостности и невредимости. Около полудня того же числа в городе на Ильинской площади был устроен большой митинг, на котором вплоть до 6 часов вечера товарищами, членами Шуйской с.-д. организации, произносились горячие агитационные речи на темы о тяжелом положении рабочих, о гонениях со стороны властей против вождей рабочего класса и о необходимости организовать для решительной борьбы за освобождение от гнета царского самодержавия и т. д. и пелись революционные песни.

Полиция растерялась и не принимала никаких мер; как с митинга, так и от полицейского правления толпы рабочих разошлись только поздно вечером.

В этот же день там же был арестован известный в Шуе партийный работник тов. Гусев и при аресте был сильно избит полицией.

Ввиду таких решительных массовых протестов рабочих против арестов их руководителей и расправы с ними, в Шую из Владимира были спешно вызваны большие воинские части, под охраной которых оба арестованные товарища—Фрунзе и Гусев—в этот же вечер были отправлены во Владимир, и при их отправке, несмотря на усиленный

конвой войск, рабочие, собираясь маленькими кучками, провожали выслезаемых до вокзала.

Таково было в этот момент настроение широких рабочих масс и отношение их к нашей партии и ее вождям. Но это был уже, так сказать, кульминационный пункт революционного подъема, после которого, как будет видно ниже, уже начался упадок его.

В начавшейся в конце 1906 года избирательной кампании во 2-ю Государственную Думу наши партийные организации приняли большое участие. Тактика бойкота, проводившаяся в отношении 1-й Гос. Думы, теперь была заменена широким участием в выборах; выборы эти партийной организацией широко использовались для развития агитации, устной и печатной, и в результате от рабочих Владимирской губ. из Иваново-Вознесенска во 2-ю Гос. Думу с одной из ткацких фабрик был выбран депутатом кандидат партии, рабочий, тов. Н. А. Жиделев, уже довольно известный и популярный тогда среди иваново-вознесенских рабочих соц.-демократ, бывший член Совета Рабочих Депутатов во время знаменитой всеобщей стачки в Иваново-Вознесенске летом 1905 года.

Выборы прошли всецело под руководством имевшихся в губернии с.-д. организаций, которыми был выделен особый небольшой коллектив специально для этой цели. На губернские выборы во Владимир для руководства соц.-демокр. уполномоченными и выборщиками был направлен т. Любимов. Во время выборов кадеты провокационным путем, выставя своих кандидатов от рабочих, пробовали разбить дисциплину в рядах рабочих выборщиков, но, конечно, никакого успеха не имели. Дисциплина эта была крепка, но зато среди крестьянских выборщиков, ввиду отсутствия среди последних какой бы то ни было дисциплины, кадетам удалось кое-чего добиться.

В феврале 1907 года нашей городской с.-д. организацией отправлявшемуся в Петроград Н. А. Жиделеву были устроены грандиозные проводы. За несколько часов до отхода поезда, с которым Н. А. Жиделев должен был уехать в Петроград, все фабрики и заводы в городе были остановлены, рабочие густыми массами двинулись к вокзалу, а через короткое время вся площадь перед зданием вокзала и значительная часть прилегающих к ней улиц были сплошь заняты рабочими, собравшимися проводить своего депутата.

Перед вокзалом в центре толпы с импровизированной трибуны был прочитан наказ рабочих своему депутату и были произнесены членам

с.-д. организации, а также и самим Н. А. Жиделевым, речи. Присутствующие представители власти, в виде казаков и полицейских, вели себя сравнительно спокойно, арестов не было и после отхода поезда, с которым уехал тов. Жиделев; рабочие без всяких инцидентов разошлись по домам.

Зимой, в конце 1906 года, в связи с выборами во 2-ю Гос. Думу, нашей городской с.-д. организацией у фабрик и заводов однажды, во время выхода рабочих по окончании работ, организован был ряд митингов, на одном из которых нашими дружинниками был убит полицейский. Произошло это у фабрики Дербенева во время выступления там перед рабочими И. Е. Любимова (Григорий). По намеченному плану митинг этот организовался из рабочих двух фабрик, Дербеневской и соседней с ней Бакулинской; первыми должны были выйти рабочие Дербеневской фабрики, как ближайшей к месту митинга, а вторыми рабочие Бакулинской фабрики.

В назначенное время на место митинга явился тов. Любимов и несколько человек дружинников, вооруженных револьверами. И когда рабочие Дербеневской фабрики, выйдя из ворот фабрики собрались на митинг, тов. Любимов выступил с речью перед ними. К концу его речи появилась полиция и, врезавшись в толпу, старалась пробраться к трибуне. Дербеневские рабочие в это время уже начали расходиться, а Бакулинские еще только выходили с своей фабрики и к месту митинга шли медленно, и получился перерыв митинга. У трибуны осталось всего несколько десятков человек. Видя это, полицейские двинулись в атаку к трибуне с целью захватить т. оратора и других находившихся у трибуны товарищей. Ввиду этой опасности рабочие обратились в бегство; полицейские открыли стрельбу по убежавшим, в ответ на которую находившиеся у трибуны дружинники, в свою очередь, открыли стрельбу по полицейским. Т. Любимов в этой общей суматохе кем-то из бегущих был сшиблен с трибуны и, смешавшись с толпой, благополучно избежал ареста. В результате всей этой истории один полицейский был убит дружинниками, которые также все благополучно скрылись от преследования полиции, и только через некоторое время после этого происшествия полицией было задержано несколько человек по подозрению, да и они, кажется, за отсутствием улик, все были потом освобождены.

С подъемом настроения в рабочих массах в конце 1906 г. началось стачечное брожение то в виде небольших стачек, вспыхивавших на отдельных предприятиях по разным, иногда довольно маловажным, по-

водам, то в виде так называемых «итальянских забастовок» (во время этих забастовок рабочие аккуратно к установленному времени приходили на фабрику, но ничего там не делали и в установленное же время окончания работ уходили обратно). Брожение это охватывало не только гор. Иваново-Вознесенск, но и весь наш текстильный район и имело неорганизованный характер. Зимой 1906—1907 г.г. руководители профессиональных союзов, имевшихся тогда уже кроме Иваново-Вознесенска и во всех остальных более или менее крупных промышленных пунктах нашего района, при участии партийной организации, поставили себе задачей ввести это брожение в определенное русло и придать ему более организованную и планомерную форму.

Для этой цели в начале зимы 1906—07 г.г. была созвана (нелегально) районная конференция профессиональных союзов, на которой вопрос этот вместе с вопросом об организации областной стачки текстильщиков подвергся обсуждению, а потом началась подготовка конференции профессиональных союзов текстильщиков всей московской области, и в результате в начале февраля 1907 г. в Москве состоялась «Первая Областная Конференция Союзов Рабочих, занятых по обработке волокнистых веществ».

На этой нелегальной конференции присутствовали представители около десятка союзов, насчитывавших свыше 10.000 членов. Всех представителей было 30 человек: 16 человек с решающими голосами, 13—с совещательными и, кроме того, один специальный представитель от с.-д. партии.

На этой конференции было избрано областное бюро профессиональных союзов. Из докладов с мест, между прочим, выяснилось, что провинциальные рабочие более развиты, чем московские, несмотря на то, что довольно большой процент их в разных местах еще связан с деревней: «там их интересы, там их жизнь», — говорил один из местных докладчиков.

Представитель Союза ситцепечатников в Иваново-Вознесенске сообщил, что союз возник по инициативе городского комитета с.-д. партии летом 1906 года, что устав «обкарнало» Губернское по делам об обществах присутствие, вычеркнув из него пункт о «членах-сотрудниках» и некоторые другие, что сокращение вступительных взносов с 50 до 25 коп. содействовало росту союза. Пособие безработным членам выдается в размере 5 руб. одинокому и по 1 рублю на каждого не работающего члена семьи. Все фабриканты, за исключением Грязнова, иметь дело с союзом отказались. Союз участвовал в Окружной Иваново-Вознесенской профессиональной конференции. Из него выделились ме-

таллисты и образовали свой союз. Рабочие явочным порядком провели окончание работ перед праздником для денных в 2 часа, а для сменных в 6 часов. На смешанных делегатских конференциях всех иваново-вознесенских союзов всеобщая стачка была отклонена ввиду возможности кровавых последствий. «Союз раклетов и граверов» с другими союзами ничего общего не имеет.

Представитель Иваново-Вознесенского Союза ткачей сообщил, что союз возник в сентябре 1906 года. Рабочий день после летней всеобщей стачки 1905 года сокращен до 10 час., но заработная плата сильно отстала от поднявшихся цен на продукты. Квартирные и санитарные условия ужасны. «Рабочий платит за квартиру больше всех, а имеет ее хуже всех»,—говорил докладчик.

Роль организаторов союзов, повидимому, везде, исполняют с.-д. организации. На конференции выяснилось, что областной профессиональный орган «Рабочий Союз» не популярен; рабочие не читают его. На конференции признана необходимость полной согласованности действий с.-д. организаций и профессиональных союзов.

Представитель Кохомского Союза сообщил, что постановление об организации союза было вынесено на многолюдном рабочем митинге. Из устава союза губернским присутствием также вычеркнут ряд пунктов; так, напр., выпущен пункт о помощи во время стачек со следующей мотивировкой: «хотя временными правилами о союзах и не предусматривается, в каких случаях союз может выдавать денежные пособия, тем не менее, выдача пособий во время стачки признается безусловно вредной и ведет к нарушению общественного порядка и спокойствия».

После Пасхи 1907 года у нас на фабрике Грязнова, вследствие некоторого сокращения производства, администрация наметила к увольнению около 3 — 4 сот рабочих, но с.-д. ячейка и профсоюз повели кампанию за сокращение рабочих дней и за оставление всех рабочих на фабрике. В результате рабочие дни недели были сокращены, кажется, до 4-х дней в неделю и расчета не последовало, а через месяц фабрика снова работала полным ходом.

1 мая 1907 года в лесу по дороге к дер. Балино была устроена большая массовка, на которую тотчас же после ее открытия налетел отряд казаков. При их появлении, как и всегда бывало в таких случаях, произошла порядочная паника. Все бросились врассыпную. Многие были избиты нагайками, многие попали в находившееся поблизости от места массовки болото и, лазая по пояс в грязной холодной воде, вернулись в город мокрые и сильно продрогшие. Помню, многие суши-

лись и отогревались в помещении союзов. На другой день глуповатый полицмейстер Виноградов издал объявление, в котором он предлагал «явиться в полицейское управление владельцам утерянных на массовке и собранных казаками галош, зонтиков и проч.»

Начавшаяся раньше кампания за областную стачку летом развернулась еще сильнее. В профессиональных союзах она выразилась в устройстве больших легальных агитационных собраний, на которых выступали в присутствии полиции открыто с решительными призывами готовиться к стачке. На собраниях, кроме профессиональных «легальных» работников, выступали нередко под видом членов союзов и видные партийные нелегальные работники (например, тов. Константин и другие), которых полиция разыскивала.

Партийной организацией устраивались массовки и выпускались прокламации. Агитация эта была развита так сильно, что среди рабочих на фабриках и заводах темой разговоров постоянно была эта стачка, но тем не менее особенного подъема настроения в это время в рабочей массе уже не наблюдалось.

Самый момент для стачки в экономическом отношении был благоприятен: фабрики шли полным ходом, заказов у фабрикантов было много; но в смысле политическом положение было другое. Упадок революционного настроения в рабочих массах был налицо, реакция уже высоко подняла голову. Заседавшая в Питере Гос. Дума была уже сильно терроризована запугиваниями представителей власти, и в конце мая Столыпин потребовал от Думы выдачи социал-демократической фракции для суда над нею. Не дождавшись от трусливого контр-революционного большинства Думы ответа на это свое требование, он разогнал Думу и арестовал социал-демократическую фракцию, а 3 июня был издан новый избирательный закон, отдавший всю судьбу Гос. Думы в руки дворян-помещиков и крупных капиталистов. Закон этот, таким образом, был равносителен государственному перевороту.

Такое политическое положение в стране для стачки было очень невыгодно несмотря на благоприятную экономическую конъюнктуру.

Тем не менее, состоявшаяся в Москве в июне месяце этого же года 2-я областная конференция профессиональных союзов вынесла решение стачку текстилей московской области начать. На этой конференции (после ее окончания) был арестован К. Гандурин, и наш союз в его лице потерял самого видного и популярного руководителя и агитатора. Правда, он просидел около трех месяцев, а после освобождения из Московской тюрьмы снова приехал в Иваново-Вознесенск, поступил на фабрику Грязнова и снова начал работать в союзе, но через короткий

«рок был снова арестован и на этот раз уже был выслан административно в Вологодскую губ., и наш союз потерял его навсегда.

Ввиду решения второй областной профессиональной конференции кампания за стачку усилилась. В Москве, Орехове-Зуеве и некоторых других местах стачка эта была начата, готовы уже были ее начать и иваново-вознесенцы. Избран был уже статочный комитет, в который вошло много видных партийных работников, но в этот момент приехал Станислав Вольский, который должен был руководить забастовкой.

Он сообщил, что стачка в области провалилась и что поэтому, если иваново-вознесенцы все-таки хотят бастовать, то пусть имеют в виду, что это будет только их местная частичная стачка, которая на поддержку области в данный момент рассчитывать не может. Помню, на собрании в лесу по этому вопросу выступали представители всех союзов (в их числе и я), которые согласились с мотивами представителя областного бюро и только некоторые члены партии, как, например, тов. Симонцев (Малый) были с этим не согласны и, возражая нам, говорили, что профессионалисты виноваты в срыве стачки: они, мол, уж «легализовались», и им нравится больше мирная работа и т. д. Тем не менее, большинство согласилось с мотивами представителя центра, и стачка была отложена до более благоприятного момента.

После неудачной кампании с областной стачкой настроение рабочих сильно упало, и это упадочное настроение рабочих масс быстро отразилось на союзах. Интерес к ним со стороны рабочих начал сильно понижаться. Число членов стало убывать. Общие собрания стали посещаться все меньшим и меньшим числом членов. Правления союзов занялись вопросом о способах поднятия интереса рабочих к союзам, а со стороны полиции начал усиливаться надзор за ними и всякие придирки.

Летом 1907 года, находясь на квартире у П. Соловьева, мы втроем: П. Соловьев, В. Иванов (Инквизитор) и я однажды отправились спать в имевшийся во дворе маленький сарайчик. После жаркого солнечного дня легкий прохладный ветерок, подувая в ветхие со множеством всевозможных щелей и прочих отверстий стены сарайчика, приносил приятную вечернюю свежесть и прохладу. Кругом все было спокойно и тихо, лишь от времени до времени доносилось пение какой-нибудь «подгулявшей» компании из ближайшего рабочего квартала «Рылихи».

Было уже довольно поздно; вечерняя заря совершенно потухла: чистое небо сверкало звездами, заглядывавшими во внутрь сарайчика сквозь его дырявые стены. Спать не хотелось, и мы, лежа на сделанных нами из каких-то остатков старых бревен нарах, заменявших нам

кровати, долго беседовали, шутили, спорили и болтали на всевозможные темы, как это обычно бывало у нас, когда нам приходилось собираться в свободное от работы время.

Было уже далеко за полночь, и некоторых из нас начинало клонить ко сну, как вдруг за стенами сарайчика раздался сильный шум и гул голосов, а потом скрип и хлопание калитки. Мы приподнялись со своих нар и с намерением узнать, в чем дело, быстро направились к двери, но в этот момент в дверь сарайчика раздался сильный стук и грубый голос снаружи крикнул: «Эй, отпирайте». Дверь была не заперта, и в тот же момент она открылась; в сарайчик ввалилась толпа полицейских с околоточным надзирателем во главе. Сейчас же были зажжены свечки, и, обращаясь к П. Соловьеву, надзиратель спросил: «Вы—Соловьев?» — «Да», ответил тот. — «У вас сейчас будет произведен обыск», — продолжал надиратель и предъявил тов. Соловьеву соответствующую бумажку. Мы с В. Ивановым, очевидно, были хорошо известны этому надзирателю; он, обращаясь к нам обоим и называя нас по фамилиям, спросил нас: «А вы как попали к Соловьеву?» Иванов ответил, что он «просто пришел к нему, как к товарищу», а я сказал, что квартиру у Соловьева, и надзиратель оставил нас в покое и всецело занялся руководством обыска.

Полицейские искали на нарах, под нарами, во всех углах и щелях и под крышей сарайчика (потолка не было). В одном из углов лежала большая куча разного деревянного материала в виде разной величины обрезков от бревен, жердей и проч.; полицейские начали разваливать эту кучу и разглядывать, нет ли чего под ней; тогда В. Иванов сказал: «Смотрите, господа, поосторожней, тут есть бомбы». Услышав это, наклонившийся над кучей полицейский быстро вскочил на ноги и отодвинулся. Иванов, сидя на нарах, насмешливо улыбался, а надзиратель, посмотрев на Иванова, сказал: «не бойся, господин Иванов, не бойся, нас напугать трудно», и, обращаясь к полицейским, крикнул: «ищите, ищите там». Ободренные словами своего начальника, перетрусившие было полицейские снова начали разваливать кучу, но как они ни старались, в сарайчике ничего не нашли. Затем была обыскана вся квартира, сени, чердак и двор. Найдено было только одно невинного содержания письмо из Костромы.

После ухода полиции мы долго смеялись над шуткой Иванова и уснули, когда сквозь щели сарайчика начал пробиваться свет утренней зари.

Осенью 1907 года с.-д. организацией была предпринята кампания за устройство однодневной стачки протеста против суда над арестован-

ной царским правительством с.-д. фракцией 2-й Гос. Думы. Настроение рабочих в это время уже сильно шло на убыль. Эта кампания успеха большого не имела. Бастовали только фабрики Грязнова, и, кажется, Бакулина и Бурылина. На всех остальных фабриках и заводах вследствие отсутствия достаточного подема в настроении рабочих, с одной стороны, и принятых фабрично-заводской администрацией и полицией соответствующих мер предупреждения стачки—с другой, рабочие с фабрик не вышли, и впечатление хорошей организованности и сплоченности от этой стачки не получилось, но на отдельных фабриках, как, например, у Грязнова, где я тогда работал, стачка прошла организованно: несмотря на все уговоры и даже угрозы со стороны администрации (наприм., колорист М. Н. Крылов на наш призыв рабочих к стачке угрожал определенной остановкой фабрики), рабочие кончили работу довольно единодушно и стачка прошла удачно.

Во время митингов, летучек, устроенных у фабрик, некоторые из товарищей были арестованы.

5 Избирательная кампания в 3-ю Государственную Думу.

Когда 3-я Всероссийская конференция с.-д. высказалась за участие в 3-й Гос. Думе, началась избирательная кампания, и партийная организация широко использовала эту кампанию так же, как и втородумскую, для развития устной и печатной агитации. В результате уполномоченными по выборам в Гос. Думу от рабочих фабрик и заводов Иваново-Вознесенска прошли в подавляющем большинстве большевики, за исключением двух-трех беспартийных и одного кадета (кажется, с фабрики Гарелина).

В октябре месяце дня за два до выборов выборщиков с'ехалось во Владимир на Губернский с'езд уполномоченных от рабочих по выборам в Гос. Думу свыше 160 человек таких уполномоченных.

По приезде туда публика разместилась в номерах разных гостиниц, поближе к большой чайной так называемого «Народного Дома». Утром накануне дня выборов подавляющее большинство с'ехавшихся собралось в большом чайном зале этого дома, а за чаем ознакомились между собой, при чем оказалось, что большинство с'ехавшихся были большевики и сочувствующие партии.

Тут же быстро избрали уполномоченных для посылки к губернатору за разрешением устроить предвыборное собрание. В числе избранных вошли: С. Воронин, Д. Потехин, я и кто-то еще.

Губернатор нас принял, но в просьбе решительно отказал. «Зачем вам это собрание,—отвечая на нашу просьбу, сказал он,—у вас ведь там, наверное, все социал-демократы. Нет, я разрешить вам собраться не могу». — «Но как же нам быть, г. губернатор,—возразили мы,—нужно же нам ознакомиться между собой, чтобы наметить кандидатов и чтобы знать, за кого голосовать». — «Это меня не касается, как хотите, так и голосуйте, а разрешить собрание я вам не могу, идите к полицмейстеру, как хочет он; это его дело, а я не могу, не могу», — и с этими словами он ушел к себе в кабинет. Мы, выйдя от него, хотя и понимали, что дело уже безнадежное, хотя нам и было совершенно ясно, что если губернатор не разрешил, то уж от полицмейстера тем более ждать было нечего, но мы все же решились пойти к владимирскому полицмейстеру (кажется, Иванов был тогда таковым), и этот, как мы и ожидали, на нашу просьбу ответил также категорическим отказом, а когда мы с Ворониным указали ему на распоряжение правительства, согласно которого тогда разрешались предвыборные собрания, и заявили ему, что его отказ незаконен, он, стуча себя в грудь кулаком, громко закричал: «Никаких я законов не знаю! Вот вам закон, я — закон! Никаких собраний не разрешаю! И Боже вас сохрани собраться тайно: все будете арестованы и жестоко поплатитесь за это».

Мы молча повернулись и вышли от него. В чайной «Народного Дома» нас уже ждали собравшиеся в большом количестве уполномоченные. Когда мы передали им о наших неудачах, то публика сильно заволновалась, посыпались вопросы: как быть? что делать? и т. д.

В это время в качестве руководителя выборами от Иваново-Вознесенского Союзного Совета с.-д. организации приехал во Владимир тов. И. Е. Любимов (Григорий), и мы, собравшись группой наиболее видных товарищей под его руководством, решили вечером устроить нелегальное собрание уполномоченных, о чем и оповестили с'ехавшихся.

Против этого решения была лишь маленькая группка в несколько человек и отдельные лица из беспартийных, которые на предложение пойти на нелегальное собрание удивленно спрашивали: «Как—на нелегальное? ведь это запрещено, ведь нас могут арестовать!»—«Ну, так уж за этим гоняться нечего, если взялся выполнить обязанности уполномоченного рабочих, так надо выполнить их, рискуя быть арестованным», и т. п. в этом роде отвечали мы таким.

— Нет,—категорически заявили они,—мы не согласны идти на ваше тайное собрание,—и мы их оставили в покое.

Место собрания поручено было подыскать местным владимирским товарищам. И вот, когда уже стало темнеть, уполномоченные маленькими

грушками потянулись на собрание. Это было за городом у реки Клязьмы, в каком-то небольшом кустарнике.

Лесов близ Владимира нет на многие версты. Всюду вокруг города на большое пространство тянутся поля и огороды, и лишь в некоторых местах имеется небольшой низкорослый кустарник.

Публика собралась в большом количестве. Выступали с речами т.т. Воронин, Лукичев, Авдеев, Абрамов, Колесников, я и некоторые другие. Темами речей были: текущий момент, обзор событий за время революции, наше отношение к Гос. Думе и т. п.

После речей, кажется, тут же были намечены кандидаты в выборщики, которых требовалось по тогдашнему избирательному закону шесть человек от губернии. Публика между собой в большей своей части была незнакома и при намечании кандидатов из партийных товарищей отчасти пришлось руководствоваться произнесенными на этом собрании речами. Окончательное намечание кандидатов в выборщики производилось созданным для руководства выборами небольшим партийным коллективом во главе с тов. И. Е. Любимовым.

После речей собрание спокойно разошлось; несмотря на угрозы полицмейстера, власти, очевидно, прозевали собрание, а провокаторов, должно быть, не было.

Среди уполномоченных были нами произведены денежные сборы в пользу привлеченного тогда к суду члена с.-д. фракции, разогнанной Столыпиным 2-й Гос. Думы, от рабочих нашей губернии тов. Н. А. Жиделева. Сбор был произведен посредством подписного листа, который, как будет видно дальше, при обыске был у меня отобран и послужил придиркой для полиции.

В этот же вечер руководящим выборами коллективом был намечен в окончательной форме список кандидатов в выборщики, в который вошли: от Иваново-Вознесенска С. Воронин, Лукичев и я, от Орехово-Зуева—Авдеев и А. Колесников и Абрамов с завода «Гусь Хрустальный».

Утром на другой день, уже перед самыми выборами выборщиков, полиция разрешила нам собраться часа на два, и когда мы собрались, в помещение прибыл представитель власти — полицейский пристав с отрядом городских (это был Добротворский, бывший полицейский надзиратель на фабрике «Компания», который однажды вместе с тремя другими товарищами меня арестовал во время моего выступления на митинге).

Выступали на этом собрании Воронин, Лукичев, Авдеев, Абрамов, Колесников, Потехин, я и другие.

Пристав был в помещении, а полицейские стояли за дверями, хотя по тогдашнему закону на разрешенных предвыборных собраниях полиция присутствовать не имела права. Тем не менее, пристав не только

Группа уполномоченных по выборам в 3-ю Гос. Думу от рабочих фабрик и заводов
гор. Иваново-Вознесенска среди них:

Л. Н. Кузнецов, Родионов, Д. С. Маслов, Сидов, Лебедев, Д. Потехин, Уткин, Зуба, Лукичев (крестьянин),
С. А. Веронин (последствия член 3-ей Гос. Думы), П. Р. Павлов, Музыкалов, Ф. Н. Самойлов и другие.

присутствовал, но и останавливал многих товарищей, выступавших на собрании, придираясь к разным словам и фразам. Однако собрание прошло довольно хорошо и без особых инцидентов, не считая небольших пререканий между приставом и выступавшими ораторами. Присутствовал на собрании и тов. Любимов, пробравшись с мандатом одного

из уполномоченных, но он не выступал в присутствии полиции—это было совершенно невозможно.

Вскоре после этого собрания в большом шикарном помещении, в так называемом «зале дворянского собрания», под председательством городского головы г-р. Владимира, как это полагалось по тогдашнему избирательному закону, открылось и собрание всех уполномоченных от рабочих Владимирской губ. для производства выборов выборщиков.

подавляющее большинство их, как я уже указывал выше, были большевики—члены партии и сочувствующие беспартийные. Никаких кандидатов от других каких-либо партий не было, только немногие беспартийные согласились на предложение председателя баллотироваться. Намеченные нами кандидаты были избраны без всякого труда, а беспартийные получили чуть ли не одни свои собственные голоса и со смехом были провалены.

Таким образом, на первых двух ступенях выборов уполномоченных и выборщиков наша партия одержала блестящие победы, оставалось только провести третью и последнюю ступень—из шести выборщиков выбрать одного депутата, члена Государственной Думы, но это было уже не трудно. Главная и самая большая трудность заключалась в первой и второй ступенях, в особенности в первой, когда дело приходилось иметь с беспартийной массой, а теперь, когда все шесть выборщиков были с.-д. большевики, дело уже могло считаться решенным: в Думу должен был пойти тот, кого пошлет партия. Остальные в силу партийной дисциплины свои кандидатуры обязаны были сбить.

После выборов шести выборщиков, уполномоченные от рабочих разошлись по местам, а выбранные ими шесть выборщиков должны были через неделю снова ехать, го Владимир на общее собрание губернских выборщиков для избрания депутата.

В это время председателем правления ситцепечатников был я, и мне, как таковому, приходилось часто иметь сношения с полицеймейстером Виноградовым, который то отказывал прислать полицию к указанному времени на собрание членов союза, потому что у него якобы не было свободных полицейских, и собрание поэтому не могло состояться, то заявлял всякие другие придирки к союзу, и мне нередко приходилось ходить к нему для личных объяснений. Между тем, в связи с общим упадком рабочего движения, союзы наши слабели, чем дальше, тем все больше и больше, что еще сильнее окрыляло «деятелей» правительственной шайки, и у многих членов правления нашего союза полиция начала производить обыски, а некоторых и арестовывать. Так были арестованы К. Гандурин, К. Лещенко и В. Иванов.

В октябре, за несколько дней до моего отъезда на выборы члена Гос. Думы, у меня также произведен был обыск. В одну из темных октябрьских ночей, далеко за полночь, когда в маленьком старом деревянном с тремя окошечками домике все его рабочее население после трудового дня спало глубоким сном, среди ночной тишины пустынной улицы рабочего квартала раздался резкий стук в окошко. В домике сразу все проснулись. В квартиру ввалились толпа полицейских, человек 8—10, во главе с полицейским надзирателем Простосердовым.

После вопроса: «здесь ли квартирует Самойлов?», мне был предъявлена бумажка от жандармского начальства с предписанием произвести у меня обыск.

Полицейские осмотрели мой небольшой сундучок с книгами и тщательно обыскали всю хату. Кроме нескольких легальных книг, у меня нашли еще уже упомянутый выше подписной лист по сбору пожертвований в пользу тов. Жиделева.

Этот документ был единственным «преступным материалом», обнаруженным у меня при обыске, и полицейский надзиратель при составлении протокола учинил мне по этому поводу целый допрос. Он спрашивал, известно ли мне, что сбор пожертвований в пользу такого важного государственного преступника, как Жиделев, есть тяжкое преступление? Я отвечал ему, что ничего не вижу преступного в том, что представители рабочих губернии оказали помощь своему депутату, хотя и арестованному. Затем он спрашивал, кто был инициатором этого дела; я отвечал, что не знаю. Он высказал предположение, что если листок обнаружен у меня, то этим инициатором, наверное, был я, и что за это мне придется строго отвечать, и с этими словами он вместе с остальной толпой полицейских удалился.

На другой день, сообщив об этом обыске А. М. Братенши, состоявшему тогда юрисконсульту нашего союза, я спросил его, что значит этот обыск у меня, как председателя правления союза, не есть ли это начало решительного похода против союза со стороны полиции. Он ответил, что вернее всего это, так сказать, предвыборная агитация со стороны полиции. Я посмеялся и успокоился.

Через несколько дней после этого обыска вместе с товарищами С. А. Ворониным и Лукичевым я снова поехал во Владимир на выборы. Туда же приехал снова и т. Любимов для руководства выборами.

Во Владимире за день до выборов депутатов кадетской грунной выборщиков было устроено с разрешения начальства предвыборное собрание, на которое получили приглашение явиться и мы, рабочие избирщики, а также и выборщики крестьян.

На этом собрании выступали представители всех политических партий: кадеты, октябристы, монархисты и др. От крестьян выступал Хромов и сказал довольно недурную речь, заявив, что как бы господа помещики ни старались одурачить крестьян, а крестьянин все-таки у них землю возьмет, что земля эта его — крестьянина, что это он хорошо знает и никогда об этом не забудет и т. д. Затем выступал Воробьев, выборщик от второй курии городских избирателей, соц.-демократ меньшевик; разбирая программу с.-д. партии, он довольно удачно доказывал, что она требует меньше всех других партий. Потом выступал тов. Воронин, который говорил о том, что только революционной борьбой рабочие и крестьяне смогут добиться своего освобождения, и за это был остановлен председателем-кадетом, заявившим, что «ни о какой борьбе вне стен Гос. Думы он говорить на собрании не разрешает». Потом говорил я, указав между прочим, что только тою борьбой, о которой не разрешает здесь говорить председатель, рабочие и крестьяне смогут улучшить свое тяжелое положение, за что также был остановлен председателем. Дальше говорили остальные наши товарищи, выборщики от рабочих губернии.

На этом собрании у меня и Воронина был любопытный разговор с одним дворянским выборщиком, каким-то князем. Князь этот заявил нам откровенно, что мы, рабочие, добиваясь улучшения своего положения, вполне правы, что так мы и делать должны, но что они дворяне-помещики идут и всегда будут идти против нас, и что иначе и быть не может, так как у нас противоположные интересы, и, значит, мол, борьба и борьба. «Мы всегда против вы», как он выражался.

Все шесть выборщиков, как уже сказано выше, были с.-д. большевики, и проведение большевика-депутата от рабочих Владимирской губ. было обеспечено, задача партии теперь состояла только в том, чтобы из этих шести выборщиков-большевиков провести в Думу наилучшего. Для этого нужно было поставить дело так, чтобы рабочие-выборщики могли из нас шестерых сами выбрать депутата вопреки воле общего собрания губернских выборщиков, т.-е. выбрать того из нас, кого мы желаем сами (или вернее партия).

Это зависело всецело от нашей дисциплинированности, а так как все мы как члены одной партии должны были строго подчиняться партийной дисциплине, то цель эта уже должна была быть достигнута легко.

По тогдашнему избирательному закону депутат от рабочей курии был обязателен, и общее собрание губернских выборщиков одного из нас шестерых выбрать должно было, а чтобы не предоставлять буржу-

азно-помещицъему большинству губернскихъ выборщиковъ выбирать изъ насъ депутата отъ рабочихъ, мы должны были сами наметить (конечно, по указанию руководящихъ партийныхъ органовъ) одного изъ насъ кандидатомъ, а все остальные отъ баллотировки должны отказаться.

На заседанияхъ руководящего выборами Бюро, теперь такъ же, какъ и во время выборовъ во 2-ю Государственную Думу, между иваново-вознесенцами и орехово-зуювцами были большыя споры о кандидатахъ въ Думу. Ореховцы предлагали своего кандидата—Колесникова, а иваново-вознесенцы—С. Воронина. Но, въ конце концов, все согласились на С. Воронина.

Мы, все пятеро остальныхъ, должны были снять свои кандидатуры, когда насъ будутъ выставять на общемъ собраніи губернскихъ выборщиковъ.

Этимъ дело съ выборами, казалось, было уже закончено. Нужно было только строго провести этотъ намеченный планъ въ жизнь.

На другой день, когда должны были состояться выборы, въ большомъ залѣ дворянскаго собранія собралось свыше 80 человекъ (кажется, 88 или 89) выборщиковъ отъ всехъ классовъ населенія Владимирской губерніи (всего было пять курій: рабочая, крестьянская, землевладельческая и первая и вторая городскихъ избирателей). Когда мы явились туда, я былъ вполне уверенъ, что у насъ дело пойдетъ гладко, хотя я съ орехово-зуювскими товарищами-выборщиками раньше и не былъ знакомъ, но разъ они были большевики, члены партіи, то никакого сомненія относительно ихъ дисциплинированности ни у меня, ни у другихъ моихъ товарищей иваново-вознесенцевъ уже не возникало, и я заранее, такъ сказать, предвкушалъ то впечатленіе, которое должно было получиться отъ нашей «железной дисциплины», которая будетъ нами проявлена въ моментъ выборовъ по нашей рабочей куріи.

Однако на деле получилось другое. Когда очередь выборовъ дошла до нашей куріи, и председательствующій на собраніи губернский предводитель дворянства (кажется, князь Голицын) сталъ, какъ это полагалось по тогдашнему закону о выборахъ, спрашивать насъ по очереди, желаемъ ли мы баллотироваться, то вместо организованности и дисциплины въ нашихъ рядахъ получилась «заминка».

Сначала, когда спрашивали насъ, иваново-вознесенцевъ, дело шло гладко. Мы двое—я и Лукичевъ,—кроме Воронина, который намеченъ былъ кандидатомъ въ Думу, свои кандидатуры сняли, а когда дошла очередь до Авдеева, онъ замялся. Мы, иваново-вознесенцы, моментально поняли, чемъ это пахнетъ, и моментально же на него «наесли». Я говорилъ ему, что если въ нарушение партийной дисциплины онъ пройдетъ въ Думу, то мы считать его своимъ депутатомъ не будемъ, прятанемъ къ партийному суду и т. д.

Между тем, председательствовавший, видя это замешательство в наших рядах, еще раз два громко повторил свой вопрос: желает ли Авдеев баллотироваться. Положение стало критическим. Мы надели на Авдеева еще сильнее, и только под влиянием этого в последнюю секунду он, наконец, отказался от баллотировки.

Дальше такая же история произошла с Абрамовым, и нам—остальным четверым выборщикам—пришлось напрячь все силы, чтобы заставить его подчиниться партийной дисциплине, и только благодаря этим усилиям последняя, в конце концов, восторжествовала. В Думу был избран кандидат партии С. Воронин, но впечатление от произошедшей «заминки» осталось, и некоторые из выборщиков из кадетской партии, подходя к нам, ядовито посмеивались и задавали вопросы вроде: «что, мол, у вас али не все благополучно?» и проч.

С крестьянами дело было совсем плохо. Их было одиннадцать человек, из которых только один выборщик был порядочный. Это был Хромов (кажется, от Шуйского уезда). Он, насколько помню, был трудовик, и из соображений тактики «наименьшего зла» мы пробовали собирать крестьян-выборщиков и агитировать их за то, чтобы они проводили в Думу этого Хромова. Но из всех наших усилий не вышло ничего. Крестьяне представляли такой кулацко-обывательский элемент, что с ними ничего невозможно было сделать. Всякий из них мечтал пройти в Думу, и все они баллотировались, т.е. выборы своего депутата, не в пример нам, рабочим-выборщикам, они всецело предоставили на усмотрение черносотенного дворянско-помещичьего и буржуазного большинства собрания, что последние и сделали. От крестьян был выбран какой-то кулачок, никому в политическом мире неизвестный в это время; я даже не помню его фамилии.

От губернии требовалось избрать шесть депутатов: пять от пяти избирательных курий—по одному от каждой, и один, шестой, от общего собрания губернских выборщиков.

При выборах этого шестого в разгаре борьбы из-за него между разными политическими группами заключались всякие блоки и соглашения. Между нами, рабочими-выборщиками, и некоторыми присоединившимися на этот раз к нам крестьянам, с одной стороны, и группой кадетов, с другой, состоялось соглашение. Они дали слово голосовать за нашего кандидата Хромова (которого мы выставили ввиду того, что он заявил нам, что будет работать в Думе вместе с нашей фракцией, а также и потому, что его поддерживали на этот раз несколько крестьян, и он имел порядочные шансы на успех, а мы обещали голосовать за их кандидата (теперь не помню уже, за кого именно).

Но из этого соглашения ничего не вышло. Оба кандидата—и наш и кадетский—были провалены. Шестым депутатом прошел какой-то поп. Этим выборы и были закончены.

Было уже далеко за полночь, когда мы пришли в свой номер гостиницы, где нас ожидали Н. Е. Любимов и другие, принимавшие участие в руководстве выборами.

После того, как мы рассказали подробно о ходе только что закончившихся выборов и о их результатах, то на вопросы, чем могут объяснить свое поведение Абрамов и Авдеев, они, оправдываясь, отвечали, что от Ив.-Вознесенска один депутат уже был (т. Жиделев по 2-й Гос. Думе) и что, мол, теперь очередь послать депутата от других мест губернии и т. п. Помню, что тогда было решено поднять вопрос в соответствующих партийных органах о недопустимом поведении этих двух выборщиков.

По приезде с выборов в Иваново-Вознесенск через несколько дней, в день отъезда в Гос. Думу выбранного нами С. А. Воронина, так же как и тов. Жиделеву, городской с.-д. организацией были устроены проводы, на которые явилось много рабочих. За несколько часов до отхода поезда площадь перед вокзалом была сплошь занята рабочими, одним из товарищей, членов нашей с.-д. организации, был прочитан «наказ рабочих своему депутату», на который тов. Воронин отвечал, а затем выступало еще несколько товарищей. Полиция не вмешивалась, и проводы прошли хорошо. Однако эти проводы были уже не те, что проводы Жиделева. Они уже не были так дружны и многолюдны, как первые. Это объяснялось, главным образом, упадочным настроением рабочих масс, а отчасти еще и тем, что опыты с разогнанными правительством первой и второй Гос. Думами вообще сильно снизили интерес рабочих к этому учреждению.

Член 3-й Гос. Думы от рабочих Владимирской губ. С. А. Воронин доклады о Думе делал в организации очень редко, и среди некоторых товарищей в нашей организации наблюдалось отзовистское настроение. Помню, на одном собрании Союзного Совета было вынесено решение в утвердительном смысле по вопросу об участии членов с.-д. организации в городском кооперативе «Единение—сила», каковой вопрос перед тем дебатировался среди организованных товарищей.

6. Судебный процесс Ив.-Вознесенского Союза Р. С.-Д. Р. П.

Арестованные в г. Шуе в конце марта 1907 г. Фрунзе и Гусев обвинялись, кроме принадлежности к партии, еще в покушении на убийство урядника Перлова, имевшем место незадолго до их ареста.

Поэтому, кроме 102 статьи судебного устава, предусматривающей принадлежность к противоправительственной партии, им была пред'явлена еще статья, карающая смертной казнью. Вслед за ними были арестованы многие товарищи, входившие в разные местные и центральные органы Иваново-Вознесенского Союза Р. С.-Д. Р. П. Таким образом жандармы смастерили большой процесс.

Материал, отобранный у Фрунзе при обыске, совершенно ясно устанавливал как его принадлежность к с.-д. партии, так и руководящую роль в ней. Отрицать это было невозможно, и на допросе Фрунзе назвал свое настоящее имя, признал свою принадлежность к партии и рассказал, что он входил в руководящий орган Иваново-Вознесенской районной организации—Союзный Совет—и в его Исполнительное бюро. Ему ставилось в вину, между прочим, и руководство избирательной кампанией во вторую Гос. Думу, во время которой он сам выступал на предвыборных собраниях и составлял речи для кандидата в эту Думу—впоследствии депутата от рабочих Владимирской губернии—Н. А. Жиделева.

3 августа 1907 года в Кохме арестован И. Уткин (Станко), известный тогда дружинник, игравший руководящую роль в боевой дружине Иваново-Вознесенской с.-д. организации. При аресте у него найден браунинг с патронами. На допросе он признался в принадлежности к с.-д. организации, но отрицал принадлежность к боевой дружине, в его тоже пришли к делу Фрунзе и Гусева.

8 того же августа в селе Юже был арестован А. Сквородин (Быстрый) и в Иваново-Вознесенске К. Тепляков. 22 августа в Шуе арестован Симонов, при аресте у него отобраны устав партии в одном экземпляре и прокламации. На допросе он отрицал свою принадлежность к партии и по поводу найденных у него документов объяснил, что он их нашел. 8 ноября там же арестован Котов; несмотря на найденные у него при аресте материалы, он на допросе отрицал свою принадлежность к партии. 5 января 1908 года в Шуе арестованы Киселев и Баранов. Первый признался в принадлежности к партии, второй—нет. 8 января того же года в Иваново-Вознесенске в одном из рабочих кварталов в доме Никифорова полицией было арестовано собрание районного комитета 4-го района городской с.-д. организации в следующем составе: Мокруев, Домничев, Душин, Я. Родионов, Болтушкин, Рыжков, Васильев, Коровайкова. При аресте их полицией были найдены прокламации, партийные чековые книжки и неоконченный протокол заседания.

На допросе, кроме Я. Родионова, принадлежность к партии все отрицали, а последний заявил, что он принадлежит к партии и показал, что все найденные в доме полицией документы принадлежат ему; с целью выгородить всех остальных он сознательно взял всю вину на себя.

17 января в Кохме арестован Чельшев. 31 января в Кохме же арестован Жукон. При аресте отобраны 7 чековых партийных книжек и прокламации, и тогда же в Шув арестована Луковникова. 11 марта арестованы видные руководители парторганизации Соколов и Караваев. При аресте у них отобраны литература и разная переписка.

24 апреля в Иваново-Вознесенске, в доме Сергеева, полицией взята подпольная с.-д. типография с только что напечатанной прокламацией под названием «К крестьянам», набор шрифта 2-й первомайской прокламации и пять—шесть пудов шрифта; арестован товарищ И. Сулкин (Виктор), работавший в качестве наборщика при этой типографии. В это же время в Иваново-Вознесенске арестован видный партийный тов. Адроников (Петр). Ему было предъявлено обвинение в написании черговика, взятого при типографии набора шрифта первомайской прокламации. В связи с этой типографией тогда же был арестован В. Калашников; при аресте у него отобраны резолюции «Союзного Совета» о Гос. Думе и о задачах в ней с.-д. фракции. Еще через несколько дней был арестован П. Постышев (Ермак) при очень оригинальной обстановке: т.т. П. Постышев и Г. Киселев пошли сделать «передачу» в тюрьму продуктам арестованному т. В. Калашникову. И вот, когда они подошли к воротам тюрьмы, в это время их заметил хорошо их знавший старший тюремный смотритель. П. Постышев шел впереди, а Г. Киселев на некотором расстоянии сзади. Увидя смотрителя, П. Постышев обратился к нему с просьбой передать тов. Калашникову имевшийся у него в руках узелок с продуктами. Смотритель попросил Постышева войти во двор. Постышев вошел, тогда смотритель предложил ему пойти в тюрьму и передать узелок Калашникову лично самому. «Идите, идите, господин Постышев, можно войти прямо в тюрьму, а там сами и передадите г-ну Калашникову свой узелочек», говорил он. Постышев смелнул, что «дело неладно», и сказал: «Нет, нет, г-н смотритель, я не пойду, вы уж, пожалуйста, передайте сами». — «Да чего вы боитесь?», — начал уговаривать его смотритель, — идите, передайте, не бойтесь, вам ничего не будет». Но Постышев, окончательно поняв, что дело пахнет арестом, положил на ступеньку лестницы свой узелок и говоря: «нет уже, я в тюрьму не пойду, вы уже будьте

добры, передайте сами», начал быстро задом двигаться обратно к воротам. Тогда смотритель, обращаясь к стоявшему у ворот часовому-казаку, крикнул: «Эй, казак, задержи его!». Последний немедленно выполнил это распоряжение. Постышев был арестован, а стоявший за воротами и наблюдавший эту сцену Г. Киселев, видя такой оборот дела, успел задать стрелкача и тем избежал ареста.

У П. Постышева при аресте в кармане пальто было найдено письмо к неизвестному лицу с просьбой о высылке литературы для поддержания политического движения среди рабочих и счет к Иваново-Вознесенскому с.-д. комитету, адресованный наборщику типографии этого комитета тов. Виктору.

В июле или августе того же года еще арестована была Софья Броун.

Кроме перечисленных товарищей, в разных местах в разное время арестовано было еще несколько человек, и все, за исключением очень немногих, которых за полным отсутствием улик жандармам не удалось пришить к этому делу, — в числе около 40 человек — были вместе с Фрунзе и Гусевым привлечены по обвинению в принадлежности к Иваново-Вознесенской районной организации Р. С.-Д. Р. П., а частью, кроме того, по обвинению в принадлежности к боевой дружине этой организации и в покушениях на представителей полиции.

Дознание по этому делу тянулось свыше 2½ лет. За это время несколько раз дело назначалось к слушанию, но вследствие происходивших все новых и новых арестов, оно все откладывалось. Сидевшие во Владимирской тюрьме в ожидании суда товарищи несколько раз заявляли свои протесты против этих откладываний; многие из арестованных от долгого сиденья в тяжелых условиях тюрьмы уже заболели чахоткой, а дело все тянулось и тянулось, и только в феврале 1910 г. дело было назначено к рассмотрению выездной сессией Московского Военного Окружного Суда в гор. Владимире.

На этот суд явились не все. Т.т. Любомиров и Савин умерли в тюрьме, И. Уткин (Станко) к моменту разбирательства дела был тяжело болен чахоткой, его дело было выделено, но впоследствии он также умер в тюрьме, не дождавшись суда. Все явившиеся в суд подсудимые в числе 34-х человек, за исключением А. Сквородина (Быстрый) и Соколова (Геннадий), вели себя хорошо, выдержанно и стойко.

Последние двое, стараясь выкрутиться, пустились на очень предсудительные приемы. Сквородин показывал, что он якобы служил и рабочим, и фабрично-заводской администрации, т.-е., состоял в с.-д. организации и ведя там партийную работу, он в то же время дьяка

фабрично-заводской администрации сведения о настроенных и рабочих и партийных кругах, что и подтверждал на суде вызванный в качестве свидетеля один из владельцев фабрики в селе Юже, где Сквородин до ареста работал, а на вопросы, почему он, Сквородин, так себя вел, он пояснял, что делал он это исключительно с целью избегания и улаживания конфликтов между рабочими и фабрично-заводской администрацией. Прежде чем решиться на такие показания, Сквородин советовался по этому вопросу с другими товарищами - подсудимыми, и все они высказались категорически против допустимости такого поведения на суде. Но речь шла о возможности оправдаться при помощи таких показаний, и Сквородин, вопреки протестам остальных подсудимых, пошел на эти показания.

Соколов тоже дал очень сомнительные показания. Он заявил, что работал в с.-д. организации только в качестве наемного пропагандиста, будучи к этому вынужден своим тяжелым материальным положением безработного.

Интересный эпизод произошел на суде с экспертизой. По установлению почерков на некоторых имевшихся в деле документах, отобранных у некоторых подсудимых, вызванные в суд эксперты заявили, что они сильно сомневаются в том, что документы эти написаны рукой подсудимых, поэтому они определенно не могут сказать, ими ли они написаны или нет, тогда как на предварительном дознании экспертизой другого состава было заявлено, что названные документы писаны именно рукой подсудимых. Тогда, в ответ на заявление экспертизы, прокурор сказал, что первая экспертиза состояла из людей, имевших большие штатские чины, поэтому, мол, следует верить только этой первой экспертизе; защита на это отвечала, что в составе присутствующей на суде экспертизы также имеются люди с большими чинами, которые тоже не могут быть лишены доверия суда; прокурор на это уже ничего не нашел ответить.

В своей речи прокурор отказался от обвинения в отношении свыше 10 человек за недоказанностью вины. В результате из 34-х подсудимых 9 получили по 4 года каторги (Постышев, Голубев, «Дельный», Шеев, Родионов, Сулкин и др.); некоторые судились еще за «эскы» и получили вечную каторгу (напр., Коняев); 4 получили ссылку на поселение (Тепляков, Караваев и др.); Баранов из Шуй получил год крепости; Фрунзе и Гусев, обвинявшиеся совместно с другими в принадлежности к партии и, кроме того, в покушении на урядника Перлова, были приговорены к смертной казни; смертный приговор по жалобе защиты

был впоследствии кассирован и заменен Фрунзе 8-ю годами каторги, а Гусеву, кажется, 12-ю.

Оправдано было свыше 20-ти человек, в числе которых были Мокруев, Калашников, Каравайкова, Луковникова, Сквородин, Соколов, Котов и др.

Многие из оправданных вышли очень слабыми и больными: так, Котов вскоре после оправдания умер от полученной им в тюрьме чахотки.

За время предварительного дознания, под влиянием все усиливающейся правительственной реакции и арестов виднейших партийных работников, начался отлив из партии интеллигентных сил, а также усилился упадок настроения в широких рабочих массах. Партийные организации так же, как и профессиональные, слабели чем дальше, тем все больше и больше, и в начале 1909 года они были уже накануне полного распада.

7. Поход полиции против профессиональных союзов. Отрывка крестьянской психологии и мой арест. Снова на фабрике Грязнсва. Арест второй подпольной типографии.

В конце октября или в начале ноября 1908 года меня вызвал в полицейское правление полицеймейстер Виноградов. Когда я вошел к нему в кабинет, он сидел за письменным столом и что-то писал, а когда подошел к его столу, я спросил, что ему угодно, он, не отрываясь от своего дела, сказал: «Вы председатель ситцепечатников Самойлов?» — «Да», — ответил я. — «Подождите немного», — сказал он, не приглашая меня сесть, и снова углубился в свои дела.

Постояв несколько минут, я начал тихо ходить вперед и назад против его стола вдоль стенки кабинета. Он сидел, уткнувшись в свои бумаги, потом, вскинув вдруг на меня глаза, громко сказал: «Господин Самойлов, что это вы на бульваре что ли где-нибудь находитесь?» — «А что, господин полицеймейстер?» — спрашиваю я, в свою очередь. — «Да вот рассказываете тут, стучите и топаете». — «А что, я вам разве мешаю?» — «Если мешаю, могу уйти; вы сами меня вызывали», — снова говорю я дальше. Он встал и, повышая голос, крикнул: «Не забывайте, вы находитесь в кабинете полицеймейстера и должны вести себя прилично, а не рассказываться и не топать». — «Что вам от меня нужно, господин полицеймейстер, я, кажется, веду себя достаточно прилично, а вот вас я просил бы меня долго не задерживать, у меня, так же, как и у вас, есть свои дела», — говорю я дальше. — «А вот скоро у вас не будет ни-

каких делов, союз ваш уже закрыт господином губернатором. Да-с! вот вам и дела, сейчас вот вам об этом сообщат»,—ответил он тем же повышенным голосом.

После этого он позвал какого-то служащего и приказал ему принести за таким-то номером такое-то отношение губернатора. Последний принес. Полицеймейстер прочитал мне эту бумагу; в ней говорилось о том, что «деятельность нашего союза, ввиду его противозаконного, вредного характера, приостанавливается, о чем и доводится до сведения правления названного союза».

Бумага подписана губернатором Сазоновым. Прочитав ее, полицеймейстер с торжествующим видом предложил мне расписаться в том, что я ее слышал и об этом обязуюсь довести до сведения правления союза.

После этого полицеймейстер, продолжая смотреть на меня взглядом торжествующего победителя, почти весело произнес: «Вот и все-с! вы свободны-с!».

Ничего не отвечая на его последние слова, я быстро вышел из его кабинета. Это произошло в 10 часов утра, а вечером в этот же день мною было созвано экстренное заседание правления, на котором после моей информации о создавшемся положении было решено делегировать меня к губернатору для ходатайства о разрешении вновь открыть союз, а впрямь до моего возвращения действия его приостановить.

Взяв отпуск на фабрике, вечером на другой же день я поехал во Владимир, а на следующий день явился к губернатору.

В прихожей приемной губернатора, когда я предъявил свои бумаги, меня сначала раздели и обыскали, а потом попросили подождать.

Прошло около часа времени, пока губернатору доложили, и я, наконец, его увидал. В кабинет к себе он меня не позвал, а в сопровождении каких-то двух штатских сам вышел ко мне в прихожую.

Это был уже старик, совершенно седой, бледный, желтый и сморщенный, с какими-то крестами и медалями на груди. «Кто тут Самойлов?»—крикнул он слабым старческим голосом.—«Я, господин губернатор»,—сказал я, вставая и делая к нему несколько шагов навстречу. Сопровождающие его двое штатских в это время встали по обе его стороны и пристально устремили на меня свои глаза. «Вы председатель союза печатников?»—задал мне вопрос губернатор.—«Ситцепечатников, господин губернатор»—поправил я его.—«Ну да, печатников»,—снова повторил он, видимо, не понимая разницы между этими двумя словами.—«Ну что вам нужно?»—сказал он снова.—«Я уполномочен правлением нашего союза просить вас отменить ваше постановление о закрытии союза, а также мы хотели бы узнать причину закрытия»,—сказал я.—«У вас

на собраниях произносятся преступные противозаконные речи, там у вас выступают соц.-демократы и ведут противоправительственную агитацию»,—сказал он.—«Помилуйте, господин губернатор, наши собрания проходят, всегда в присутствии полиции, которая строго следит за всеми речами и не допускает ничего противозаконного, говорим мы там только то, что разрешено законом».—«А у меня вот есть сведения, что там у вас, на этих ваших собраниях, говорят социал-демократы»,—говорит он снова.—«Я не знаю, господин губернатор,—говорю я дальше,—может-быть, среди членов нашего союза и есть социал-демократы, но на собраниях наших у нас никакой незаконной агитации не ведется, и причины для закрытия нашего союза мы не видим. У нас членов три с половиною тысячи человек, и все они очень взволнованы и недовольны закрытием своего союза. Поэтому от их имени я и прошу вас разрешить нам снова открыть действия союза». Он помолчал немного, потом сказал: «Ну, хорошо, я наведу справки еще раз о вашем союзе, а потом вам отвечу, а вы пока поезжайте».—«А через сколько времени, господин губернатор?»—спрашиваю я снова.—«А вот как только расследую, так и отвечу»,—сказал он в заключение и, быстро повернувшись, в сопровождении своих «телохранителей» ушел в свой кабинет.

Выходя от губернатора и взвешивая его прием, я приходил к выводу, что есть основание рассчитывать, что союзу будет разрешено существовать еще некоторое время.

По приезде в Иваново - Вознесенск, на созванном мною заседании правления, после моего доклада о результатах этой поездки к губернатору, было решено и дать, пока будет произведено обещанное губернатором «расследование» о деятельности союза, а деятельность общества пока что считать приостановленной.

Прошло около месяца, пока получился этот ответ. Чтобы не возбудить какого-либо подозрения, за все это время мы никаких собраний не устраивали, и работа союза была полностью приостановлена.

В первых числах декабря через полицию на мое имя от губернатора получила повестка, в которой предлагалось мне немедленно к нему явиться. Сообщив об этом членам правления, я снова поехал во Владимир.

Во время пути, оценивая этот личный губернаторский вызов, я заключил, что мои первоначальные предположения о благоприятных результатах ходатайства оправдывались: полиция тогда не любила с нами «нянчиться», и, если она в чем-либо отказывала, то отказывала прямо и решительно, с громкими окриками и угрозами (как, например, это было во время нашего хождения к владимирскому полицеймейстеру за

разрешением устроить предвыборное собрание во время выборов в третью Государственную Думу).

В приемной губернатора, когда я сообщил, что явился по его вызову, меня на этот раз обыскивали несколько «вежливее» и ждать пришлось недолго, но принял он меня также в прихожей, куда, как и в первый раз, вышел в сопровождении все тех же двух штатских «телохранителей». «Вы от печатников?»—спросил он, когда я поднялся со стула и сделал два шага к нему навстречу.—«От ситцепечатников, господин губернатор»,—снова поправил я его, как это было и в первую мою поездку.—«Ну да, от печатников я и говорю»,—повторил он опять; видимо никак не в состоянии понять разницу между печатниками и ситцепечатниками.—«Ну, вот что, ваш союз я открываю.—продолжает он дальше,—и вы можете приступить к своему делу, но помните, за вами будут строго следить, и если опять что-нибудь будет замечено, то союз будет снова закрыт и уже навсегда, и все виновные, замеченные в противозаконных деяниях, будут строго отвечать перед законом. Помните главное, что никакой политики в вашем союзе быть не должно, и вы должны всегда твердо стоять за веру, царя и отечество и внушать это и всем своим товарищам», при этих словах он несколько раз легко хлопнул меня по плечу.

— Господин губернатор,—прервал я его,—это уже вопрос политический, а наш союз политикой не занимается и, как вы сами сейчас говорили, и не должен заниматься.

— Да, да, да,—оборвал он меня,—политики в нашем союзе быть не должно, я вот открываю его и посмотрю, что из этого выйдет, и повторю, что если будет что замечено, все, все вы будете строго отвечать, а теперь идите и передайте это своим товарищам.

— А когда же, господин губернатор, можно будет открыть действия союза?—спрашиваю я.

— Это будет сообщено через полицию,—отвечает он.

— А как скоро?—снова задаю я вопрос.

— Скоро, скоро, идите с богом и держите себя смирно и спокойно и внушайте то же самое вашим товарищам, членам вашего союза.

С этими словами он повернулся и вместе со своими «телохранителями» ушел в свой кабинет.

Чувствуя, что «наша взяла», я в бодром настроении вышел от губернатора, а когда по приезде в Иваново-Вознесенск я сообщил на созванном мною заседании правления о результатах моих поездок в губернию, эта бодрость настроения передалась и остальным товарищам.

Хотя угроза губернатора закрытием союза, «если что будет замечено», ясно говорила о том, что жизнь союза зависела всецело от усмотрения властей, тем не менее на этот раз мы торжествовали победу над местной городской полицией, которая в лице полицеймейстера Виноградова потерпела неудачу в своих доносах губернатору на наш союз.

Через несколько дней я был вызван полицеймейстером, который прочитал мне полученную из губернии официальную бумагу об открытии союза. Полицеймейстер имел недовольный, угрюмый вид и по прочтении этой бумаги говорил мне: «Радуетесь своим успехам, довольны, что открыли союз, ну, смотрите, при вторичном-то закрытии будете отвечать. Да, да... будете отвечать. Да еще как!».

— Что вам угодно от меня, господин полицеймейстер? чего вы меня пугаете?—прервал я его.

— Я ничего, я только предупреждаю вас, чтобы вы знали,—отвечает он.

— Я это знаю, господин полицеймейстер, — сказал и и с этими словами вышел от него.

После окончания всей этой волокиты с ходатайством, в декабре же союз вновь открыл свои действия, но упадочное настроение рабочих масс сказывалось все сильнее и сильнее: несмотря на устраиваемые нами агитационные собрания и прочие способы привлечения членов, число последних уменьшалось.

Под влиянием репрессий, с одной стороны, и упадка настроения рабочих в связи с все растущей правительственной реакцией—с другой, вместе со всеми остальными пролетарскими организациями начали окончательно хиреть и профессиональные союзы. Мы видели отчетливо, что союз наш, как и все другие союзы, распадался чем дальше, тем все больше и больше, и для нас становилось совершенно ясным, что, если не начнется в ближайшем будущем под'ем настроения в рабочих массах, то союзы неизбежно умрут медленной естественной смертью.

В это время после ряда обысков, произведенных жандармами в помещении правления союза в марте 1909 года, наш союз был снова закрыт, и жандармский ротмистр Орловский приступил к дознанию по делу «о преступных деяниях членов правления нашего союза».

В апреле и в мае были привлечены по этому делу Кузнецов, Кудрин, Лаврентьев, я и другие.

Я позволю себе здесь маленькое отступление.

В конце апреля или в начале мая серьезно заболела моя жена и по совету врача я подыскал себе квартиру за городом, где бы она могла

пользоваться необходимым ей чистым воздухом. Это было местечко «Соснево» за рекой «Уводью» недалеко от фабрики Грязнова, на которой я тогда работал. Это местечко было новым, только что всего несколько лет назад начавшим застраиваться поселком. В момент моего переезда там было среди расчищенного леса всего несколько десятков небольших деревянных домов, вокруг которых всюду виднелся лес и лес. Место было сильно заросшее и дикое и, кроме небольших пешеходных тропинок, никаких проездных дорог там не было.

Маленький деревянный домик, который я снял под квартиру, был на самом краю поселка и стоял в стороне от других. Участок земли, принадлежавший живущему в городе владельцу домика, представлял собою сплошную «целину», поросшую, большей частью, травой и лишь местами небольшими деревьями и мелким кустарником. Никакого забора не было, место было ровное и открытое; недалеко, в небольшом овражке, журчал маленький ручеек с прозрачной ключевой водой.

Очутившись в такой обстановке после долгих лет непрерывной жизни в пыльных, грязных и вонючих улицах рабочих кварталов города, с первых же дней я почувствовал, как вся эта дикая природа овладевает мною все сильнее и сильнее, и вся окружающая непривычная обстановка леса, луга и тишины, после многолетнего шума, духоты и сутолоки города, казалась мне необыкновенно красивой, удобной и здоровой. И когда я вечером приходил с фабрики и после душевного корпуса, сидя на крыльчке хаты, вдыхая ароматный воздух леса, присматривался к окружающей картине вечера и прислушивался к тихому журчанию ручейка и шелесту трав и деревьев, я моментами забывал суровую действительность, и мне начинало казаться, что ко мне возвращаются времена моего детства, что я снова в родной, давно покинутой мною деревне, что надо мною нет ни фабричного мастера, ни управляющего, что вставать по гудку больше не нужно, что я «волен, как птица», и «сам себе хозяин».

Таково было действие окружающей обстановки, и чем дальше, тем это «крестьянское настроение» все больше и больше овладевало мною.

Позади хатки была большая, густо поросшая травой ровная площадка, которая представляла собой удобное место для обработки. При виде ее, руки просились работать. Вначале я сдерживался, но скоро не выдержал. Крестьянин проснулся во мне окончательно, и в моих жилах бурно закипела кровь моих предков, отцов, дедов и прадедов, долгие века обрабатывавших «кормилицу землю» и с раннего детства до могилы поливавших ее своим трудовым потом. Земля неудержимо потянула к себе.

Хозяин не препятствовал обработке площадки, и я взялся за дело.

В течение многих дней все свободные от работ на фабрике часы я проводил на этой площадке с железной лопаткой в руках, поднимая крепкие пласты зеленого дерна; разбивая их и обливаясь потом, я переживал непередаваемое наслаждение «мужика-пахаря», с величайшей заботой и любовью распахивающего свою полосу.

Почва была песчаная, тощая, пришлось прибегнуть к удобрению, которое, в виде чернозема, я таскал на себе издалека.

После того, как восемь—десять готовых грядок было, наконец, засеяно овощами и небольшим количеством цветов, я взялся за другую, не менее интересную для меня работу. В течение многих вечеров я рубил у реки ольховые колья, таскал их к хате и обносил свои гряды огородом, а когда и эта работа была закончена, я стал по вечерам заниматься поливкой грядок, таская для этого воду из ручейка ближайшего оврага.

Вся эта работа стоила большой затраты сил, но я был доволен ею, она была для меня тогда только хорошим развлечением и отдыхом от шума и духоты фабрики. По окончании ее, я переживал вновь давно забытое, одним крестьянам известное, приятное чувство ожидания плодов своего труда.

Вот показались и всходы, грядки начали покрываться молодой, нежной зеленью, и я с еще большей энергией и заботой поливал их и проводил в своем огороде большую часть свободного от фабричной работы времени.

Полиция меня не беспокоила. Но вот, когда в лесу зацвели дикие черемухи и рябины и когда весна уже вступила полностью в свои права, (это было около середины мая), на фабрику Грязнова, где я тогда работал, однажды явился известный тогда в городе жандарм Ячкин и вручил мне повестку жандармского ротмистра Орловского, в которой предписывалось мне немедленно явиться на допрос.

С этой повесткой я пошел к управляющему фабрикой Л. И. Постникову и попросил у него отпуск для явки на этот допрос. «А надолго?» — спросил Постников, когда я показал ему повестку. — «Вероятно, на несколько часов». — «А вас не заберут?» — снова спрашивает он. — «Не знаю, думаю, что нет», — отвечаю я снова. — «Ну, идите», — сказал он, и я отправился к Орловскому.

Когда я вошел к нему в кабинет, он, узнав, кто я, предложил мне сесть к столу, и допрос начался. Он спрашивал меня, сколько времени я работал в союзе, как союз организовался, какие цели он себе ставил,

кто еще со мной работал в правлении союза, как была создана библиотека союза, кто и как делал подбор книг для этой библиотеки, кем и где приобретались книги, кем и в каком порядке выдавались они для чтения из библиотеки и т. д. и т. п.

На эти вопросы я старался отвечать так, чтобы мои ответы не могли дать ротмистру никаких материалов для обвинения. Я говорил ему, что точно не помню, сколько времени работал в правлении, что союз имел целью улучшение материального положения своих членов и вообще борьбу с капиталом и что библиотечка создана по постановлению общего собрания членов; как она составлялась и кто в этом деле участвовал, я точно не помню и т. д.

Однако ротмистр продержал меня на допросе около трех часов и под конец предложил мне написать собственноручно, что я не признаю себя виновным в преступлениях, предусмотренных 128, 129 и 132 статьями, что я и сделал, а потом уже, когда протокол для допроса был мне прочитан и я его подписал, ротмистр сказал: «Ну, а теперь напишем постановление». И на чистом листе бумаги стал что-то писать. «А что такое, господин ротмистр?» — задал я вопрос. — «А вот сейчас увидите», — ответил он и, кончив писать сказал: «Прошу слушать», и прочитал мне написанное постановление, в котором говорилось, что на основании таких и таких-то статей такого-то уложения и в целях пресечения укрывательства от суда и следствия я заключаюсь под стражу.

После этого ротмистр позвал одного из своих унтеров и сказал ему, чтобы он меня сначала свел в фотографию Григорьева для снимка, а потом отправил бы в тюрьму. Выслушав ротмистра, унтер, вытянувшись в струнку, сказал: «слушаюсь», и мы с ним вышли из кабинета ротмистра и направились к центру города, где была тогда фотография Григорьева.

В фотографии меня сняли в нескольких видах: (в анфас, профиль, сидя, стоя, в фуражке и без фуражки), а затем мы с этим же унтером вышли и направились в тюрьму, которая находилась тут же на Покровской улице, рядом с помещением городского полицейского управления.

По пути в тюрьму, уже почти близ нее, нам встретился А. М. Братенши, присяжный поверенный, бывший юрисконсульт нашего союза. Поздоровались снятием фуражек. «Арестованы?» — спросил он. — «Да», — ответил я. Больше говорить было нельзя; мы подходили уже к тюрьме, и жандарм спешил.

Вот мы уже у ворот тюрьмы, жандарм пред'являет бумагу, и часовой нас впускает во двор.

Учреждение это мне уже было знакомо. В этой тюрьме я сидел в 1905 году. Здесь было все попрежнему, ничего не изменилось. Те же высокие из небеленого кирпича стены, которыми окружен был тюремный двор, те же равнодушно-тупые рожи надзирателей, те же камеры и та же грязь и вонь и в коридоре, и в них самих. Все то же: только там, за стенами тюрьмы, «на воле», уже теперь не то. Тогда, во время моего первого ареста, в 1905 году, там было бурно и шумно, и на фабриках и заводах, несмотря на только что закончившуюся мало удачную в экономическом отношении стачку, волна революционного под'ема вольно и шумно бурлила, и ее гул в том или ином виде долетал до стен тюрем, и политические арестанты инстинктом революционеров чувствовали, что сидеть им долго не придется. Теперь же «на воле» было тихо и мертво, и, несмотря на весну в природе, в политической жизни страны, под сенью столыпинских военно-полевых судов, царил глубокая жуткая тишина хмурой поздней осени; рабочее движение продолжало идти на убыль, на фабриках и заводах администрация постепенно начинала переходить к дореволюционным порядкам, а рабочие массы молчали.

Поэтому теперь рассчитывать на их мощный голос, ультимативно требующий освобождения своих руководителей, уже не приходилось. В руках врагов рабочего класса тюрьмы были теперь более грозным оружием против его руководителей, и, идя в тюрьму, я это чувствовал и ясно сознавал.

В коридоре тюрьмы жандарм «сдал» меня старшему тюремному надзирателю. Я был подвергнут тщательному личному обыску и направлен в одну из верхних одиночных камер. По пути в эту камеру на верхнем коридоре я встретил тов. Г. Киселева, который сидел там уже несколько дней. «Ага, и ты сюда»,—сказал он, увидев меня. — «Здравствуй,— отвечаю,—как видишь, вот привели». — «Ну хорошее дело, будет веселее нам», — сказал он снова. Но в это время на него закричал полицейский, и он быстро ушел в свою камеру. Тотчас же и меня заперли в камеру, кажется, через камеру от тов. Киселева.

Камера эта была с грязными деревянными нарами, на которых можно было поместиться вдвоем. Стены были серые, со множеством всевозможных грязных пятен, пол черного цвета, потолок серый, в самом верху выходящей наружу стены обычное маленькое тюремное окно с двумя стеклянными рамами и толстой железной решеткой между рамами.

Осмотревшись и ознакомившись с этой обстановкой, я сел на нары и стал обдумывать свое положение. Из допроса Орловского было видно, что он особенно интересовался библиотекой нашего союза, и отсюда

для меня становилось ясным, что предлогом для закрытия союза и привлечения к суду правления жандармы избрали нашу библиотеку, в которой при обыске было обнаружено порядочное количество «изъятых из обращения» разными органами правительственной власти книг, брошюр, газет и журналов. С точки зрения юридической для жандармов это обстоятельство и послужило основанием к привлечению нас к судебной ответственности и к ликвидации союза.

Я хорошо знал, что в нашей библиотеке такой нелегальной литературы, какая печаталась тогда в наших подпольных партийных типографиях, не было, и мы, члены правления, хорошо понимали, что иметь эту литературу нам было невозможно, ибо для союза это было риском быть каждую минуту закрытым; но мы мало отдавали себе отчет в том, что у нас имелась другая литература, в которой власти при желании всегда могли найти предлог для ликвидации союза и нас.

В последние месяцы существования союза, под влиянием все усиливающейся политической реакции в стране, на все рабочие организации, в том числе и на союзы, со стороны полиции сыпались всяческие стеснения и придирки: мы ясно видели, что существование союза зависело всецело от доброй воли властей и что стоит только последним захотеть, и предлог для ликвидации у них всегда найдется; поэтому мы понимали, что быть особенно осторожными в целях сохранения союза в последнее время смысла не имело. Если бы наша библиотека и не могла представить жандармам предлога для закрытия союза, то был бы найден другой предлог, ибо реальное соотношение сил между подавленной революцией и дворянско-помещичьей правительственной реакцией тогда было такое, какое изобразил Крылов в басне «Волк и Ягненок». Там ягненок был виноват уже тем, что волк хотел есть, а здесь рабочие организации должны были так или иначе быть ликвидированы уже потому, что торжествующая реакция этого хотела.

Сидя на нарах своей камеры, я взвешивал все эти соображения и понимал, что дело идет именно так, как и следовало ожидать, что правительство, подавившее революцию 1905 года в крови восставшего народа, теперь ликвидирует все остатки завоевания этой революции, в том числе и завоевание рабочим классом права иметь свои профессиональные организации. Придя к этим невеселым выводам, я заключил, что сидеть придется, наверное, долго.

В это время в «волчок» (маленькое отверстие в двери камеры) кто-то крикнул: «Здравствуй, тов. Самойлов». Я повернулся и увидел тов. Кширина. — «Здравствуй», — ответил я. — «Ты сегодня прибыл?» — спросил он. «Да», — отвечаю я. — «Чего нового на воле?» — спросил он

дальше. — «Ничего особенного», — отвечаю я. — «А как ты себя чувствуешь?» — спрашиваю я его, но на него закричал полицейский, и, не ответив мне, он вынужден был удалиться. Это он ходил куда-то по коридору и заглянул ко мне в камеру.

В камере был я не один: кроме меня, в ней было множество клопов, которые сильно меня беспокоили и с которыми я энергично боролся при помощи кипятка.

В этой камере просидел я всего два—три дня, а потом был переведен в камеру, где помещались Киселев и Каширин. Там же был и М. Кудрин, письмоводитель нашего союза.

В этой новой камере, рассчитанной на двоих или максимум на троих, нам пришлось сидеть вчетвером. На деревянных нарах спало двое, а остальные двое на черном цементовом полу. Расстилали набитые соломой тюфяки на пол и спали.

Воздуху в камере было мало, и мы выбили в маленьком окошечке камеры около половины стекол, но сначала все же было душно и казалось неудобным, но потом привыкли и немножко «устроились». Через смотрителя тюрьмы выписали даже газету «Русское Слово», которую тот согласился нам передавать при условии предварительного ее прочтения им самим.

Ежедневно утром читали «Русское Слово», после обеда шли на прогулку на двор, время шло довольно быстро, и я с положением заключенного уже примирился. Но вот однажды вечером, когда мы уже готовились лечь спать, надзиратель принес мне письмо от жены, которая писала, что ротмистр Орловский предлагает внести залог в 300 рублей, и тогда я буду освобожден до суда.

Это было для меня большой неожиданностью, ибо я уже примирился с мыслью, что сидеть придется долго, и, озадаченный этим событием, сообщив содержание письма товарищам по камере, я спросил их, что тут пужно делать? «Нужно ложиться спать», — ответил мне тов. Каширин. — «Спать-то спать—это верно,—возразил я ему,—но я бы хотел знать, ваше мнение по этому вопросу». — «Никакого мнения тут не требуется, дело очень ясное. Есть у тебя 300 рублей, попробуй их внести, и тогда посмотрим еще, что из этого выйдет. Возможно, что эту сумму жандарм потому и назначил, что он уверен, что у тебя ее нет и ты внести ее все равно не можешь, поэтому и будешь сидеть, сколько будет угодно ротмистру Орловскому», — говорили другие товарищи.

Денег, конечно, у меня не было ни гроша, и эти доводы товарищей были для меня настолько убедительными, что я очень скоро успокоился и, улегшись на соломенном тюфяке, спокойно уснул.

Через несколько дней, однако, снова получилось письмо, в котором сообщалось, что А. М. Братенши (бывший юрист-консульт нашего союза) предлагал жандармскому ротмистру Орловскому освободить меня под его поручительство, но в этом было отказано.

На одном из свиданий, которые разрешались заключенным с родственниками (кажется, два раза в неделю), жена передала мне, что вечером в день моего ареста в моей квартире полицией во главе с городским полицейским приставом Добротворским был произведен тщательный обыск, что, кроме нескольких легальных книг, как, например, Тотомианца «Формы рабочего движения» и некоторых других, ничего найдено не было и что мои записные книжки и рукописные документы она успела убрать, и полиция их не нашла, что такой безрезультатностью обыска пристав был недоволен и говорил жене: «Вы, должно быть, очень хорошо умеете убирать и хоронить материалы и документы, а мы прозевали».

Мои записные книжки и другие рукописи и документы были так хорошо спрятаны перед обыском в лесу, что потом, несмотря на все наши старания, найти их нам не удалось.

Тут же через камеру от нас сидел арестованный по тому же делу недели на две раньше меня А. Кузнецов, член правления нашего союза. Он все время сидел в одиночке, но особо строгой изоляции не подвергался, и мы имели с ним постоянные сношения, передавали ему газеты и переписывались с ним.

Прошло еще некоторое время. «На воле» было все спокойно и лишь от времени до времени некоторыми товарищами присылалась нам небольшая денежная поддержка, и, сидя вчетвером в камере, мы уже не помышляли о скором освобождении. Как вдруг однажды утром в нашу камеру явился полицейский и, назвав мою, Кузнецова и Киселева фамилии, предложил немедленно собраться и пойти с ним. «Куда?» — спрашиваем мы. — «На волю», — отвечает он. Это было для нас крайне неожиданно, и мы, немного волнуясь, попрощавшись с оставшимися товарищами, вышли из тюрьмы вслед за полицейским и направились в полицейское управление.

В небольшой комнате, куда мы вошли, за письменным столом сидел здоровенный толстый человек в штатском. Он был так толст, что, казалось, имел одинаковые размеры и в ширину, и в высоту. Подбородок и затылок его имели громадные жирные складки, и шея была гораздо толще самой головы; руки и ноги короткие, и весь он был очень похож на громадный арбуз.

Он предложил нам расписаться на какой-то бумаге в том, что обязуемся без разрешения полиции никуда из города не выезжать и ходить в определенное время «на поверку» к участковым полицейским надзирателям и т. д. Из этого было видно, что мы отдавались под так называемый «особый гласный надзор полиции». После этого толстяк обратился к нам с такими словами: «Ну, господа, вы освобождаетесь из-под стражи, но имейте в виду, что поступить на работу вам уже не придется; на фабриках-то вам уже не бывать; да-с!». — «А что же прикажете нам делать?» — ответил я ему: — «Чем же прикажете нам жить?» — «А это уже меня не касается, — продолжает он, ядовито улыбаясь всей своей жирной поросячьей рожой, — как хотите, так и живите». — «Т.-е. как же это, как хотите?», — говорю я дальше, уже начиная волноваться: — «есть-то мы должны что-нибудь или нет?» Пальцы, что ли, вы нам прикажете сосать». — «Но какое-же мне дело, — повышая голос, говорит он дальше, — вы знали, что делали, когда шли на преступление. Если бы вы вели себя тихо и смиренно, тогда никто бы вам не помешал работать». — «Это не ваше дело, никакого преступления мы не совершали», — говорю я в заключение, и мы быстро вышли из комнаты.

А когда очутились на улице за воротами тюрьмы (это было в последних числах мая), там был яркий, теплый солнечный день. По сторонам мостовой, пробиваясь сквозь камень, ярко зеленела молодая травка, из-за забора соседнего с полицейским правлением дома фабриканта Гандурина пахло нежным бедрящим ароматом только что распустившихся тополей. На голубом небе изредка пробегали небольшие с розовым оттенком тучки. С каких-то соседних дворов доносился резкий и неумолчный крик грачей и зазорное чириканье воробьев. По мостовым звонко громыхали крестьянские телеги и извозничьи пролетки, и отовсюду то и дело слышались звонкие, как колокольчики, голоса радующихся весеннему теплу улличных ребятшек.

Очутившись после узких серых стен тюремной камеры в обстановке оживленных весенним солнышком улиц, я почувствовал, как в меня быстрым потоком вливается вся эта волна весенних звуков яркого солнца и теплого воздуха. Я почувствовал, как меня поглощает эта могучая волна пробуждающейся в природе жизни, и мне показалось, что наше положение не так уже плохо, как представлялось оно в тюремной камере. Я знал из опыта, что каковы бы ни были условия партийной работы, а в теплое время года нам помогает сама природа, предоставляя для наших собраний обширные пространства окружающих город лесов, в густой зелени которых не страшны были ни шипики, ни дикие «охра-

нители порядка» — казаки. Но когда я вспомнил об «особом надзоре полиции», во власти которой мы теперь находились, рискуя за малейшее явившееся у полиции подозрение снова очутиться в тюрьме, мое веселее настроение в значительной степени упало.

Зайдя в пивную и «замочив» по обычаям рабочей среды того времени парой стаканов пива наше освобождение, мы все «освобожденные» разошлись по своим квартирам.

Когда я явился в «Соснево» на квартиру, там было все по-старому. Распустивши свою могучую листву, сосневский лес встретил меня приветливым шумом и волною своего смолистого аромата. Около хаты была густая, высокая трава, невдалеке от реки в густом ольшанике звонко на все лады свистели и чирикали разные перелетные птички. В ближнем обрамке среди густой пестреющей цветами травы попрежнему журчал холодной ключевой водой ручей. Кругом все казалось было спокойно и уютно. Но огород мой я нашел в положении полного разгрома. Загородка была вся свалена, колья повытасканы, и все гряды сплошь измяты и растоптаны. Взшедшая молодая зелень овощей была повыдрана и поедена вся без остатка. Все это было сделано пасущимся невдалеке стадом коров и коз, и таким образом весь мой труд пропал. Это был сильный удар по моей полупролетарской, полукрестьянской психологии.

Неудача с огородом была для меня весьма и весьма поучительна. Она наглядно говорила мне о том, что как бы ни сильны были во мне остатки крестьянина, все же я должен с ними решительно и навсегда покончить, ибо в обстановке пролетария, не имеющего, кроме своих рабочих рук, никакой собственности и ставшего на путь сознательной борьбы за освобождение своего класса, она в конечном итоге, кроме огорчений, ничего принести не может. Это для меня было совершенно ясно, и я дал себе слово никогда больше не поддаваться «мелко-собственническим» крестьянским настроениям, в какой бы «соблазнительной» в этом отношении обстановке я не очутился.

Несмотря на угрозы полиции лишиться возможности вновь поступить на работу, придя на фабрику после освобождения из-под ареста, я снова был принят и приступил к своей прежней работе «счетчика дневной выработки фабрики», и жизнь снова вошла в обычную колею, если не считать того, что теперь приходилось аккуратно и регулярно в определенное время ходить к участковому полицейскому надзирателю «на отметку» как поднадзорному.

В скором времени, после того, как я, выйдя из тюрьмы, вновь пришел за работу на фабрику, у нас в отделении заболел отделочный мастер И. И. Нейстеров, и заведующий «каландрами» старший пристав

И. О. Кочин был временно назначен отделочным мастером вместо заболевшего, а мне пришлось временно же замещать Кочина.

В качестве счетчика в отделении до этого времени я отработал уже около двух лет. Поэтому с отделкой товара на каландрах был довольно хорошо знаком, учиться много не пришлось, и я прямо взялся за дело, но очень скоро почувствовал трудность этой должности, которая вытекала из положения партийного работника, очутившегося на некоторого рода административном посту: высшая администрация — в виде заведующего фабрикою, колориста, химиков и прочих — постоянно проявляла тенденцию всяческих «нажимов» на рабочих в целях наибольшей эксплуатации их труда, а я как партийный и профессиональный работник, разумеется, идти на это не мог. Поэтому очень скоро (кажется, месяца через два) я был заменен на этой должности другим и оставлен в качестве помощника новому старшему.

Между тем, отделочный мастер И. И. Нейстеров продолжал серьезно болеть (у него был паралич) и его уволили совсем от должности, назначив, кажется, какую-то маленькую пенсию за его многолетнюю службу на фабрике, а И. О. Кочин остался на должности отделочного мастера и очень близко сошелся с заведующим фабрикой Л. И. Постниковым. Постников у рабочих пользовался отрицательной репутацией деспота и эксплуататора; не внимая никаким просьбам об извинениях и не обращая внимания ни на семейное положение, ни на болезнь, ни на продолжительность работы на фабрике и ни на какие другие смягчающие вину обстоятельства, он увольнял с фабрики иногда за самые незначительные провинности даже людей, проживших на фабрике по несколько десятков лет и потерявших на ней все свои силы. Поэтому в среде «армии безработных» таких несправедливо уволенных Постниковым было не мало, и многие из них были сильно против Постникова озлоблены, горя желанием отомстить ему, как виновнику всех своих бед, вытекавших из материальной нужды от безработицы. Однажды осенью 1907 года около фабрики М. Гарелина, во время проезда Постникова утром на фабрику, в него было произведено несколько револьверных выстрелов, не причинивших, однако, ему никакого вреда. Стрелял в него кто-то из «дружинников», но, как передавали очевидцы, промахнулся, повидимому, потому, что Постников очень быстро ехал. Он (Постников) был очень религиозный человек и бывало всегда, когда входит в отделение фабрики во время работы, сначала много крестится, а потом уже и начинает разговаривать со старшими о делах. Так и во время этой стрельбы, когда в него раздались выстрелы, он снял дрожащей рукой фуражку и начал креститься большими крестами и кре-

стился до тех пор, пока «понесшая» испуганная выстрелами лошадь не привезла его к самой конторе во двор фабрики.

Будучи жестоким и беспощадным к рабочим, в то же время своим любимчикам — всяким добровольным шпикам, доносчикам и разным подхалимам, каковые имелись тогда во всех отделениях фабрики, — Постников давал всякие льготы и привилегии. Позволю себе остановиться на одном не безынтересном случае разоблачения одного такого личного шпика Постникова.

Это было в стригальном отделении. Стригальным мастером в это время там был недавно поступивший немец (сейчас не помню его фамилию), и, как человек повыйй, он был еще не в курсе существовавших тогда на фабрике всех «закулисных» порядков и от всех рабочих без всякого исключения в первую голову требовал аккуратного исполнения работы. В отделении работал некий Клюев, личный шпик Постникова. Рабочие об этом знали, а мастер еще не знал; шпик этот был, повидимому, глуповат и вел себя вызывающе нагло. Он постоянно старался доказать, что ничего и никого не боится, делал прогулы, приходил на работу пьяным и т. д., чем и выдавал свою профессию.

Видя это, рабочие отделения решили от него избавиться. Однажды утром Клюев пришел на работу пьяным и вместо того, чтобы приступить к делу, лег спать на товаре. Видя, что работа не идет, мастер, не видя Клюева, спросил у рабочих, где он? Те ответили, что спит на товаре. «Как спит? почему же он не работает?» — снова спрашивает мастер. — «Не знаем», отвечают ему рабочие. Тогда он пошел, сам разбудил Клюева и потребовал, чтобы тот взялся за работу. Клюев не подчинился и ответил мастеру резкой грубостью, после чего между мастером и Клюевым произошла крупная перебранка, во время которой Клюев нанес первому ряд оскорблений словами и заявил, что он никого не боится, и что если он, Клюев, захочет, то не только любой рабочий, но и сам мастер в любое время может очутиться за воротами.

В результате этой истории мастер написал в контору записку о немедленном увольнении Клюева с фабрики. В дело вмешался Постников, который вопреки распоряжения мастера хотел оставить Клюева на фабрике, но рабочие стригального отделения через своих представителей, в свою очередь, предъявили Постникову требование об увольнении Клюева, на которое Постников ответил, что это их не касается, что он, Постников, как заведующий фабрикой вопрос об увольнении Клюева имеет право решить только по своему усмотрению. Тогда рабочие заявили, что в случае невыполнения этого их требования они готовы

поддержать его стачкой. «Попробуйте», сказал Постников, уходи из отделения.

После его ухода представители рабочих отделения быстро снеслись с другими отделениями фабрики, известили всех товарищей о создавшемся положении и, получив согласие на их поддержку, стали действовать решительно, настаивая на увольнении Ключева.

В этот же день собравшаяся (кажется, в кабинете директора фабрики или колориста) высшая фабричная администрация в лице заведующего, колориста, директора и проч. вызвала уполномоченных от рабочих стригального отделения для переговоров и потребовала у них объяснения, почему они настаивают на увольнении Ключева. Уполномоченные отвечали, что Ключев «язык», бесчестный человек и доносчик, что он постоянно угрожает то одному, то другому рабочему увольнением с фабрики, что он личный шпик Постникова, и они с ним работать больше не желают и требуют его увольнения и свое требование будут поддерживать всеми средствами вплоть до стачки. Постников в присутствии остальных лиц высшей фабричной администрации пытался было отрицать, что Ключев его агент, но рабочие фактами нахально-наглого поведения Ключева ясно доказывали противное, и Постников вынужден был замолчать. Тем не менее, в результате переговоров определенного ответа рабочим дано не было, а было сказано, что в случае стачки фабрика может быть остановлена. Уполномоченные ушли, и перед ними практически стал вопрос о немедленной организации стачки. Они собирались уже приступить к делу, но в это время Ключев был вызван в контору и тотчас же с фабрики был уволен, и вопрос о стачке отпал.

После этой шумевшей истории с разоблачением одного из агентов заведующего фабрикой, все остальные подозреваемые рабочими в шпионстве во всех отделения лица сильно попристихли, но о существовании этой тайной агентуры Постникова на фабрике стало известно всем рабочим, и об этом среди них много было разговоров.

Что И. О. Кочин служил Постникову усердно, из рабочих отделения в этом никто не сомневается, хотя он и вел себя очень тихо и аккуратно, но то, что снискать любовь Постникова какими либо другими путями было невозможно, это было совершенно ясно каждому. И к Кочину («Осипычу», как его звали рабочие) было отношение у всех определенное. Его, как и Постникова, все боялись и в его присутствии все, как говорится, «подтягивались», т.-е. старались больше работать и очень остерегались говорить «лишнее».

Когда я был переведен в помощники заведующего отделением, от меня вначале ожидали «разных подтягиваний», и в первое время

Постников, придя в отделение, пробовал пускаться со мной в разговоры, задавая иногда вопросы о поведении того или иного рабочего, но, получая всегда «неудовлетворительные» ответы, он скоро перестал со мной вообще разговаривать и, заглянув в отделение, быстро уходил обратно. Но зато, когда он заставал в отделении «Осипыча», то их беседы длились иногда целыми часами. О чем они так долго говорили, никто не знал, ибо беседовали они всегда где-нибудь в сторонке от рабочих, где слышать их никто не мог, но эти длинные дружеские беседы с деспотом Постниковым характеризовали «Осипыча» в глазах рабочих как одного из его любимцев, с одной стороны, а с другой стороны, полное отсутствие каких бы то ни было разговоров между Постниковым и мною и прямое игнорирование меня последним ясно говорило рабочим, что я не могу продать «за чечевичную похлебку» их интересы и что я продолжаю попрежнему оставаться одним из их «вожаков».

Местом постоянных группировок нашей оставшейся партийной публики вместо частью закрытых уже к этому времени, а частью стоявших уже накануне закрытия профессиональных союзов теперь стал кооператив «Единение — сила», где во главе правления было тогда несколько видных партийных товарищей, как например, В. Иванов, И. Кудряшев, Г. Гнедин и др., и отчасти деревня Дьяково, верстах в 5 от города, где было несколько человек нашей публики — Мария Икряннистова, ее два брата Ноговицины Геннадий и Александр, дружинник С. Самодуров, Е. Масленников и другие. В этой деревне от времени до времени собирались остатки уцелевшей от арестов партийной публики, главным образом у М. Икряннистовой, в доме ее родителей, которые, не входя официально в партию, все же были вполне своими людьми: отец Икряннистовой, «дядя Федор», как мы его звали, нередко выполнял разные технические обязанности в партийной организации: так, например, в начале 1909 года он перевез к себе в дом из села Кохмы нашу подпольную типографию. Здесь известный партийный типографчик «Егор Иваныч» вместе с некоторыми другими товарищами начал было печатать прокламацию, но, заметив слежку мужика-соседа, известного тогда черносотенца, скоро вынужден был работу прекратить, и типографию эту тот же «дядя Федор» перевез в Хуторово (один из пригородов Иваново-Вознесенска) к товарищу С. Козлову, а еще через некоторое время он же перевез ее в кооператив «Единение — сила», в другой пригород под названием «Ямы», но вследствие настойчивых требований В. Иванова и других членов правления кооператива «Единение — сила», опасавшихся за свой кооператив, типография снова

была перевезена тем же дядей Федором, кажется, вместе с С. Икрянистовым (мужем Трубы), из кооператива на квартиру старой партийной работницы Дарьи Ивановны.

Это было летом 1909 года. В это время вместе с Дарьей Ивановной в ее квартире жила больная чахоткой Мотя Шилова, которая и умерла от этой болезни в «больнице чернорабочих» в начале зимы того же

Т. т. Егор Иванович (подпольный типографчик), М. Симанцев (Малый), М. Икрянистова (Труба), Мотя Шилова (Голубка), А. Колотилова, Ф. Н. Самойлов, М. Кудрин, «Дядя Федор» и др. (В деревне Дьяково), на реке Уводи в 1908 г.)

года. В начале 1910 года замечена была слежка за этой квартирой и решено было взять типографию от Дарьи Ивановны и перенести в более безопасное место. И как раз в тот день, когда за ней должны были прийти товарищи Г. Гнедин, В. Иванов и С. Икрянистов, полиция их предупредила. Когда Гнедин и Иванов подходили к дому, где находилась типография, то, находясь еще на довольно большом расстоянии от дома, Гнедин заметил, что во дворе его появились полицейские и тотчас сообщил об этом Иванову. По своей близорукости Иванов

сначала не мог рассмотреть, что делается во дворе и, напрягая сквозь очки зрение, спрашивал, «Где? Какая полиция?», а когда, наконец, увидел, что дело неладно, поспешил уйти вместе с Гнединым. Что касается С. Икряннистова, то он вовсе не пришел и, как впоследствии оказалось, напившись пьяным, где-то спал. Эта «странность» его поведения тогда обратила на себя внимание товарищей, но почему-то

М. Икряннистова и А. Колотилова. В деревне Дьяково. 1908 год.

должного значения этому придано не было. Полиция нашла типографию в комнате умершей Моти Шиловой, поэтому арестованная владелица квартиры Дарья Ивановна на допросах показала, что она «ничего о типографии не знает, что это дело умершей Моти Шиловой», и сколько ее ни допрашивали жандармы, она упорно стояла на этом своем показании. Она просидела в тюрьме свыше года и была освобождена, никого не оговорив. Жандармы вынуждены были ее выпустить из-под ареста без всяких для нее последствий.

В связи с арестом этой типографии тогда же был арестован С. Икряннистов и, просидев месяца два, был освобожден под поручительство отца Марии Икряннистовой (Трубы). Вызывали на допрос по

этому делу и саму (Трубу). Ее спрашивали, как она была знакома с умершей Шиловой. Она отвечала, что знакома была с ней только по фабрике, где вместе работали. Не добившись ничего от Трубы на допросах, жандармы имели наглость предложить ей «сотрудничество», от которого она с трудом отделалась.

В этом же 1909 году тов. Н. Ананьиним из Москвы получено было письмо, в котором сообщалось, что для Иваново-Вознесенска на его имя послана нелегальная литература, но прошло порядочное время, а литературы этой все не было и не было, а вместо нее пришло второе письмо, в котором московские товарищи сообщали Ананьину о том, что в Москве «неблагополучно», и предупреждали его о необходимости быть осторожным. Становилось ясным, что литература, посланная по адресу Ананьина, была перехвачена, и адрес Ананьина стал известен жандармам; поэтому, по получении второго письма, тов. Ананьин, предвидя обыск, постарался из своей квартиры немедленно убрать все, что могло скомпрометировать его в глазах жандармов. Обыск не заставил себя долго ждать, и, несмотря на то, что во время этого обыска жандармами ничего не было найдено, все-таки тов. Ананьин был арестован и отправлен в Москву и, будучи привлечен по 102 статье (принадлежность к партии) по делу московской с.-д. организации, был осужден на каторгу (кажется, на 5 или на 6 лет) и вернулся из Сибири в Иваново-Вознесенск уже только в начале февральской революции 1917 года.

8. Мертвое время. В родной деревне. Новые допросы Орловского. Два самоубийства. Сила «крестьянской закваски».

Приблизительно в конце 1909 г. или в начале 1910-го Иваново-Вознесенская с.-д. организация распалась, и настало тяжелое, темное время отсутствия всякого проблеска в рабочем движении, умерла партийная организация, умерли профессиональные союзы, мертвая тишина кладбища задуманной белым террором революции воцарилась кругом, и только враги рабочего класса в виде разных черносотенных организаций торжествовали свою победу и всячески издевались над умолкшим титаном, измученным, выжившимся из сил в неравной борьбе и притихшим на время рабочим классом.

На фабриках и заводах всюду снова царили дореволюционные порядки. Администрация их облагела и вела себя как в «старое доброе время», беспощадно штрафуя и увольняя с фабрики за малей-

шую провинность, а лишенный своих защитников и руководителей рабочий молчал и терпел.

Здесь я позволю себе привести одно написанное мною тогда стихотворение, характеризующее этот тяжелый политический момент.

НОЧЬ.

Властно над бедной страню
Ночь роковая царит
И под ее темнотою
Все призатихло, молчит.
Только порой, восхваляя
Мрак непроглядный, ночной,
Хищников алчная стая
С криком пещется толпой.
Звери ночные и гады,
Выползли с ревом из нор.
Мраку, как празднику, рады,
Ночью им полный простор.
И, завывая победно,
В поработанном краю,
Уничтожают бесследно
Все добытое в бою.
Крик победителей черных,
Как завыванье волков,
Стоны героев сраженных,
Звон непрерывный оков
Душу больную тревожат
Невыносимой тоской.
Ум помириться не может
С жизнью ужасной такой.
Тяжко! О скоро ль рассвета
Час благодатный придет?
Братства, свободы и света
Яркое солнце взойдет?
Скоро ль лучи золотые
Светом могучим своим
Злые кошмары ночные
Быстро рассеют, как дым?
Скоро ль восток лучезарный
Сонит кошмарную ночь?
Встань же скорей, долгожданный,
Ждать уже больше не в мочь.

В 1909 году была попытка восстановить партийную организацию, и устроенное по этому вопросу собрание нескольких товарищей пришло к выводу, что момент для восстановления организации—неподходящий.

в виду особо тяжелых общих политических условий, а также и в виду имевшихся тогда среди иваново-вознесенских товарищей провокаторов (подозревали, напр., Теплякова, — не того, который судился вместе с 34-мя, а другого).

Вторая попытка была в первой половине 1910 года. Помню несколько собраний на Новой улице, устроенных инициаторами, среди которых были Е. А. Мароховец (Валентин), В. П. Кузнецов (Северный), я и другие. Кузнецову было поручено просматривать регулярно газеты и информировать на собраниях группу инициаторов о текущих событиях. Группа скоро распалась вследствие также тяжелых объективных причин.

Третья, более серьезная попытка восстановить с.-д. организацию была предпринята летом 1910 года по инициативе вернувшейся из ссылки в Иваново-Вознесенск О. А. Варенцовой. Тогда был устроен ряд собраний, на которых и было решено возобновить партийную работу, а 26 сентября того же года, по инициативе иваново-вознесенских и кинешемских товарищей, в гор. Кинешме состоялась районная партийная конференция с участием члена 3-й Гос. Думы от рабочих Костромской губ. тов. Суркова.

Конференция была вся целиком на месте арестована, и поэтому начавшаяся было партийная работа в районе снова полностью приостановилась. Арестованным вначале было предъявлено обвинение по 102 ст. за принадлежность к Р. С.-Д. Р. П., но через 4—5 месяцев все были освобождены, за недостатком улик, без особых для всех последствий.

На эту конференцию от Иваново-Вознесенска должны были еще явиться член 3-й Гос. Думы С. А. Воронин и Г. Гнедин, но перед самой поездкой в Кинешму Воронин заявил Гнедину, что он предчувствует неладное, поэтому и на конференцию не поедет. Что Воронин предчувствовал и почему он отказался ехать, никаких объяснений на этот счет ни Гнедину, ни другим товарищам добиться от него не удалось, но, в виду его отказа ехать, Гнедин, в свою очередь, также отказался, и на конференцию отправилась одна только О. А. Варенцова.

Несмотря, однако, на это, Гнедин, Чесноков, С. Икрянистов, С. Мещеников, Седов и Заботин (последние трое—из Шуи) на другой же день после ареста конференции были также арестованы у себя на квартирах, и на допросах жандармы спрашивали Гнедина, почему он остался дома и не был на конференции в Кинешме: «Ведь нам хорошо известно, что вы должны были быть на этой конференции, — говорил Гнедину жандармский ротмистр, — что вам помешало ехать?». Скоро после этого было установлено, что провалил конференцию незадолго до этого провала

приехавший откуда-то и вступивший в с.-д. организацию некий Михаил Смирнов.

Весною 1910 года я заболел острым катаром легких, и доктор Правдин, врач главной больницы чернорабочих, предписал мне немедленно бросить работу на фабрике и отправиться на два месяца в деревню, так как иначе, — говорил он, — дело будет плохо, и дал мне соответствующую бумажку для администрации нашей фабрики и нашему фабричному врачу.

Несмотря, однако, на то, что я чувствовал себя так плохо, что уже совершенно не мог работать, врач нашей фабрики начал со мной торговаться. Сначала он предлагал мне поехать в деревню на две недельки, потом на три, но я категорически настаивал на сроке, указанном врачом Правдиным, и он, наконец, согласился отпустить меня на один месяц и на большее пойти уже ни за что не хотел, и я вынужден был подчиниться. Сделав необходимое заявление старшему полицейскому участка, в котором я жил, о моем выезде из города, что требовалось от меня как от «поднадзорного», я уехал в родную деревню, где тогда жили мои родители. Это было уже в конце июня, — самое лучшее время деревенского лета. Погода стояла сухая и жаркая, с перепадающими дождями. Поля ярко зеленели высоко поднявшимися озимыми и яровыми хлебами, в лугах пестрела ярким ковром цветов высокая густая трава. В лесу уже начали появляться первые ягоды. Вода в реке была теплая, и в ней с утра до вечера беспрерывно купались деревенские ребятишки. Все в природе утопало в зелени и жило усиленной жизнью, наполняя воздух густым запахом цветущих трав, кустов и деревьев.

Столыпинский закон о предоставлении крестьянам права выхода из общины на хутора и отруба в нашей деревне не произвел почти никаких изменений, в виду малоплодородия почвы, ничтожной величины наделов и почти полного отсутствия кулацкого элемента. Мужики ни на хутора, ни на отруба из общины выйти не пожелали, и только человека три-четыре из крестьян, имевших наделы несколько большие, чем у всех остальных, закрепили их, согласно вышеуказанного закона, за собою «в вечное владение»; это значило, что во время переделов земли наделы этих крестьян должны оставаться неприкосновенными. Все остальное в деревне осталось по-старому: та же трехпольная система обработки земли, чересполосица, общинная уборка сена на лугах и т. д., и крестьяне жили все тою же прежнею жизнью полупролетариев, работая и на земле и на фабриках и заводах в разных промышленных пунктах нашей губернии.

В такую обстановку родной деревни на такой долгий срок попадать мне не приходилось до этого времени уже лет 16—17, поэтому, когда я, очутившись в ней, представил себе, что могу пробыть среди нее целый месяц, я был этим крайне доволен, как большим счастьем, и, несмотря на сильную физическую слабость, с первых же дней почувствовал душевную бодрость, и у меня сразу же явилась надежда на выздоровление.

С раннего утра до позднего вечера я был под открытым небом в поле, в лесу, на лугу, у реки или в огороде, и, вдыхая полной грудью чистый воздух, чувствовал, как вместе с ним пачинали понемногу возвращаться ко мне отнятые у меня многими годами фабричной жизни силы; через неделю я уже имел возможность довольно много ходить, и, взяв корзинку, ежедневно отправлялся в лес за земляникой. Собранная в корзинку, она приятно пахла, пахли смолисто высокие сосны, легкий ветерок покачивал их и приносил с собой аромат полей и лугов, смешивая его с ароматом хвои и земляники; целительный воздух, укрепляя легкие, благоухал, а ничем ненарушимая тишина успокоительно действовала на нервы; возвращаясь в хату, я с аппетитом ел черный деревенский хлеб с молоком и после небольшого отдыха снова уходил на воздух.

Начался сенокос и закипела мужицкая работа. Скошенная в лугах и на гумнах трава, высыхая под жгучими лучами солнца, прямо ошлянула резким запахом свежего сена.

Пробовал и я братья за косу, но не успеть за стариком-отцом. Семнадцать лет фабричной жизни сказались: пыльный и душный воздух фабричных корпусов, узких вонючих улиц рабочих кварталов города и полугодная жизнь высушили и обессилили мускулы, коса оказалась не под силу, и я стал немного работать граблями. Купался в реке и ловил рыбу. Создавалось настроение крестьянина, после долгого вынужденного перерыва вернувшегося к земле и этим довольного.

Опустели скошенные луга, поспела рожь, пожелтело и зазолотилось ржаное поле, началось жнитво, а в лесу появились грибы и поспела малина. Стал ходить снова в лес, а иногда, помогая в работе старикам, брал серп и немного жал. Сильно выдохлись из головы вопросы классовой борьбы, и я на время забыл о своем подневольном положении «поднадзорного».

Но действительность скоро об этом напомнила. Однажды в жаркий солнечный день я отправился за реку на поросшую малинником сечку и с небольшими перерывами долго собирал ягоды. Уже порядочно устал, и была почти полна моя корзинка душистых ягод, как вдруг со стороны реки раздался голос отца, звавшего меня немедленно вер-

нуться в деревню. В голосе этом были, как мне показалось, тревожные нотки.

Я быстро пошел навстречу к отцу и узнал от него, что меня спрашивал приехавший в деревню со стражниками урядник, и мы быстро пошли в деревню.

Для нашей захолустной деревни, где тогда вечно царствовала «тишь да гладь» и каждый день был всегда похож на все остальные, это было целым событием, поэтому, когда мы подходили к нашей избе, у ее окон была большая толпа любопытных мужиков, женщин и детей, а в середине этой толпы находился приехавший из волости урядник с двумя стражниками. Слышался гул голосов.

При нашем появлении толпа раздвинулась и смолкла, все мужчины, женщины и дети, разинув рты, начали пялить глаза, переводя их то на меня, то на урядника, а урядник, увидав меня, спросил: «Вы—Самойлов?»—«Да», отвечаю я.—«Вот тут вам есть повесточка, получите ее и вот здесь распишитесь»,—продолжал он, подавая мне небольшой лист бумаги. Я прочел бумажку. Это была повестка из города от жандармского ротмистра Орловского. В ней он предлагал «с получением сего немедленно явиться на допрос».

Когда я расписался, урядник сказал, что явиться нужно немедленно, иначе у него есть распоряжение о доставке меня к Орловскому этапным порядком.—«Хорошо»,—ответил я. И урядник со стражниками, вскочив на лошадей, быстро усаkali. Только после этого толпа «обрела дар слова». Некоторые, очевидно, ожидали ареста и были разочарованы. Посыпались вопросы: что такое? зачем я нужен жандармам? и т. д. Я объяснял, но любопытная толпа темных, безграмотных людей, видимо, мало понимая мои объяснения, недоумевая, медленно разошлась.

Я стал соображать, в чем дело, и пришел к предположению, что, вероятно, уже закончилось следствие по делу о союзе, и на другой день с утра отправился в город.

Когда я пришел в город и явился к ротмистру Орловскому, то выяснилось следующее: уведомление о моем заявлении относительно выезда из города почему-то не поступило к участковому полицейскому надзирателю, к которому я, как поднадзорный, в определенное время ходил «отмечаться», а этот последний, обеспокоенный тем, что я перестал к нему в определенное время являться для отметок, решил, что я скрылся из-под надзора, и сообщил об этом ротмистру Орловскому. Орловский навел необходимые справки, узнал место моего нахождения и через волостного урядника предложил мне немедленно к нему явиться.

Когда эти обстоятельства выяснились, Орловский заявил мне, что «если еще раз я позволю себе без его личного разрешения отлучиться из города, то немедленно буду арестован и останусь под арестом вплоть до суда».

У меня имелось еще недели полторы времени, и на другой день я снова был в деревне, но через несколько дней у меня случилось несчастье (умер в городе мой мальчик), и я должен был снова пойти в город.

Через некоторое время я вторично был вызван на допрос к жандармскому ротмистру Орловскому. На этот раз, предъявив мне несколько отобранных им при обыске в правлении нашего союза канцелярских книг и книги, где записывалась выдававшаяся из библиотеки союза для чтения членам литература, он спрашивал, знакомы ли мне эти книги и делал ли я в них в бытность мою председателем правления союза какие-нибудь записи. Осмотрев книги, я ответил, что они похожи на книги, которые мне приходилось видеть в правлении нашего союза, но точно ли это те книги, я утверждать не могу, так как никаких канцелярских работ в союзе я не вел и т. д.

Записав эти мои показания, Орловский сказал: «Ну, а теперь давайте побеседуем частным образом». — «О чем же нам беседовать, господин ротмистр?» — задаю я вопрос. — «Ну вот, например, как у вас идут дела на фабрике?» — «Какие дела, господин ротмистр?» — спрашиваю я снова. — «Ну, хорошо ли работает фабрика, сколько имеет она заказов на товары и т. д.», — отвечает он. — «Точно я не могу вам сказать об этом ничего, это вы можете узнать у нашей фабричной администрации, но, насколько мне известно, дела нашей фирмы в данный момент, кажется, не дурны. Заказы есть и фабрика идет полным ходом», — отвечаю я. — «Так, — говорит он, — ну, а о забастовке не думаете?» — «Не знаю, — говорю я. — А почему вы об этом спрашиваете, сведения что ли у вас есть какие на этот счет?» — «А как же, — говорит он, — раз дела идут хорошо, значит, для стачки подходящий момент». — «Может быть, и подходящий, — отвечаю я, — но я об этом ничего не знаю». — «Да вы не бойтесь, говорите без стеснения, это ведь у нас частная беседа, протокола по этому поводу я писать не буду», — говорят он. — «Да мне нечего вам говорить, господин ротмистр, я об этом совершенно ничего не знаю», — говорю я. — «Ну, а вот с.-д. организация у вас на фабрике есть?» — спрашивает он. — «О такой организации тоже ничего не знаю, господин ротмистр», — отвечаю я. — «Ну, как же не знаете, а вот такие маленькие группочки — ячейки — существуют же у вас на фабрике?» — продолжает он. — «Может быть, и существуют, господин рот-

мистр, но я о них ничего не слышал»,—отвечаю я упорно. После этого он помолчал, с минуту, видимо, что-то соображая, потом вдруг сказал: «Ну, вы свободны». Я быстро встал и вышел из его кабинета.

Возможно, что Орловский хотел что-то от меня узнать и, так сказать, «щупал почву», но, убедившись в бесполезности своей попытки, отказался от этого.

За этот период среди наших иваново-вознесенских партийных работников было два самоубийства: первое—Петра Гандурина, по кличке «Жаворонок», брата Константина Гандурина, молодого еще человека, лет 22—23. Будучи простым, неквалифицированным рабочим, имевшим только начальное школьное образование, он был очень способным, делным и интересным товарищем, и, несмотря на свой молодой возраст, успешно выступал на собраниях и митингах и подавал большие надежды. Самоубийство он совершил на военной службе, покончив расчеты с жизнью выстрелом из винтовки. Что привело его к этому, сказать трудно, за последнее время перед тем, как пойти на военную службу, он сильно хандрил и высказывал довольно пессимистические взгляды на создавшееся положение.

Вторым покончил с собой С. Икрянистов. Он был также очень делным работником в течение нескольких лет в разных руководящих органах партии и профессиональных союзах занимал ответственные посты. Командирован был иваново-вознесенской с.-д. организацией в Ленинскую школу в Лонжумо (близ Парижа). Самоубийство его произошло, кажется, зимою 1911—12 г. в местечке «Рылихина», где он тогда квартировал. Однажды вечером он пришел откуда-то к себе на квартиру несколько выпивши и потребовал от жены, чтобы она вместе с двумя детьми немедленно удалилась с квартиры. Она вначале сопротивлялась, но он требовал этого решительно, и она подчинилась и ушла. Оставшись один, он затопил печку, а трубу не открыл, и на другой день, когда переночевавшая где-то у соседей жена вернулась к себе на квартиру, С. Икрянистов лежал мертвым на полу хаты, и во всей хате сильно пахло угаром. Он сознательно отравил себя угаром.

Что привело Икрянистова к этому роковому концу, мы тогда понять не могли. Еще задолго до самоубийства он нередко пьянствовал, и у него наблюдалось какое-то безразличное или, как мы тогда выражались, «наплевательское» отношение ко всему окружающему, и при встречах, например, на вопрос: «ну, как ты живешь?» он обыкновенно отвечал всегда кратко: «никак!», а в разговорах вообще очень мало проявлял интереса к чему бы то ни было. Имелось некоторое основание предпола-

гать, что одной из причин его самоубийства было его тяжелое материальное положение. На фабриках и заводах его, как «неблагонадежного», нигде не брали, и ему никак не удавалось найти заработка, и он с женой и с двумя детьми очень долго жили только на один очень маленький заработок жены, работавшей тогда на одной из фабрик в качестве ткачихи. Другую причину можно было отчасти усмотреть в том «нытье» и разочарованиях, которые в результате полного подавления революционного движения и всех постигших тогда нас неудач овладели многими из товарищей, в результате чего и наблюдалось тогда небывалое до тех пор повальное бегство из партии партийной интеллигенции, но это все были более или менее вероятные предположения, а настоящей причины мы тогда так и не узнали, и только когда пришла победоносная революция 1917 года, причина этого самоубийства была, наконец, установлена. С. Икрянштов оказался провокатором ¹⁾, но, судя по всем данным, по словам некоторых товарищей, провокатором он был очень недолгое время, всего не более года, и, как натура для этой гнусной предательской роли не созданная, очень скоро не выдержал «мук совести», добровольно приговорил себя «к высшей мере наказания» и этот приговор над собою привел в исполнение.

В первой половине 1911 года я переехал на новую квартиру, на одну из окраинных улиц города, в новый рабочий квартал, под названием «Новая Графская земля». Местечко это во многом было очень похоже на деревню. Домики здесь были все деревянные и одноэтажные; все они были построены на арендованной земле, которая принадлежала

¹⁾ Провокаторами оказались еще Чугунов, Н. Тепляков, Ф. Степанов (бывший выборщик по выборам в 4-ю Гос. Думу), о котором будет еще речь впереди, в предполагаемой третьей части моих воспоминаний, Серов (он же Сергеев), о котором также буду говорить позднее, и еще несколько человек, фамилии которых сейчас не помню.

Установлено это было путем опросов у арестованных в 1917 году двух иваново-вознесенских жандармов — ротмистра Лызлова и вахмистра Базакина, которым были предъявлены списки кличек провокаторов, найденные в делах жандармского управления.

Серов, Ф. Степанов и некоторые другие были осуждены, так называемым, междупартийным судом в 1917 году, — в состав этого суда входили и представители эс-эров, большевиков и меньшевиков, — при чем Серов и Степанов признались в своем сотрудничестве с жандармами. Приговорили их тогда к лишению всех гражданских прав и объявили врагами народа, и только. Позднее Серов и некоторые другие, кажется, подвергались расстрелу, а дела остальных расследуются в соответствующих судебных и следственных органах.

тогда известному помещику графу Шереметеву, и в большинстве принадлежали рабочим, которые строили их на свои скудные сбережения, скопленные тяжелой ценой отказывания себе в течение десятков лет во всем необходимом, и лишь незначительная часть этих домиков—те, что побольше и поудобнее,—принадлежала разным мелким и средним лицам фабрично-заводской администрации и наиболее обеспеченным элементам рабочего класса.

Маленькие немощные мало проезжие улочки этого местечка летом густо покрывались травой; с западной стороны местечка протекала сильно загрязненная фабриками и заводами река Уводь; с южной—небольшая чистенькая речка Талка, которая тут же и впадала в Уводь. На правом берегу Уводи против Новой Графской земли стояли четыре больших фабрики, из которых две ситцепавильные—Грязнова и Гарелина, одна ткацкая—Гарелина же и одна Заварка—Щанова, а между берегами Уводи и Талки и Новой Графской землей большим широким треугольником расстилалась гладкая равнина, покрывавшаяся в теплые времена года высокой густой травой. С восточной и южной сторон местечка за речкой Талкой невдалеке виднелся большой лес и распаханые поля.

Я поселился в небольшом, недавно отстроенном деревянном домике, состоявшем из двух половин; в одной из них, с тремя окнами, выходившими на улицу к востоку, жили старики-хозяева, а в другой, с двумя окнами, выходившими в переулочек на южную сторону к речке Талке, поместился я. При домике был небольшой обнесенный деревянным заборчиком двор, который, кроме стоящего в одном из углов маленького деревянного сарайчика, ничем запят не был. Двое хозяев домика были уже старики. Он работал, кажется, в качестве старшего слесаря на ближайшей фабрике Гарелина, а его жена не работала нигде, и использовать землю дворика они не собирались, предоставляя на ней свободно расти густой дикой траве.

Квартира эта по своим удобствам (близость к фабрике, на которой я тогда работал, деревенская обстановка, чистый, без обычной вони, просторный двор и близость рек, лугов и леса) была мне очень дорога: я был доволен, что вновь хотя немного вырвался из духоты, пыли и вони старых рабочих кварталов, что вновь могу видеть простор полей и лугов и в свободные от работы на фабрике часы дышать их воздухом.

Эта новая обстановка в тот момент полного отсутствия всяких пролетарских организаций начала действовать на меня как-то усыпляюще, сильно отвлекая от вопросов политики. В темное время беспросветной

правительственной реакции у меня временами создавалось настроение какого-то безразличного отношения к положению страны. Это было не то, чтобы пессимистическое или безнадежное состояние, а какое-то особенное горькое равнодушие ко всем нашим тогдашним неудачам, и чувствовалось, что в душе образовывалась тягостная пустота; родилось желание рассеяться, отвлечься от тяжелой действительности, заполнить ее чем-нибудь так или иначе.

Поэтому, несмотря на «сосневский» урок, заручившись разрешением хозяев квартиры и поддаваясь новой отрывке крестьянской психологии, я, как и в «Сосневе» два года назад, снова принялся за обработку земли и так же, как и там, с большим удовольствием все свободные от работы на фабрике вечерние часы стал проводить за этой работой. С железной лопаткой в руках, откапывая жирные пласты сильно поросшей травой «целины» и разбивая их на мелкие куски, я, с известным только крестьянину чувством наслаждения, полной грудью жадно вдыхал запах свежее вспаханной земли, отчетливо напоминавший мне мою жизнь в родной деревне. Непривычные к такой работе руки давно уже были в больших мозолях, а я, не обращая на это внимания, изо дня в день продолжал с увлечением работать. Спустя недели две мой довольно большой огород был засеян всевозможными овощами, и я ежедневно много работал по его поливке. Еще через две недели он густо покрылся свежей зеленью взошедших овощей, и, ежедневно наблюдая за быстрым ростом всходов, я был очень удовлетворен результатами своего труда на земле. Прошло еще некоторое время, и начали распускаться крупные бутоны ярко-красного мака, потом зацвел горох и некоторые другие овощи; огород превратился в роскошный, пестрый цветник, а новые бутоны мака ежедневно продолжали распускаться все ярче и пышнее. Вот на ветках гороха и бобов начали появляться маленькие плоские стручки. На корнеплодах стал сильно заметен растущий корень, а кругом по двору высоко поднялась и зацвела цветами густая трава, на которой, придя с фабрики, я отдыхал, как в далекое время жизни в деревне.

Вся эта обстановка создавала иллюзию тишины и спокойствия, а порой и некоторого как бы довольства своим положением, но суровая действительность, решительно и беспощадно разрушив иллюзии, скоро снова дала о себе знать.

Однажды вечером, когда я пришел с фабрики, жена сообщила мне, что хозяева домишка предлагают немедленно освободить квартиру. В просьбе разрешить пожить на квартире, пока поспеют овощи, было отказано, и пришлось спешно переехать на новую квартиру, ни в какой мере не воспользовавшись плодами затраченного в огороде труда.

Так беспощадно и решительно разбивало само положение пролетария все иллюзии, вызываемые от времени до времени отрывками крестьянской мелко-собственнической психологии, когда он—пролетарий—по тем или иным причинам иногда им поддавался; разбивая иллюзии, это положение тем самым постоянно и неизменно толкало его на путь борьбы за окончательное освобождение от капиталистической кабалы и рабства.

Этот новый урок, лишний раз полученный мною, еще сильнее укрепил во мне «пролетарскую точку зрения» на жизнь, и я стал еще более устойчивым сознательным пролетарием-марксистом.

9. Жандармская удочка. Суд.

Среди работников профессиональных союзов провокаторов, повидному, не было, и вести-дознание по делу о нашем союзе жандармам было не легко. Известные полиции профессиональные и партийные работники, вызывавшиеся в качестве свидетелей, не дали в своих показаниях никакого материала для обвинения. Да и разыскивать таких свидетелей жандармам было трудно, ибо со времени закрытия союза очень многие из них успели переменить места жительства и работы. Поэтому жандармы, отыскивая их, прибегали ко всякого рода способам вплоть до обманов; так, например, уже летом 1911 года, всего месяца за два за три до суда, однажды на фабрику, где я работал, в наше отделение «Каландр» снова явился известный тогда в городе жандарм Яичкин. Он спросил рабочих, где я работаю, и, отыскав меня, сказал: «Вы г. Самойлов?»—«Да»,—отвечаю я.—«У меня к вам есть просьба»,—продолжает он.—«Дело в том, что дело вашего профессионального союза ситцепечатников, по которому вы привлекаетесь, прекращается».—«Со всем прекращается?»—спрашиваю я.—«Да»,—отвечает он,—«прекращается все дело вашего союза за отсутствием состава преступления, но вот для того, чтобы оформить это прекращение, нужно отыскать еще несколько человек, членов вашего союза, из наиболее видных работников его, чтобы они подписались под бумагой об этом прекращении дела. Поэтому я прошу вас помочь мне в этом».—«Как же я могу вам помочь?»—спрашиваю я.—«Вы работали в вашем союзе долгое время, кажется, в качестве председателя правления и, конечно, хорошо знаете всех товарищей по этой работе, знаете, где они сейчас находятся, и я вас прошу дать мне несколько их адресов для того, чтобы мы могли их вызвать для подписания бумаг, нужных для оформления прекращения всего вашего дела». Я почувствовал, что жандармы закидывают

какую-то «удочку» и закидывают ее очень неискусно, грубо и глухо. Я ответил Яичкину, что со времени закрытия нашего союза прошло уже свыше 2-х лет и за это время я потерял из вида всех моих товарищей по работе в союзе и поэтому, к сожалению, помочь не могу. «Как же не можете?—возражает он:—не может быть, чтобы вы уже совершенно всех растеряли, поищите, так найдете; это ведь в ваших же интересах, в интересах ускорения прекращения вашего дела». — «Никаких тут наших интересов нет, вы начали дело, вы его и прекращайте, как хотите»,—говорю я.— «Но я вас очень прошу постараться найти хоть кого-нибудь, насколько уже это вам удастся и не затруднит вас»,— снова говорит жандарм.— «Ну, хорошо, если мне случится кого-нибудь встретить, я расскажу ему о вашей просьбе, а уж пойдет или нет тот, кого я встречу, к вам для подписания какой-то там нужной вам бумаги, я не ручаюсь, а адресов я никаких не знаю и сообщить вам не могу». — «Ну, пожалуйста, пожалуйста, господин Самойлов»,—говорит Яичкин,— и с этими словами он вышел из отделения.

Я рассказал об этом разговоре работавшему в соседнем отделении тов. Охлопкову, бывшему члену нашего союза. Перед нами стал вопрос: сходить ему к жандармам или нет? Охлопков был просто членом союза, в правление его никогда не входил, за ним никаких особых грехов в глазах жандармов не числилось, он ничем не рисковал, а было любопытно узнать, зачем действительно нужно было жандармам вызвать еще несколько товарищей. В конце концов, мы решили не ходить: на кой, мол, чорт так или иначе помогать нашим врагам вести те или иные их дела? пускай разыскивают кого им нужно сами и вызывают, и если уже вызовут, тогда нужно идти; самим же, несмотря на наше любопытство, ходить не следует. Так никто и не ходил, а скоро выяснилось, что это было, как я и предполагал, только «удочкой», закинутой жандармами для собирания нужного им обвинительного материала. Дело наше не только не было прекращено, но скоро все мы, обвиняемые, должны были явиться на суд по этому делу во Владимир.

Осенью 1911 г., пробывши под особым надзором полиции около двух с половиной лет, мы, бывшие члены правления союза ситцепечатников, в числе 15 человек получали повестки явиться к 28 октября во г. Владимир на суд выездной сессии Моск. суд. палаты.

По получении этих повесток мы устроили ряд совещаний (к этому времени все мы, кроме Иванова-Салова, были уже на воле), на которых было решено предложить А. М. Братенши (бывшему юриконсульту нашего союза) организовать защиту. Он согласился и пригласил еще двух московских защитников — Фальковского и Подгорного.

Еще до суда мы ознакомились с делом, экземпляр которого был получен нашим защитником Братенши, и поняли, что дело наше довольно серьезное. Обвинительный материал, подобранный жандармами, был довольно большой. Он состоял, главным образом, из отобранных при обыске в правлении союза библиотечных книг, и, согласно предъявленного на основании статей 128, 129 и 132 обвинения, нам угрожала кара от одного года крепости до вечной ссылки на поселение с лишением всех прав.

Показания подсудимых были довольно приличные: никто из нас ни на кого вины не сваливал, кроме разве Н. Платкова, который немного лишне распространился о том, кто и как закунал для библиотеки союза книги. Но из всего было видно, что он сделал это только по неумению держать себя на допросах у жандармов.

Свидетели, которых было человек 10, все были частью членами того же правления союза ситцепечатников, как например, Лапин, Киселев, Фирстов, частью членами ревизионной комиссии этого же союза, например, Растатуров и Радостин, частью просто членами союза. В показаниях этих свидетелей тоже никакого особого материала для обвинения дано не было, но имелось большое количество так называемых «вещественных доказательств» в виде многих десятков книг, брошюр, газет и журналов, конфискованных и изъятых из продажи разными административными и судебными властями.

В большинстве этих книг содержалась революционная агитация и пропаганда марксистского характера, а также призывы к борьбе с правительством всеми способами вплоть до вооруженного восстания (см. приложение).

И вот от этих «вещественных доказательств» уйти было некуда, они говорили ясно и определенно о том, что в нашем союзе распространялась среди его членов «преступная революционная литература». Нужно было только установить, насколько «сознательно или несознательно» это нами делалось.

Рассчитывать на «беспристрастность» или тем более «справедливость» суда, понятное дело, ни у кого из нас не могло быть и в мыслях, и, идя на суд, мы вполне ясно сознавали, что находимся всецело в руках наших классовых врагов. Поэтому уже заранее старались готовить себя ко всему худшему, ибо в то тяжелое время свирепой расправы победившего и торжествующего свою победу царского самодержавия над побежденным рабочим классом пощады ждать было нельзя. Об этом не раз говорил нам и наш защитник А. М. Братенши. Он говорил: «судьи, которые вас будут судить, подобны волкам, и они так и смотрят вол-

ками, вот увидите сами, они будут стремиться всеми силами из своих острых когтей вас не выпускать».

Когда перед нами встал вопрос, как вести себя на суде, то после совещания с защитой решено было изображать дело так, что все произошло от нашей неопытности и малограмотности без всякого с нашей стороны умысла и т. д. и т. п. Словом, отрицать обвинение полностью и объяснить происшедшее новизной дела организации профессиональных союзов: в этой области мы, мол, новички, не имеющие никакого опыта и т. д.

По вопросу о грозящей нам каре А. М. Братенши высказывал мнение, что нескольким из нас, несомненно, придется понести довольно строгое наказание и в первую голову, конечно, руководителям, главным обвиняемым, каковыми считались А. Кузнецов, М. Кудрин и я, но он надеется во всяком случае, что защите удастся добиться признания «смягчающих вину обстоятельств» и что приговор не должен превышать двух-трех лет заключения в крепости.

В виду этого мы, «главари», старались примириться с этим и уже готовились к этой «мере наказания».

Вечером 27 октября 1911 г. все мы, подсудимые, — 11 человек: Кузнецов, Самойлов, Лаврентьев, Кудрин, Платков, Романов, Левиц, Гришин, Смирнов, Лебедев, Якимов (трое были на военной службе — Лещенко, Зеленцов и Меленцов, и один, Иванов-Салов, в тюрьме) и около десяти человек свидетелей, все мы вместе поехали во Владимир.

Утром 28 октября по приезде во Владимир все собрались в здании суда, туда же явились и трое наших защитников, а также и остальные подсудимые — Лещенко, Зеленцов и Иванов-Салов, — за исключением Меленцова, который умер на военной службе.

За несколько часов до открытия судебного заседания нас отделили от свидетелей и отвели в комнату «подсудимых». Пришедшие к нам на последнее совещание перед судом защитники после обмена мнениями одобрили намеченный ранее план нашего поведения на суде. Защитники нас разбили на 3 группы: в первую, которой угрожала неизбежная кара, вошли А. Кузнецов, М. Кудрин и я; во вторую, у которой были порядочные шансы на оправдание, вошли Лаврентьев, Лещенко, Иванов-Салов и др., а в третью, у которой было особенно много шансов на оправдание, вошли все остальные. Трое защитников взяли под защиту по одной из этих групп каждый.

Скоро нас пригласили в зал суда и усадили всех четырнадцать человек на стоящих с левой стороны двух больших «скамьях подсудимых». После команды судебного пристава «суд идет, прошу встать», мы уви-

дали, наконец, этого суд. Это были несколько человек высших штатских чиновников с крестами и медалями и другими знаками отличия на мундирах и среди них трое так называемых «сословных представителей». Один — представитель дворянства, пожилой человек, с каким-то особо свирепым выражением лица, другой — очень типичный буржуа, толстый и жирный городской голова г. Владимира Сомов, третий — старшина одной из ближайших волостей Владимирского уезда, тип деревенского кулака в черной поддевке с остриженными «в скобку» волосами и небольшой лохматой бородой. Судьи были частью пожилые, частью совсем седые старики.

Когда они заняли свои места, председатель открыл заседание суда и началась процедура. Был прочитан обвинительный акт. На вопрос о виновности все ответили отрицательно, потом начал свою речь прокурор; в ней он, ссылаясь на имеющиеся в деле «вещественные доказательства», старался доказать, что выдвинутые против нас обвинения точно и полностью фактически обоснованы, что преступление совершено нами вполне сознательно, что цель его была «обдумана заранее», что ни о каких неосознанных действиях, приведших нас к этому преступлению, говорить не приходится, и что для него, прокурора, совершенно ясно, что перед судом сидит группа вредных и опасных революционеров, к которым необходимо в интересах государства применить строгую кару согласно предъявленных статей обвинения и т. д. и т. п.

Эта речь обвинителя, надо признаться, на нас некоторое впечатление произвела, и как мне казалось, подтверждала мнение наших защитников о том, что главным из нас подсудимым не избежать строгого приговора, и я в душе старался примириться с ним.

Однако после речей нашей защиты, которая доказывала, что у обвинителя не имеется прямых фактов, указывающих на «преднамеренность содеянного нами, и что поэтому наши деяния не содержат в себе преступления, после этих речей мне показалось, что нависшие было над нами тучи рассеялись и поредели. Настроение наше улучшилось, а где-то далеко в душе снова вспыхнула искорка надежды вырваться из цепких лап хищников-судей, наших беспощадных классовых врагов.

Это настроение у нас укрепило неожиданное происшествие, которое случилось во время осмотра так называемых «вещественных доказательств».

Когда с разрешения суда они осматривались «сторонами», то среди них не оказалось одной очень важной с точки зрения обвинения брошюры под заголовком «Протоколы первой областной профессиональ-

ной конференции рабочих, занятых по обработке волокнистых веществ».

Брошюра эта содержала часть обвинительного материала, который в виде выдержек из нее вошел в обвинительный акт. Этот неожиданный факт принес нам, подеудимым, большую пользу. Прокурор был им поставлен в очень трудное положение, он несколько раз с растерянным видом пересматривал книги, но брошюры этой так и не нашел, она исчезла неизвестно как и куда.

Судьи удивленно молчали и вопросительно смотрели на прокурора, ожидая от него объяснений. Он тоже растерянно молчал.

Наша защита осторожно переглядывалась между собой. «В чем дело? что это значит?» — спросил я подошедшего ко мне А. М. Братешки. — «Молчите — это в нашу пользу», — ответил он и отошел, а прокурор все маялся, видимо, не зная, как выйти из создавшегося положения. Наконец, он взял слово и мы услышали: «Господа судьи и господа сословные представители, по моему мнению, пропавшая брошюра ошибочно причислена к какому-нибудь другому делу, поэтому ее здесь и нет. Но что она тут была и должна быть, в этом я глубоко убежден».

На такое объяснение наши защитники ответили в том духе, что, мол, если дело велось таким порядком, при котором возможно было ошибочно причислять от одного дела к другому вещественные доказательства, то неизбежно придется прийти к выводу, что нельзя быть уверенным в том, что и остальные вещественные доказательства не причислены ошибочно из других каких-либо дел к настоящему делу, поэтому на отсутствующих «вещественных доказательствах» нельзя основывать обвинений и т. д. Прокурор на это не нашелся что ответить. В результате всей этой истории получилось благоприятное впечатление в нашу пользу.

В своих объяснениях по поводу предъявленного обвинения я говорил о том, что к легальным способам организации и борьбы за улучшение нашего положения мы, русские рабочие, еще не привыкли, профессиональные организации для нас еще очень новое дело и строить их мы еще только учимся, и в этом деле возможны всякие ошибки, но чтобы сознательно рисковать жизнью союза, имея в его библиотеке запрещенную литературу, на это пойти мы никак не могли. Рисковать возможностью легально организовать для улучшения законными путями нашего положения мы не могли, ибо слишком дорогой ценой эта возможность нам досталась. Дальше, стараясь доказать, что совершенное нами не было сознательным поступком, я отмечал малограмотность подавляющего большинства членов нашего правления и невозможность

уследить по газетам, когда и какие книги конфисковывались и изымались из обращения, за отсутствием под руками газет, по недостатку свободного времени и пр.

Другие товарищи-подсудимые говорили очень коротко и, конечно, все в том же духе отрицания своей виновности.

Свидетели ничего нового к сказанному ими на предварительном дознании не добавили, и только подсудимый Н. Платков несколько изменил свои показания в лучшую сторону для тех из подсудимых, которых он по своей неопытности в своих первых показаниях, как я уже указывал выше, так сказать, несколько «оговорил».

Прокурор в своей реплике защитникам и подсудимым решительно поддерживал обвинение. Он говорил снова, что он глубоко убежден в том, что все подсудимые—социал-демократы, члены Р. С.-Д. Р. П. и действовали по директивам своего партийного комитета, вполне сознательно преследуя определенные преступные цели и отдавая себе полный и ясный отчет в своих действиях и т. д., и настаивая на строгом наказании, за исключением, кажется, Якимова, для которого, как для малограмотного, он допускал возможность «признания смягчающих обстоятельств».

Суд происходил «при закрытых дверях», т.-е. во все время процесса посторонняя публика, за исключением 2—3 близких родственников подсудимых, в зал суда не допускалась.

Длился процесс суда один день, с утра до полночи, с небольшим перерывом на обед.

И было уже далеко за полночь, когда суд удалился на совещание, а мы остались ждать, готовя себя к выслушанию карающего приговора. Защитники были очень молчаливы, и на наши вопросы старались отвечать краткими неопределенными фразами, не внушающими нам ни особых надежд, ни особых опасений, и настроение было у нас нервное и напряженное.

Так прошло 2—3 часа, когда мы снова услышали обычное «суд идет, прошу встать» и вслед за этим в ту же минуту в наступившей тишине началось чтение приговора, и то, что мы напряженно слушали, для многих из нас было крайне неожиданно. Приговором были осуждены к заключению в крепости сроком на 1 год только двое—А. Кузнецов и М. Кудрин, а все остальные 12 человек были «за недоказанностью обвинения» оправданы.

Я, приготовившись уже к худшему результату, был так озадачен, что не сразу поверил тому, что только что слышал своими ушами, и несколько секунд стоял как бы в столбняке. В этот момент подошел ко

мне К. Лещенко и громко сказал. «Федя, ущипни себя за ухо». — «А что?» — недоумевающе спрашиваю я его. — «Если это не сон, то будет больно», — весело смеясь, ответил он. Я тоже рассмеялся, поняв, наконец, все происшедшее. Мне вдруг стало ясно, что кончился кошмар, который в виде «особого надзора полиции» и тяжелой неопределенности положения в ожидании суда в течение двух с половиной лет давил нас, не давая возможности свободно передвигаться с места на место, сноситься с товарищами и вести партийную работу.

Огласив этот приговор, судьи быстро удалились, а мы, столпившись в тесную кучу, все, и подсудимые и свидетели, устроили шумную и веселую встречу товарищу Иванову-Салову, который после оглашения оправдательного приговора был тут же освобожден из-под стражи. (До суда он сидел свыше 2-х лет.)

С нами остались и осужденные товарищи Кузнецов и Кудрин, так как «мера пресечения» (надзор) осталась прежней. Им предстояла крепость, и их было жалко, но сами они не выказывали особенного недовольства приговором, ибо ожидали большей его суровости, чем это оказалось.

В какой-то ночлежке устроили ночевку с небольшой выпивкой в честь благополучного окончания дела, а утром на следующий день всей компанией как подсудимые, так и свидетели поехали в Ив.-Вознесенск.

Это было 29 октября 1911 г.

К этому времени на политическом горизонте черные тучи реакции начали немного рассеиваться, во многих промышленных пунктах России уже зашевелилась рабочая масса, но молчал еще Иваново-Вознесенск. Освободившись от судебного преследования, мы все же опасались преследования в административном порядке и первое время после суда старались держать себя осторожнее, ибо хотя особый гласный надзор полиции был снят с нас и ходить регулярно «на отметки» в полицейский участок нам уже не приходилось, но у нас не было, конечно, никакого сомнения, что за нами остался надзор «негласный», ибо очень уже мы были известны иваново-вознесенской полиции.

Так закончил свое существование 1-й профессиональный союз рабочих ситцепечатных фабрик города Иванова-Вознесенска, или, как он официально назывался согласно устава, «Профессиональное общество рабочих ситцепечатных фабрик города Иванова-Вознесенска».

Здесь я привожу стихотворение, написанное мною еще в первые дни после суда под свежим впечатлением события и лишь несколько подновленное теперь.

С У Д.

Два года каждое мгновенье,
Как рок-безжалостный и злой,
Грозя карою, обвиненье
Все тяготело надо мной.
Надзор, как «меру пресечения»,
Два года я переносил,
Стремясь на случай заключения
Побольше заготовить сил.
Я не один, нас было много,
Мы шли по делу одному
Под суд обычною дорогой,
Вреда не сделав никому.
Стояла почь кругом глухая,
Кабальной жизни злая почь,
И, под ярмом ее вздыхая,
Не мог рабочий нам помочь.
Закрыв рабочие союзы,
Победу враг торжествовал,
И для людей рабочей блузы
Он цепи новые ковал.
И тихо двигалось время,
Недели, месяцы, года,
Тащили мы надзора бремя
И ждали, ждали все суда.
И этот долго жданный нами
Суда суровый день настал,
И вот «с закрытыми дверями»
Открылся перед нами зал.
На скамьях черных в этом зале,
Закрытом для простых людей,
Расселись мы и увидали
Седых чиновников-судей.
А на столе перед судьями
Лежат большие пачки книг:
То содеянного нами
Предмет вещественных улик.
Дела преступные вменяя
В вину нам, грозный прокурор,
Всех поголовно обвиняя,
Свирепо к нам бросает взор.
Сердито, громкими словами,
Он беспощадно нас клеймит,
Как будто гром гремит над нами,
Покамест речь он говорит.
Во изменилось впечатленье,

Как речь защита повела,
Опровергая обвиненье,
Свои мотивы развила.
Из их речей нам было ясно,
Что нет на нас большой вины,
Но это было все напрасно,
Нас осудить были должны
Уже по той причине только,
Что этот суд был — вражья месть,
Как в басне «О ягненке с волком»,
Который очень хочет есть.
И несмотря на всю нелепость
И недоказанность вины,
Часть подсудимых были в крепость
На долгий срок осуждены.
Так кончил жизнь союз рабочий
За дело правое свое,
И снова тьма зловещей ночи
Сокрыла горькое жите.

В период 2½-летнего существования союза сменилось несколько членов правления и председателей. Первым председателем был С. Икрянников, вторым — Лаврентьев, третий — я, пишущий это строки, и четвертым и последним — Фирстов.

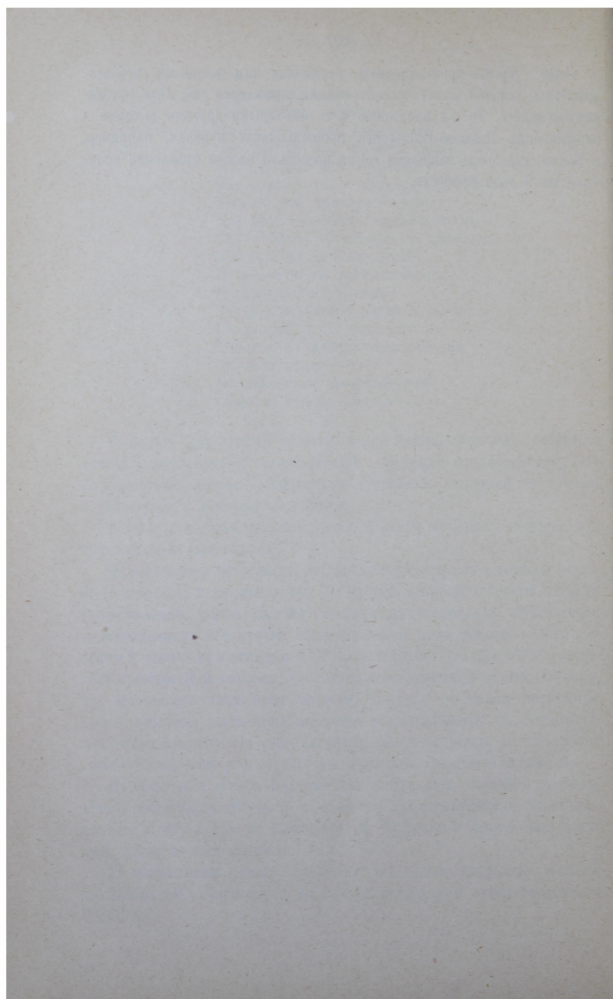
Первые двое были недолгое время, всего по несколько месяцев, а я и Фирстов около года каждый.

Из постоянных работников, дольше всех работавших в союзе и ближе всего стоявших к его делам, был М. Кудрин, который с первых месяцев существования союза состоял техническим секретарем, бухгалтером и исполняющим все прочие канцелярские и иные работы в союзе, а также и членом или кандидатом правления союза. Это был очень способный и интересный товарищ. Постоянно перегруженный делами, он работал без всякого ограничения времени, получая от союза ничтожную плату, едва-едва хватавшую, а нередко и не хватавшую на самое скудное существование. Он работал прямо без передышки, и его вполне основательно, хотя и в шутку, мы называли «пишущей машиной».

Из остальных союзов Иваново-Вознесенска союз ткачей и прядильщиков постигла та же участь, т. е. он был закрыт, правление было привлечено к суду и двое из членов его (И. Кузнецов и кто-то еще) получили также по году крепости.

У металлистов после закрытия их союза несколько человек правления (И. Кудряшев и др.) были высланы в административном порядке.

Союз торгово-промышленных служащих под влиянием неблагоприятных условий политической реакции развалился сам. Они самоликвидировались. То же произошло и с некоторыми другими союзами в окружающих Иваново-Вознесенск промышленных пунктах, например, в Бохме, где после закрытия союза несколько членов правления получили по 3 года крепости.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Материалы по делу о Профессиональном союзе рабочих ситце-печатных фабрик гор. Иваново-Вознесенска ¹⁾.

1) ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ.

О крестьянах: Алексее Христофорове Кузнецове, Федоре Никитине Самойлове, Емельяне Иванове Лаврентьеве, Михаиле Петрове Кудрине, Николае Иванове Платкове, Сергее Андрееве Зеленцове, Федоре Михайлове Меленцове, Андриане Лукине Романове, Василии Антонове Левине, Герасиме Иванове Гришине, Дмитрие Ефимове Смирнове, Михаиле Тарасове Лебедеве, Иване Николаеве Якимове, мещанине Константине Федорове Лещенко и лишенном всех особых прав и преимуществ мещанине Петре Ефимове Иванове, он же Салов.

18 и 19 февраля 1909 года отдельного корпуса жандармов ротмистр Орловский, получив агентурные сведения, что в библиотеке профессионального общества рабочих ситце-печатных фабрик г. Иваново-Вознесенска хранятся преступные издания, произвел в помещении библиотеки обыск, при котором обнаружил большое количество печатных изданий, по преимуществу социал-демократического направления под заглавием: «Крестьянство в буржуазных революциях» и «Про землю» в одиннадцати экземплярах каждая, «О чиновниках и народном правлении» — в трех экземплярах, «Новый закон о земле», «Социалисты - революционеры и пролетариат», «Как рабочим союзы устраивать», «Обзор литературы по крестьянскому вопросу», «Финляндия и социализм» — в двух экземплярах каждая, один экземпляр № 5 газеты «Профессионал» за 1907 год и по одному экземпляру брошюр, озаглавленных: «Ежегодный праздник рабочих и 8-часовой рабочий день», «Очерки Петербургского рабочего движения», «Деятельность социал-демократической партии во второй Государственной Думе», «Политические партии и формы государственного строя»,

¹⁾ См. Дело Московской Судебной Палаты о членах правления названного союза за 1910 год. № 182, в Московском Историко-Революционном Архиве.

«К чему стремится трудовая партия», «Неотложные нужды трудящегося народа», «Перед грозой», «Что такое свобода», «Политические партии в России», «Аграрный вопрос в России», «Откуда произошла частная собственность на землю», «Разрушение ада и восстановление его» и другие, при чем часть брошюр оказалась снабженной нумерацией по каталогу и печатью названного профессионального общества; тогда же были обнаружены в помещении библиотеки два каталога библиотеки, две книги протоколов заседаний правления общества и одна книга для записи изданий, выдаваемых из библиотеки, счета и документы общества (л. д. 3—5).

Одновременно был произведен обыск и в помещении, занимаемом секретарем общества Алексеем Христофоровым Кузнецовым, при чем были обнаружены брошюры, каждая в одном экземпляре, под заглавиями: «Крестьяне и рабочие», «О чиновниках и народном правлении» и другие (л. д. 3).

На возникшем формальном дознании и произведенным осмотром изданий, найденных в библиотеке и у Кузнецова, установлено, что в брошюре, озаглавленной «Крестьянство в буржуазных революциях», говорится, что исход революции в России зависит от отношения к ней крестьянства, «которому пролетариат укажет путь к социализму», и что российская социал-демократическая партия высказывается за конфискацию крупного землевладения, заведывание коим должно находиться в руках демократических учреждений и тем ускорить в будущем торжество социальной революции. В брошюре, озаглавленной «Про землю», доказывается необходимость низвержения самодержавия с заменою его демократическим строем, отобрания земель удельных, кабинетских, церковных, монастырских и частновладельческих с передачею их в пользование всего народа, а также отмены налогов и повинностей и уничтожения сословий. В брошюре под заглавием «О чиновниках и народном правлении» доказывается рабочим и крестьянам необходимость добиваться установления в России народного правления. В брошюре, озаглавленной «Новый закон о земле», на обложке коей написано «№ 295», доказывается рабочим и крестьянам необходимость соединиться в социал-демократическую партию и добиваться «всей земли и всей воли», а также необходимость созыва вместо безвластной Думы полномочного учредительного собрания. В брошюре под заглавием «Социалисты-революционеры и пролетариат», на обложке коей написано «№ 314», рабочий пролетариат призывается к борьбе за низвержение самодержавия и к захвату земель: помещичьих, монастырских, церковных и удельных. В брошюре «Как рабочим союзы устраивать» заключается призыв русских рабочих к борьбе против господствующего капитализма и «против всего современного общества» и призыв к объединению в единую политическую партию рабочего класса—социал-демократическую, которая, по словам брошюры, «приведет их к победе и торжеству». В брошюре под заглавием «Обзор литературы по крестьянскому вопросу» доказывается необходимость созыва учредительного собрания, избранного путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, и обращения всей земли в общую собственность

всего народа, и, кроме того, крестьяне приглашаются отказываться как от уплаты податей и повинностей, так и от поставки рекрутов в армию. В брошюре, озаглавленной «Финляндия и социализм», на обложке одного экземпляра которой написано «№ 567», русские и финляндские рабочие призываются к вооруженной борьбе с своим будущим врагом—русским самодержавием. В № 5 газеты «Профессионал» за 1907 год говорится, что профессиональные союзы рабочих должны помочь рабочему пролетариату вести борьбу с существующим политическим строем за переход власти в руки народа и за достижение социалистического строя. В брошюре под заглавием «Ежегодный праздник рабочих и 8-часовой рабочий день» доказывается русским рабочим, по примеру рабочих западной Европы и Америки, необходимость борьбы за уничтожение капиталистического строя с заменою его социалистическим. В брошюре, озаглавленной «Очерки Петербургского рабочего движения», на обложке коей написано «№ 568», говорится, что для успешности широкого рабочего движения необходима политическая свобода, а главным условием ее достижения является низвержение самодержавия. В брошюре, озаглавленной «Деятельность социал-демократической партии во второй Государственной Думе», заключается призыв ко всем избирателям доказать свою готовность стать грудью на защиту прав Думы, которая тогда только «станет силою, способной послужить орудием освобождения народа от самодержавного режима». В брошюре под заглавием «Политические партии и формы государственного строя» доказывается рабочему классу необходимость борьбы против самодержавия. В брошюре под заглавием «К чему стремится трудовая партия» доказывается необходимость борьбы за передачу народу управления государством, а всех земель и всех орудий и средств производства — в общественную собственность. В брошюре под заглавием «Неотложные нужды трудящегося народа», на обложке коей написано «№ 292», рабочий народ призывается к решительной и упорной борьбе «за созыв всероссийского учредительного собрания», которое только и «может предоставить настоящую власть и волю народу», и доказывается необходимость передачи в собственность народу всех фабрик, заводов, капиталов и средств передвижения. В брошюре «Перед грозой» крестьяне призываются бороться за созыв учредительного собрания и не давать по требованию правительства солдат. В брошюре под заглавием «Что такое свобода» заключается требование созыва «всероссийского всенародного учредительного собрания». В брошюре, озаглавленной «Политические партии в России», доказывается необходимость вооруженного восстания с целью созыва учредительного собрания. В брошюре под заглавием «Аграрный вопрос в России» говорится, что крестьяне требуют обращения всей земли в общую собственность трудящихся и отобрания в их пользу всех земель монастырских, кабинетских и удельных. В брошюре под заглавием «Откуда произошла частная собственность на землю» доказывается необходимость уничтожения существующего в России самодержавного строя и замены частной собственности на землю уравнительным ее распределением между всеми желающими работать на ней. В брошюре, оза-

главленной «Разрушение ада и восстановление его», на обложке коей написано «№ 503», заключается выражение дерзостного неуважения верховной власти в следующих словах: «Для утверждения права грабежа этого одного человека мы падаем на него особую шапку, сажаем на высокое кресло, даем ему в руки палку и шарик, мажем постным маслом во имя бога и его сына, провозглашаем особу этого намазанного маслом человека священной, так что грабеж, производимый этой особой, считающейся священной, уже ничем не может быть ограничен». В брошюре, озаглавленной «Очерки по истории железнодорожных забастовок», крестьянство и рабочий пролетариат призываются к вооруженному восстанию под знаменем социализма, с целью созыва учредительного собрания. В брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» заключается призыв крестьян к вооруженному восстанию с целью созыва учредительного собрания, провозглашения демократической республики, а также с целью конфискации всех помещичьих земель. В брошюре под заглавием «Программа французской рабочей партии» говорится, что требования пролетариата всего мира заключаются в отмене постоянных армий и всех косвенных налогов и во всеобщем вооружении народа. В № 2 газеты «Профессионал» за 1907 год в статье «Что делать профессиональным союзам» говорится, что профессиональным союзам для политической борьбы необходимо войти в самое близкое сношение с социал-демократической партией, так как «политическую свободу рабочий класс сможет добыть только под знаменем социал-демократической партии». В № 3 газеты «Неделя» за 1906 год в статье «Рабочие и солдаты» нижние воинские чины призываются объединиться с рабочими для общей решительной борьбы с Самодержавным правительством, а в №№ 9 и 10 той же газеты, в воззвании, озаглавленном «Постановление и заявление офицеров и военных врачей Читинского гарнизона», заключается призыв помогать борцам за народную свободу. В брошюре, озаглавленной «Первая областная конференция профессиональных союзов рабочих по обработке волокнистых веществ», в статье «Доклады из Иваново-Вознесенска, союз ситце-печатников» говорится, что этот союз возник летом 1906 года по инициативе местного комитета российской социал-демократической рабочей партии и что конференция призывает всех рабочих к объединению в профессиональные союзы для отпора организованной силе капитала, к полной согласованности действий эконолической и политической организации рабочего класса и к тесному сплочению для наиболее успешной политической борьбы и скорейшего наступления социализма. В брошюре под заглавием «Из истории русской школы» доказывается необходимость добиваться упразднения Самодержавия. В брошюре под заглавием «Обращение к русским людям» заключается призыв фабричных рабочих и крестьян к неповиновению распоряжениям правительства, к неплатежу податей и к отказу от исполнения воинской повинности. В брошюре под заглавием «Социализм и политическая борьба» говорится, что успех рабочего движения может быть обеспечен только в том случае, если рабочий класс станет вести борьбу с Самодержавием за достижение политической власти, которое

является главной задачей борющегося пролетариата. В сборнике, озаглавленном «В защиту партии», в помещенной в нем статье «Движущие силы и перспективы русской революции» доказываются русскому пролетариату необходимость соединиться с крестьянством для совместной революционной борьбы с существующим в России общественным строем для захвата в свои руки государственной власти и для установления социалистического строя. В брошюре, озаглавленной «Крестьяне и рабочие», доказываются крестьянам и рабочим необходимость соединиться в одну социал-демократическую партию и бороться за созыв учредительного собрания, за уничтожение Самодержавия и установление демократической республики. Наконец, в брошюре, озаглавленной «О добровольном рабстве», помещены выражения дерзостного неуважения Верховной Властью в следующих словах: «Сами народы отдают себя во власть государям.. бедствия и разорения народа происходят не от врагов, а от врага, которого вы сами себе создаете... Тот, кто властвует над вами, ничего не имеет, чего бы не имел ничтожнейший человек из бесчисленного количества ваших братьев... Решитесь не служить ему более, и... он, как огромная статуя, из-под которой выдули основание, упадет от своей тяжести и разобьется вдребезги» (л. д. 6—20, 49, 50).

При дальнейшем производстве формального дознания из осмотра обнаруженных в помещении библиотеки книг, протоколов заседаний общества, каталогов и книги для записи изданий, выдаваемых на руки читателям, выяснилось, что в книгах протоколов заседаний общего собрания членов профессионального общества рабочих ситце-печатных фабрик города Иваново-Вознесенска обозначено, что в заседании 27 марта 1907 года для покупки и подбора книг в библиотеку на ассигнованные 150 рублей выбрана комиссия из членов общества: Емельяна Иванова Лаврентьева, Федора Михайлова Меленцова, Федора Никитина Самойлова и Михаила Петрова Кудрина; в заседании 14 мая 1907 года поручено названным Лаврентьеву, Меленцову, Самойлову и Константину Федорову Лещенко составить каталог библиотеки и написать книги; в протоколе от 5 октября 1907 года обозначено, что Кудрин сделал доклад о состоянии библиотеки; в протоколе от 17 декабря того же года значится, что решен утвердительно вопрос о выдаче членам общества книг из библиотеки, при чем выдача будет производиться с 17 декабря; 21 декабря значится, что Кудрин вновь сделал доклад о библиотеке и указал, что на деньги, ассигнованные в феврале, куплены книги в книжном магазине «Труд» в городе Иваново-Вознесенске, и что, наконец, общим собранием избраны библиотекарями 26 марта 1908 года Николай Иванов Платков, 9 июня — Алексей Христофоров Кузнецов и в помощь ему Сергей Андреев Зеленцов и Василий Антонов Левин, 26 июня — Зеленцов и 1 сентября — Андриан Лукин Романов. В каталогах библиотеки записаны заглавия имеющихся в библиотеке печатных изданий, среди коих значатся приведенные в «Алфавитном указателе книг и брошюр, арест на которые утверждены судебными установлениями», брошюры: «Социализм и политическая борьба», «Очерки железнодорожных забастовок в России», «Из

истории русской школы», «В защиту партии» и другие. В книге для выдачи книг из библиотеки профессионального общества ситце-печатных фабрик обозначено, что с апреля 1907 года по июнь 1908 года из библиотеки общества были выдаваемы значительному числу лиц для чтения, между прочим, книги под следующими заглавиями, значащиеся в упомянутом «Алфавитном указателе»: «О земле», «О чиновниках и народном правлении», «К чему стремится трудовая партия», «Новый закон о земле», «Крестьянин и рабочий», «Рабочее дело в России» и «Невозмогу». Осмотром этих изданий установлено, что в брошюре под заглавием «О земле» доказывается русскому рабочему народу необходимость добиваться обращения в свое пользование всей земли; в брошюре «Крестьянин и рабочий» доказывается крестьянам необходимость борьбы за социалистический строй и за достижение главного своего требования—передачи всей земли в пользование трудящегося населения; в брошюре «Рабочее дело в России» говорится, что российская социал-демократическая партия призывает всех рабочих к решительной борьбе с угнетающим русский народ Самодержавным правительством, требуя замены Самодержавия народной волей и социальных реформ, «как одного из средств, облегчающих борьбу пролетариата за его конечную цель—за социальную революцию»; в брошюре «Невозмогу» доказывается крестьянам необходимость вооруженного восстания и отказа от уплаты податей и от исполнения воинской повинности.

Наконец, из осмотра денежных счетов общества и других документов выяснилось, что 23 марта и 21 мая 1908 года деньги за приобретенные в книжном магазине «Труд» издания были уплачены Михаилом Кудриным, и что на листе бумаги за подписью Николая Иванова Платкова приведен текст обязательства Платкова от 7 апреля 1908 года заведывать библиотекой и читальней общества (л. д. 21—41).

Показаниями допрошенных на дознании свидетелей—Киселева, Потехина и Матвеева установлено, что на общих собраниях членов профессионального общества на должность библиотекаря избиралось трое лиц, при чем один являлся ответственным, а двое других назначались на помощь ему для выдачи книг из библиотеки, что на такую же должность избирались в разные сроки—Меленцов, Платков, Зеленцов, Герасим Иванов, Гришин и Кузнецов, и что Кудрин неоднократнокладывал на собраниях о приобретении для библиотеки книг в книжном магазине «Труд» в Иваново-Вознесенске (л. д. 63, 64, 67, об., 68, 76, 77). Из показаний же свидетелей Растатурова, Радостина, Блохина, Игнатьева, Лапина, Барина, Кулева и других выяснилось, что выдачи книг из библиотеки одновременно с 1907 по 1909 г.г. производили названные Меленцов, Платков, Зеленцов, Кузнецов и Кудрин, а также Петр Ефимов Иванов (л. д. 99, 100, 142, 143, 269, 271, 277, 279 и 357).

Осмотром «Устава профессионального общества рабочих ситце-печатных фабрик города Иваново-Вознесенска» установлено, что таковой утвержден Владимирским губернским по делам об обществах присутствием на основании временных правил 4 марта 1906 года (л. д. 385).

В виду изложенных данных названные Кузнецов, Самойлов, Лаврентьев, Кудрин, Платков, Зеленцов, Меленцов, Романов, Лещенко, Левин, Гришин и Иванов были привлечены к дознанию в качестве обвиняемых в хранении и распространении преступных изданий, но объяснил, что в делах библиотеки деятельное участие принимал Кудрин, объяснил, что в делах библиотеки деятельное участие принимал Кудрин, библиотекарями были Платков, Зеленцов и Меленцов и что сам он в пополнении книг библиотеки никакого участия не принимал (л. д. 56, 57, 62, 263 и 264). Самойлов показал, что участвовал в комиссии, который был поручен обществом подбор книг, и не отрицал, что и сам несколько раз выдавал книги из библиотеки (л. д. 89—92 и 254). Лаврентьев объяснил, что выдача книг из библиотеки производилась не только библиотекарем и его помощниками, но в отсутствие последних всеми членами правления, при этом Лаврентьев не отрицал, что и сам производил такую выдачу (л. д. 95, 96, 243, 244). Кудрин объяснил, что по поручению общего собрания приобретал книги для библиотеки общества, но содержанием их не интересовался, и что производил выдачу книг из библиотеки и по поручению членов правления вел записи книг в каталоге библиотеки (л. д. 134—136, 256 и 257). Платков утверждал, что подбором и приобретением книг для библиотеки заведывали Самойлов, Меленцов, Иванов, Лещенко и Кудрин и в особенности деятельное участие в этом принимали Лещенко и Кудрин, у которого хранился и каталог библиотеки; к изложенному Платков добавил, что одновременно с ним был помощником библиотекаря Дмитрий Смирнов (л. д. 144—146 и 257). Зеленцов утверждал, что никакого участия в приобретении книг не принимал, при чем не отрицал, что состоял в конце 1908 года библиотекарем и выдавал книги из библиотеки (л. д. 175, 176 и 261). Меленцов объяснил, что был библиотекарем с мая по декабрь 1907 года и выдавал книги из библиотеки, но участия в приобретении книг для библиотеки не принимал, так как этим заведывала особая комиссия, состоявшая из Самойлова, Кудрина и Лещенко (л. д. 188—190 и 268). Романов, не отрицая, что был библиотекарем общества и выдавал книги, добавил, что выдавали книги также Кузнецов и его помощники Гришин и Левин (л. д. 206—209 и 244). Лещенко объяснил, что совершенно не помнит, давалось ли ему общим собранием поручение приобрести печатные брошюры для библиотеки, и утверждал, что брошюр из библиотеки никогда не выдавал (л. д. 217—219 и 262). Левин не отрицал, что некоторое время исполнял обязанности помощника библиотекаря и выдавал из библиотеки книги членам общества (л. д. 292 и 293). Гришин также не отрицал, что в 1907 и 1908 годах по просьбе библиотекаря Романова выдавал из библиотеки книги, при чем добавил, что выдавал книги также Кузнецов и Михаил Герасимов Лебедев (л. д. 318—320), и, наконец, Иванов объяснил, что с июля до ноября 1907 года был помощником библиотекаря Меленцова, а с ноября 1907 года до марта 1908 года состоял библиотекарем, при этом Иванов утверждал, что участия в приобретении книг для библиотеки не принимал (л. д. 361 и 362).

Кроме поименованных лиц были привлечены к дознанию в качестве обвиняемых в хранении и распространении преступных изданий также названные Смирнов и Лебедев, при чем Смирнов, не признавая себя виновным в этих преступлениях, не отрицал, что, состоя членом правления, выдавал в 1908 году, за отсутствием библиотекаря, книги из библиотеки (л. д. 327 и 328). Лебедев же, также отрицая свою вину, утверждал, что книг из библиотеки не выдавал и что выдача книг из библиотеки в 1908 году, за отсутствием библиотекаря, производилась сторожем Иваном Николаевым Якимовым (л. д. 350—352). Наконец, названный Якимов, также привлеченный к дознанию в качестве обвиняемого, не признавая себя виновным в хранении и распространении поименованных преступных изданий, не отрицал вместе с тем, что в 1908 году состоял помощником библиотекаря и производил выдачу книг из библиотеки (л. д. 66, 67, 282—285).

Из приобщенной к дознанию копии приговора Владимирского Окружного Суда от 3 апреля 1908 года видно, что Петр Ефимов Иванов, он же Салов, за участие в публичном скопище, учинившем вследствие побуждений, произошедших из обострившихся экономических отношений между фабрикантами и рабочими, разгром усадьбы фабриканта Гандурина, осужден в исправительное арестантское отделение с лишением всех прав и преимуществ, каковое наказание и отбыл (л. д. 383 и 384).

На основании изложенного, крестьяне: Вельского уезда, Чушевицко-Покровской волости, деревни Щекинской, Алексей Христофоров Кузнецов, 33 лет, Ковровского уезда, Лежневской волости, деревни Гомыленки, Федор Никитин Самойлов, 27 лет, того же уезда, Березовской волости, деревни Красивинной, Емельян Иванов Лаврентьев, 23 лет, Нерехтского уезда, Ширьевской волости, деревни Большой Ширяихи, Михаил Пертов Кудрин, 20—22 лет, Нерехтского уезда, Золотилловской волости деревни Малых Холмов, Николай Иванов Платков, 28 лет, рядовой 171-го пехотного Кобринского полка, из крестьян Ковровского уезда, Вознесенской волости, деревни Струбова, Сергей Андреев Зелепцов, 22 лет, рядовой 108-го пехотного Саратовского полка, из крестьян Костромского уезда, Семеновской волости, деревни Ивашково, Федор Михайлов Меленцов (умер), 21 года, крестьяне Ковровского уезда, Финдяндской волости, деревни Шелухина, Андриан Лукин Романов, 41 года, Темниковского уезда, Веденякинской волости, деревни Ибакова, Василий Антонов Левин, 19 лет, Суздальского уезда, Торчинской волости, села Торчина, Герасим Иванов Гришин, 35 лет, Нерехтского уезда, Игнатовской волости, деревни Никульской, Дмитрий Ефимов Смирнов, 30 лет, Шуйского уезда, Ивановской волости, деревни Соснева, Михаил Тарасов Лебедев, 29 лет, Ардатовского уезда, Вертяновской волости, деревни Полупочинок, Иван Николаев Якимов, 33 лет, мещанин города Подольска Константин Федоров Лещенко, 22 лет, и лишенный всех особенных прав и преимуществ мещанин города Шуи Петр Ефимов Иванов, он же Салов, 31 года, обвиняются в том, что в период времени с 1907 по 1909 г.г., в Иваново-Вознесенске, хранили в библиотеке профессионального общества рабочих ситце-печатных фабрик, с целью распространения, печатные брошюры под заглавиями: «Кре-

стьянство в буржуазных революциях», «Про землю», «О чиновниках и народном правлении», «Новый закон о земле», «Как рабочим союзы устраивать», «Обзоры литературы по крестьянскому вопросу», «Финляндия и социализм», «Деятельность социал-демократической партии во второй Государственной Думе», «Политические партии и формы государственного строя», «Неотложные нужды трудящегося народа», «Политические партии в России», «Аграрный вопрос в России», «Очерки истории железнодорожных забастовок», «Обращение к русским людям», «Программа французской рабочей партии», «В защиту партии», «Крестьяне и рабочие», «О земле», «Крестьянин и рабочий», «Рабочее дело в России», «Невмоготу», «Разрушение ада и восстановление его», «О добровольном рабстве», «К чему стремится трудовая партия» и другие, каковые печатные издания, по своему содержанию, заведомо для них, подсудимых, возбуждают к учению бунтовщических деяний, к неиспровержению существующего в России государственного и общественного строя, к неповиновению и противодействию закону и законным распоряжениям власти и к неисполнению воинскими чинами обязанностей военной службы, так как в этих произведениях заключается призыв к вооруженному восстанию с целью созыва учредительного собрания и доказывается необходимость низвержения Самодержавия с заменою его демократической республикой и уничтожения империалистического строя с заменою его социалистическим строем, уничтожения частной собственности на земли, фабрики, заводы и денежные капиталы с объявлением их всенародным достоянием, отмены налогов, уничтожения сословий и постоянной армии с заменою последней народным ополчением, крестьяне же призываются отказываться от уплаты податей и от исполнения воинской повинности и не давать, по требованию правительства, солдат, а нижние воинские чины приглашаются не исполнять приказаний своего начальства и объединяться с рабочими для общей решительной борьбы с Самодержавным правительством, и, кроме того, из числа поименованных брошюр, озаглавленные «Разрушение ада и восстановление его» и «О добровольном рабстве», заведомо для них подлинно заключают дерзостное неуважение Верховной Власти — в выражениях: «Для утверждения права грабежа этого одного человека мы... надеваем на него особую шапку, даем ему в руки палку и шарик, мажем постным маслом и... провозглашаем особу этого намазанного маслом человека священной... Сами народы отдают себя во власть государям... бедствия и разорения происходят... от врага, которого вы сами себе создаете... Тот, кто властвует над нами, ничего не имеет, чего бы не имел ничтожнейший человек... он..., как огромная статуя, упадет от своей тяжести и разобьется вдребезги», при чем он, подсудимый, действуя заведомо сообща с другими лицами, из числа означенных изданий брошюры под заглавиями: «О чиновниках и народном правлении», «Новый закон о земле», «В защиту партии», «Крестьяне и рабочие» «К чему стремится трудовая партия», «О земле», «Крестьянин и рабочий», «Рабочее дело в России» и «Невмоготу», заведомо для них, обвиняемых, возбуждающие к учению бунтовщического деяния, к неиспровержению существующего в России

государственного и общественного строя и к неповиновению закону и законным распоряжениям власти, так как в этих произведениях заключается призыв к вооруженному восстанию и доказывается необходимость созыва учредительного собрания, низвержения самодержавия с заменою его демократической республикой, замены капиталистического строя социалистическим, уничтожения частной собственности на земли и на все средства и орудия производства с обращением их в общее пользование всех трудящихся, крестьяне же приглашаются к отказу от уплаты податей и от исполнения воинской повинности, — в период времени с 1907 по 1909 г.г. распространяли в городе Иваново-Вознесенске, с целью пропаганды, путем выдачи из библиотеки профессионального общества рабочих ситце-печатных фабрик членам названного общества для чтения.

Описанные преступления предусмотрены 51, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129, и 2 ч. 132 ст. Угол. Улож., вследствие чего и на основании 2 п. 1032 ст. уст. угол. суд. названные Кузнецов, Самойлов, Лаврентьев, Кудрин, Платков, Зеленцов, Меленцов, Романов, Левин, Гришин, Смирнов, Лебедев, Якимов, Лещенко и Иванов, он же Салов, подлежат суду Московской Судебной Палаты с участием сословных представителей.

Составлен 5 Ноября 1910 года в г. Москве.

Товарищ Прокурора Палаты Т я п а ш е в с к и й.

16 января 1912 года.

Господину Прокурору Московской Судебной Палаты, за № 1192, с выписью из приговора Судебной Палаты с копиею расчета о судебных издержках и с уведомлением, что вещественные доказательства сданы на хранение в кассу Владимирского Окружного Суда 28 октября 1911 г. за № 14.

№ дела.

1911 года, н о я б р я 8-го дня, в присутствии Товарища Прокурора А. К. Александров-Дольник и при и. об. Секретаря Д. И. Фруктове приговор сей объявлен, на основании 829 ст. Уст. Угол. Суд., с соблюдением порядка, указанного в 832 — 842 ст. того же Устава.

При объявлении приговора из участвующих в деле лиц никто не явился.

Член Владимирского Окружного Суда.

2) ПРИГОВОР.

1911 года, октября 28-го дня.

По Указу Его Императорского Величества Московская Судебная Палата, по Особому Присутствию, в публичном заседании, происходившем под председательством Члена Палаты С. Ф. Мальцева, в составе Членов Палаты, Д. П. Стре-

моухова, Н. Л. Шкотта и Члена Владимирского Окружного Суда Е. Н. Алякрицкого, г.г. Сословных Представителей: Владимирского Уездного Предводителя Дворянства А. А. Протасьева, Владимирского Городского Головы Н. Н. Сомова и Старшины Борисовской волости, Владимирского уезда, С. Т. Астафьева при Товарище Прокурора Палаты Ф. И. Пронине и и. д. Секретаря К. Д. Жирове, слушала: дело о крестьянах Алексее Христовове Кузнецове, Федоре Никитине Самойлове и других, всего в числе 14 человек, обвиняемых по 51, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129 и 2 ч. 132 ст. Угол. Улож.

Рассмотрев обстоятельства настоящего дела и выслушав показания свидетелей, объяснения подсудимых и прения сторон, Судебная Палата в составе Особого Присутствия признала крестьян Вологодской губернии, Вельского уезда, Чушевицко-Покровской волости, деревни Щекиной, Алексея Христофорова Кузнецова, 33 лет, и Костромской губернии, Нерехтского уезда, Ширяевской волости, деревни Большой Ширяхи, Михаила Петрова Кудрина, 20 лет, виновными в том, что они, в период времени с 1907 по 1909 г.г. в Иваново-Вознесенске хранили в библиотеке профессионального общества рабочих ситце-печатных фабрик, с целью распространения, печатные брошюры под заглавиями: «Крестьянство в буржуазных революциях», «Про землю», «О чиновниках и народном правлении», «Новый закон о земле», «Как рабочим союзы устраивать», «Обзор литературы по крестьянскому вопросу», «Финляндия и социализм», «Деятельность социал-демократической партии во Второй Государственной Думе», «Политические партии и формы государственного строя», «Неотложные нужды трудящегося народа», «Политические партии в России», «Аграрный вопрос в России», «Очерки истории железнодорожных забастовок», «Обращение к русским людям», «Программа французской рабочей партии», «В защиту партии», «Крестьяне и рабочие», «О земле», «Крестьянин и рабочий», «Рабочее дело в России», «Невозмогу», «Разрушение ада и восстановление его», «О добровольном рабстве», «К чему стремится трудовая партия» и другие, каковые печатные издания, по своему содержанию, заведомо для них, подсудимых, возбуждают к учинению бунтовщических деяний, к неисповедению существующего в России государственного и общественного строя, к неповиновению и противодействию закону и законным распоряжениям власти и к неисполнению воинскими чинами обязанностей военной службы, так как в этих произведениях заключается призыв к вооруженному восстанию с целью созыва учредительного собрания, доказывается необходимость низвержения Самодержавия с заменою его демократической республикой и уничтожения капиталистического строя с заменою его социалистическим строем, уничтожения частной собственности на землю, фабрики, заводы и денежные капиталы с объявлением их всенародным достоянием, отмены налогов, уничтожения сословий и постоянной армии и с заменою последней народным ополчением, крестьяне же призываются—отказываться от уплаты податей и от исполнения воинской повинности и не давать, по требованию правительства, солдат, а ниж-

ние воинские чины приглашаются не исполнять приказаний своего начальства и объединиться с рабочими для общей и решительной борьбы с Самодержавным Правительством; кроме того, из числа поименованных брошюр, озаглавленные «Разрушение ада и восстановление его» и «О добровольном рабстве», заведомо для них, подсудимых, заключают дерзостное неуважение Верховной Власти, т. е. виновными в преступлении, предусмотренном 2 п. 132 ст. Угол. Улож. Вместе с сим Особое Присутствие признало других подсудимых: крестьян Ковровского уезда, Лежневской волости, деревни Гомыленок, Федора Никитина Самойлова, 27 лет, Березовской волости, деревни Крапивной, Емельяна Иванова Лаврентьева, 23 лет, Финляндской волости, деревни Шелухина, Андриана Лукина Романова, 41 года, Нерехтского уезда, Золотиловской волости, деревни Малых Холмов, Николая Иванова Платкова, 28 лет, Темниковского уезда, Веденякинской волости, деревни Ибакова, Василия Антонова Левина, 19 лет, Суздальского уезда, Торчинской волости, села Торчина, Герасима Иванова Гришина, 35 лет, Нерехтского уезда, Игнатовской волости, деревни Никульской, Дмитрия Ефимова Смирнова, 30 лет, Шуйского уезда, Чечкино-Богородской волости, деревни Станков, Михаила Тарасова Лебедева, 29 лет, и Ардатовского уезда, Нижегородской губернии, Вертяновской волости, деревни Полупочинков, Ивана Николаева Якимова, 33 лет, рядового 171 пехотного Кобринского полка из крестьян Ковровского уезда, Вознесенской волости, деревни Струбова, Сергея Андреева Зеленцова, 22 лет, запасного ефрейтора из мещан гор. Подольска Константина Федорова Лещенко, 22 лет, и мещанина гор. Шуи, Петра Ефимова Иванова, он же Салов, 31 года, по недоказанности совершения ими преступления, невиновными в содеянии описанного выше преступления, т. е. невиновными в учинении преступления, предусмотренного 2 п. угол. улож. Кроме сего, Особое Присутствие признало всех названных четырнадцать подсудимых: Кузнецова, Кудрина, Самойлова, Лаврентьева, Романова, Платкова, Левина, Гришина, Смирнова, Лебедева, Якимова, Зеленцова, Лещенко и Иванова, он же Салов, по недоказанности совершения ими преступления, невиновными в том, что они, действуя заведомо сообща, из числа означенных выше изданий, брошюры под заглавием: «О чиновника и народном правлении», «Новый закон о земле», «В защиту партии», «Крестьяне и рабочие», «К чему стремится трудовая партия», «О земле», «Крестьянин и рабочий», «Рабочее дело в России» и «Невмоготу» заведомо для них, подсудимых, возбуждающие к учинению бунтовщического деяния, к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя и к неповиновению закону и законным распоряжениям власти, так как в этих произведениях заключается призыв к вооруженному восстанию и доказывается необходимость созыва учредительного собрания, низвержения Самодержавия с заменой его демократической республикой, замены капиталистического строя социалистическим, уничтожения частной собственности на землю и на все средства и орудия производства с обращением их в общее пользование всех трудящихся, крестьяне же приглашаются к отказу от уплаты податей и от исполнения воинской повинности,—в период

времени с 1907 по 1909 г.г. распространяли в городе Иваново-Вознесенске, с целью пропаганды, путем выдачи из библиотеки профессионального общества рабочих ситце-печатных фабрик членами названного общества для чтения, т.-е. невиновными в учинении преступления, предусмотренного 51, 1, 2 и 3 п.п. 129 ст. Угол. Уложения.

Обращаясь к определению законных последствий сего решения, Особое Присутствие находит, что преступное деяние, в коем признаны виновными крестьяне Алексей Кузнецов, 33 лет, и Михаил Кудрин, 20 лет, предусмотрено 2 п. 132 ст. Угол. Улож., карающей винушного заключением в крепости на срок не свыше трех лет; однако, Особое Присутствие, признавая, что по обстоятельствам дела Кузнецов и Кудрин заслуживают снисхождения, находит справедливым смягчить ответственность подсудимых согласно 53 ст. Угол. Улож. и назначить им в пределах, указанных 132 и 19 ст. Угол. Улож., заключение в крепости: Кузнецову на один год, а Кудрину на один год и шесть месяцев, с сокращением, однако, для Кудрина срока сего заключения на одну треть на точном основании 3 п. 57 ст. Угол. Улож. по причине несовершеннолетия подсудимого Кудрина, т.-е. подвергнуть его заключению в крепости на один год; определенное подсудимым Кузнецову и Кудрину заключение в крепости подлежит в случае надобности замене на основании временных правил, приложенных ко 2 примечанию к 19 ст. Угол. Улож.

Что же касается той части решения Особого Присутствия, коей по недоказанности совершения преступлений признаны невиновными те же Кузнецов и Кудрин, а также Самойлов, Лаврентьев, Романов, Платков, Левин, Гришин, Смирнов, Лебедев, Якимов, Зеленцов, Лешенко и Иванов, он же Салов, в преступлении, предусмотренном 51, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож., а последние двенадцать подсудимых, кроме того, и в преступлении, предусмотренном 2 п. 132 ст. Угол. Улож., то вследствие сего решения и на основании 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд. должны считаться оправданными по суду: все названные четырнадцать подсудимых—по обвинению их по 51, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож., а последние двенадцать подсудимых, кроме того, и по обвинению их по 2 п. 132 ст. Угол. Улож.

Уплату судебных по делу издержек следует согласно 991 ст. Уст. Угол. Суд. возложить на осужденных крестьян Алексея Кузнецова и Михаила Кудрина поровну и со взаимною их ответственностью, а в случае общей их несостоятельности к платежу этих издержек, они подлежат принятию на счет казны по силе 999 ст. Уст. Угол. Суд.

Вещественные по делу доказательства, означенные в приложенной к формальному дознанию описи, надлежит препроводить во Владимирское Губернское по делам об обществах Присутствие.

На основании всего вышезложенного Судебная Палата в составе Особого Присутствия определяет: крестьян Вологодской губернии, Вельского уезда, Чушевицко-Покровской волости, деревни Шекинской Алексея Христофорова Кузнецова, 33 лет, и Костомской губернии, Нерехтского уезда, Ширяевской волости, деревни Большой Ширяхи Михаила Петрова Кудрина, 20 лет, признав виновными в преступлении.

предусмотренном 2 ч. 132 ст. Угол. Улож., на основании этой статьи, а также 19, 53 и 57 в отношении Кудрина ст. того же Уложения, заключить в крепость на один год каждого, с заменою сего заключения, в случае надобности, по 2 примечанию к ст. 19 Угол. Улож., тех же подсудимых Кузнецова и Кудрина, а также крестьян Ковровского уезда. Лежневской волости, деревни Гомыленок Федора Никитина Самойлова, 27 лет, Березовской волости, деревни Крапивоной Емельяна Иванова Лаврентьева, 23 лет, Финдяндской волости, деревни Шелухина Андриана Лукина Романова, 41 года, Нерехтского уезда, Золотилловской волости, деревни Малых Холмов Николая Иванова Платкова, 28 лет, Темниковского уезда, Веденякинской волости, деревни Ибаково Василия Антонова Левина, 19 лет, Суздальского уезда, Торчинской волости, села Торчина Герасима Иванова Гришина, 35 лет, Нерехтского уезда, Игнатовской волости, деревни Никульской Дмитрия Ефимова Смирнова, 30 лет, Шуйского уезда, Чечкино-Богородской волости, деревни Станков Михайла Тарасова Лебедева, 29 лет, и Ардатовского уезда, Нижегородской губернии, Вертяновской волости, деревни Полуночинок Ивана Николаева Якимова, 33 лет, рядового 171 пехотного полка из крестьян Ковровского уезда, Вознесенской волости, деревни Струбова, Сергея Андреева Зеленцова, 22 лет, запасного ефрейтора из мещан гор. Подольска, Константина Федорова Лещенко, 22 лет, и мещанина гор. Шуи Петра Ефимова Иванова, он же Салов, 31 года, признав невиновными в преступлении, предусмотренном 51, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож. Последних же двенадцать подсудимых и в преступлении, предусмотренном 132 ст. Угол. Улож., по недоказанности совершения ими означенных преступлений, считать, согласно 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд., оправданными и по сим обвинениям; судебные издержки по настоящему делу возложить на осужденных Кузнецова и Кудрина поровну и со взаимною их ответственностью; вещественные доказательства препроводить во Владимирское Губернское по делам об обществах Присутствие.

Подписи.

Объявление сего приговора в окончательной форме назначается в г. Владимире на 8 ноября 1911 года.

3) РЕЗОЛЮЦИЯ.

1911 года, октября 28 дня.

По указу Его Императорского Величества, Московская Судебная Палата, по Особому Присутствию в судебном заседании, проходившем в составе нижеподписавшихся, выслушав дело о крестьянах: Алексее Христофорове Кузнецове, Федоре Никитине Самойлове и других всего в числе 14-ти человек, обвиняемых по 51, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129 и 2 ч. 132 ст. Угол. Уложения постановила: крестьян Вологодской губ., Вельского уезда, Чушевицко-Покровской волости, дер. Щекинской Алексея Христофорова Кузнецова, 33 лет, и Костромской губернии Нерехтского уезда, Ширяевской волости, дер. Большой Ширяхи Ми-

хаила Петрова Кудрина, 20 лет, признав виновными в преступлении, предусмотренном 2 п. 132 ст. Угол. Улож., на основании этой статьи, а также 19, 53 и 57 в отношении Кудрина ст. того же Уложения, заключить в крепость на один год каждого с заменою сего заключения, в случае надобности, по 2 примечанию к ст. 19 Угол. Улож. Тех же подсудимых Кузнецова и Кудина, а также 1й крестьян: Ковровского уезда, Лежневской волости, дер. Гомыленок Федора Никитина Самойлова, 27 лет, Березовской волости, деревни Крапивновой Емельяна Иванова Лаврентьева, 23 лет, Финляндской волости, дер. Шелухина Адриана Лукина Романова, 41 года, Нерехтского уезда, Золотиловской волости, дер. Малых Холмов Николая Иванова Платкова, 28 лет, Темниковского уезда, Веденяковской волости, дер. Ибакова Василия Антонова Левина, 19 лет, Суздальского уезда, Торчинской вол., села Торчина Герасима Иванова Гришина, 35 лет, Нерехтского уезда, Игнатьевской вол., дер. Никульской Дмитрия Ефимова Смирнова, 30 лет, Шуйского уезда, Чечкино-Богородской волости, дер. Станков Михаила Тарасова Лебедева, 29 лет, и Ардатовского уезда, Нижегородской губ., Вертяновской волости, дер. Полупочинок Ивана Николаева Якимова, 33 лет, рядового 171 пехотного Кобринского полка из крестьян Ковровского уезда, Вознесенской волости, дер. Струбова Сергея Андреева Зеленцова, 22 лет, запасного ефрейтора из мещан гор. Подольска Константина Федорова Лещенко, 22 лет, и мещанина гор. Шуи Петра Ефимова Иванова, он же Салов, 31 года, признав невиновными в преступлении, предусмотренном 51, 1, 2 и 3 п.п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож., последних же двенадцать подсудимых и в преступлении, предусмотренном 132 ст. Угол. Улож., по недоказанности совершения ими означенных преступлений, считать, согласно 1 п. 771 ст. У. У. С., оправданными по сим обвинениям; судебные издержки по настоящему делу возложить на осужденных Кузнецова и Кудрина поровну и со взаимною их ответственностью, вещественные доказательства препроводить во Владимирское Губернское по делам об обществах Присутствие.

Подписи.

О П И С Ь

вещественным доказательствам, приложенным к настоящему дознанию.

Наименование вещей и бумаг.

Отобранное при выемке из библиотеки 19 февр. 1909 г.

№ №		Стр.
1.	„Ежегодный праздник рабочих и 8-час. рабочий день“ — Г. Плеханов. В 1 экземпляре	6
2.	„Профессионал“, № 5 1907 г. 30 мая. В 1 экземпляре	7
3.	„Очерки Петербургского рабоч. движения“ К-сар К-во. В 1 экз.	„
4.	„Первая областная конференция проф. союза рабочих по обработке волокнистых веществ“ — Москва. Тип. „Сокол“. В 1 экз.	„

5. „Политические партии и формы государственного строя“ Б. Радин. В 1 экземпляре	7
6. „Из истории русской школы“.—А. Петрищев. В 1 экземпляре	8
7. „Профессиональные союзы рабочих“.—С. Вознесенский. В 1 экз.	„
8. „Деятельность соц.-дем. во второй Госуд.-Думе“. В 1 экз.	„
9. „Крестьянство в буржуазн. революциях“.—И. Херасков. В 11 экз.	„
10. „Про землю“.—Ст. Деревенский „Гудок“. В 11 экземплярах	9
11. „О чиновниках и народном правлении“.—Кн.-изд. „Народ. право“. В 3 экземплярах	„
12. „О мировых судьях и земских начальниках“.—А. Титова. В 4 экз.	10
13. „К чему стремится народно-социалистическая партия“. В 1 экз.	„
14. „Новый закон о земле“. В 2 экземплярах	„
15. „Сказка о мудреце Наумове“. В 1 экземпляре	„
16. „Перед грозой“.—В. К. Воскресенский. В 1 экземпляре	„
17. „Евреи в России“ Изд. „Народное право“. В 1 экземпляре	11
18. „Социалисты - революц. и пролетариат“.—Л. Мартова. В 2 экз.	„
19. „Неотложные нужды трудящегося народа“.—Некрасов. В 1 экз.	„
20. „Наша свобода союзов“.—М. Дубровский. В 1 экземпляре	12
21. „Очерки из истории железно-дорожн. забастовок“.—М. Б. В 1 экз.	„
22. „Как бельгийские рабочие боролись за свободу“.—Б. Кричевский. В 3 экземплярах	„
23. „Финляндия и социализм“.—А. Коллонтай. В 2 экземплярах	13
24. „Профессиональный союз“. Журнал, №№ 16 и 17. В 1 экземпляре	„
25. „Разрушение ада и восстановление его“.—Л. Толстой. В 1 экз.	„
26. „Обращение к русским людям“.—Л. Толстой. В 1 экземпляре	„
27. „Что такое свобода“.—Сигов. В 1 экземпляре	14
28. „Как рабочим устраивать союзы“ Арт. Кн. В 1 экземпляре	„
29. „Пересмотр аграрной программы рабочей партии“.—Н. Ленин. В 1 экземпляре	14
30. „Социализм и политическая борьба, еще раз социализм и политическая борьба“.—Г. В. Плеханов. В 1 экземпляре	„
31. „Полицейский социализм в России. —Зубатовщина“. М. Григорьевский. В 1 экземпляре	„
32. „Что сделала первая Государственная Дума“.—Л. Протопопов. В 14 экземплярах	15
33. „Библиотека соц.-демократа“.—П. Лебедев. В 12 экземплярах	„
34. „Патриотизм и правительство“.—Л. Толстой. В 1 экземпляре	„
35. „О добровольном рабстве“.—Лабозги. В 1 экземпляре	„
36. „Обзор литературы по крестьянскому вопросу“. В 2 экз.	„
37. „Капитализм и социализм“.—Н. Рожкова. В 1 экземпляре	16
38. „Крестьянское движение и аграрный вопрос“.—К. Никодимова. В 1 экземпляре	„
39. „Политические партии в России“.—К. Левин. В 1 экземпляре	17
40. „Первое мая в России“.—А. Ельницкий. В 1 экземпляре	„
41. „Что читать соц.-демократу“.—С. Струмилин. В 1 экземпляре	18
42. „Программа французской раб. партии“.—Ж. Гед, П. Лафарг. В 1 экземпляре	„
43. „В защиту партии“.—Троцкий. В 1 экземпляре	„
44. Сброшюрованные вместе №№ газет „Профессионал“, № 2 в 1907 г., „Вопросы дня“, № 3 за 1906 г., „Неделя“, №№ 3, 9—10—11 и 12 за 1905 и 1906 г. г., „Профессиональный союз“, №№ 1 и 5 за 1905 г., „Вюлетени музея содействия труду“, №№ 1 и 2 за 1905 г.	„
45. Сочинения, по своему содержанию тенденциозные, но не заключающие в себе признаков преступления, ст. Уг. Улож. пред.	19
46. Книга протоколов общего собрания членов профессионального общества рабочих ситце-печатников. В 1 экземпляре	21
47. Книга протоколов заседаний правления союза. В 1 экз.	22
48. Книга протоколов заседаний с 1 августа 1908 г. В 1 экз.	27

	<i>Стр.</i>
49. Кассовая книга. В 1 экземпляре	29
50. Папка с перепиской о союзе. В 1 экземпляре	30
51. Клочек бумаги с роспиской Николая Платкова	31
52. Каталог книг библиотеки. В 1 экземпляре	32
53. Книга для записи разных сочинений по полит. и экономиче- ской литературе в 1 экземпляре	"
54. Книга выдачи литературы из библиотеки. В 1 экземпляре	33
55. „От смуты до смуты“. В 1 экземпляре	38
56. „Невмоготу“. В 1 экземпляре	39
57. „О земле“ Книгоизд. „Народная воля“. В 1 экземпляре	40
58. „Рабочее дело в России“.—Л. Мартов. В 1 экземпляре	"

Отобранное по обыску у Алексея Христофорова Кузнецова.

59. „Крестьяне и рабочие“.—Медведев. В 1 экземпляре	49
60. „О чиновниках и народном правлении“. В 1 экземпляре	50
61. „Библиотека соц.-демократа“.—Лебедева. В 1 экземпляре	"
62. „Теория и практика анархизма“.—Станиславов. В 1 экземпляре	"
63. „Карл Маркс“.—Либкнехт. В 1 экземпляре	"
64. Рукопись соб-ручная на листе	"

Отобранное у Сидора Растатурова.

65. „Памятная книжка марксиста“.—И. Чернышева. В 1 экземпляре. 83	83
---	----

Помощник Начальника Владимирского
Губернского Жандармского Управления
в Шуйском уезде Ротмистр *Орловский.*

**УСТАВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА РАБОЧИХ СИТЦЕ-ПЕЧАТ-
НЫХ ФАБРИК гор. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА.**

1. Цель Общества.

§ 1. Общество рабочих ситце-печатных фабрик города Иваново-Вознесенска имеет целью:

- а) защиту правовых и экономических интересов своих членов;
- б) содействие умственному и профессиональному развитию их и
- в) материальную помощь своим членам.

§ 2. Для достижения означенных целей Общество:

а) нанимает соответствующее помещение, приобретает и владеет на основании общих законов движимую и недвижимую собственность; заключает всякого рода дозволенные законом договоры и сделки, а равно защищает свои интересы через уполномоченных;

б) устраивает собрания как по общим, так и по специальным вопросам, касающимся данной профессии и отдельных ее отраслей; производит исследование быта, условий труда и нужд рабочих данной профессии;

в) открывает бюро для оказания юридической помощи, справочное для прискания мест и др.;

г) входит в соглашение, как с отдельными хозяевами, так и с целыми группами и обществами их о нормировании заработной платы, рабочего дня и др. условий труда, а также следит за точным выполнением, как со стороны хозяев, так и своих членов, этих соглашений и решает и разбирает все недоразумения и споры, возникшие между членами на почве профессиональных интересов;

д) выдает денежные пособия во время безработицы, болезни и т. п. случаях, а также выдает дорожное пособие для прискания места в других городах, способствует устройству общежитий, дешевых квартир, столовых для безработных и т. п. вспомогательных учреждений для своих членов;

е) через посредство своих представителей может делать заявления о нуждах и пользах рабочих данной профессии правительственным и общественным учреждениям и лицам.

§ 3. Для содействия умственному и профессиональному развитию своих членов Общество устраивает клубы, библиотеки, читальни, публичные лекции, чтения и собеседования с общеобразовательной целью и для выяснения текущих вопросов жизни, затрагивающих профессиональные интересы рабочих.

§ 4. По мере надобности Обществу предоставляется открывать отделения для отдельных профессиональных групп членов, согласно ст. 5 «Времен. правил о союзах и обществ.».

II. Состав Общества, права и обязанности его членов.

§ 5. Общество находится в Иваново-Вознесенске и состоит из неограниченного числа лиц, без различия пола, религии и национальности. Члены Общества подразделяются на действительных и соревнующихся.

§ 6. Действительными членами Общества могут быть все рабочие и работницы ситце-печатного производства гор. Иваново-Вознесенска не моложе 17-ти лет.

§ 7. Прием членов в Общество производится правлением по рекомендации 3-х действительных членов. На непринятие правлением в члены Общества можно жаловаться общему собранию, которое окончательно решает этот вопрос.

§ 8. Действительные члены уплачивают при поступлении в общество 25 коп. вступной платы и ежемесячно по 2% с заработанного рубля.

Примечание. Размер членских взносов может быть изменен по постановлению общего собрания, принятому большинством $\frac{2}{3}$ голосов.

§ 9. Член Общества, неуплативший в течение 2-х месяцев причитающихся с него взносов без уважительных причин, считается вы-

бывшим из общества с правом вновь вступить в него на общем основании.

Примечание. Во время безработицы или болезни члены освобождаются от уплаты месячных взносов.

§ 10. Всякий член Общества обязан выполнять все постановления общих собраний и устава, а также немедленно сообщать правлению о всех известных ему вакантных местах.

§ 11. Действительные члены Общества, уклоняющиеся от выполнения возложенных на них общим собранием обязанностей, а также и те из членов, которые по признанию общего собрания нарушают интересы Общества, исключаются из Общества по постановлению общего собрания, принятому большинством $\frac{2}{3}$ голосов, которое, по желанию исключаемого, обязано выслушать предварительно объяснения, приводимые им в свое оправдание.

§ 12. Члены как добровольно выбывшие из Общества, так и исключенные из него, не в праве требовать возврата сделанных ими в Общество взносов.

§ 13. Каждый из действительных членов Общества пользуется правом решающего голоса на всех собраниях, устраиваемых Обществом, а также имеет право вносить письменно через правление на обсуждение общих собраний всевозможные вопросы и предложения, касающиеся деятельности Общества и должностных лиц.

§ 14. Действительные члены имеют право на получение денежного и иных пособий со стороны Общества. Определение случаев, в каких может быть выдано денежное пособие членам Общества, а равно размер выдачи возвратных или безвозвратных пособий устанавливается общим собранием, а назначение пособий в каждом отдельном случае представляется правлению.

Примечание 1. В экстренных случаях правлению предоставляется выдавать пособие по своему усмотрению в размере, не свыше 15 руб. одному лицу.

Примечание 2. Правом на получение пособия члены Общества пользуются, пробыв в Обществе не менее 2-х месяцев.

III. Средства Общества.

§ 15. Средства Общества состояются из:

- а) вступной платы;
- б) ежемесячных членских взносов;
- в) доходов от предприятий общества, устройства лекций, чтений, вечеров, концертов, спектаклей и т. п.;
- г) пожертвований и других случайных поступлений.

Примечание: Пожертвования с указанием специального их назначения или порядка расходования их могут быть принимаемы Обществом лишь при условии, чтобы назначение это не противоречило основным целям Общества.

§ 16. Из поступающих в кассу Общества сумм образуются капиталы: а) запасный и б) оборотный. Кроме того, могут быть по постановлению общего собрания образованы и другие капиталы, с указанием специального их назначения или порядка расходования их.

§ 17. В запасный капитал отчисляются: а) ежемесячно отчисляемая, по постановлению общего собрания, часть всех поступлений; б) специальные в этот капитал пожертвования. Из этого могут быть делаемы расходы только при крайних и неотложных нуждах членов Общества и с особого разрешения общего собрания и на основаниях, им определенных.

§ 18. Оборотный капитал составляет все прочие средства Общества, за исключением получивших специальное назначение. Капитал этот расходуется на выдачу пособий членам Общества, на наем помещений, плату должностным лицам союза и прочие текущие расходы.

§ 19. Капиталам со специальными назначениями или с указанием порядка расходования доходов с них ведется особая отчетность.

§ 20. Денежные средства Общества, за исключением необходимой на текущие расходы суммы, по постановлению общего собрания, вносятся в одно из кредитных учреждений или обращаются в процентные бумаги.

IV. Управление делами Общества.

§ 21. Делами Общества управляют: а) общее собрание и б) правление.

а) Общее собрание.

§ 22. Общее собрание созывается правлением не реже двух раз в год для рассмотрения и утверждения отчета за истекший год, сметы прихода и расхода на наступающий год, для избрания должностных по Обществу лиц и кандидатов к ним, а явно комиссий для разработки и обсуждения разных вопросов, входящих в программу деятельности Общества. В этих собраниях обсуждаются и решаются дела, превышающие власть правления, а также вопросы, предложенные правлением, комиссиями и отдельными членами. Кроме того, общие собрания созываются по мере надобности, по усмотрению правления, по требованию ревизионной комиссии или $\frac{1}{10}$ части членов.

Примечание: Требование созыва общего собрания приводится правлением в исполнение в течение 2-недельного срока.

§ 23. Общие собрания открываются председателем правления или заступающим его место членом правления. По открытии заседания собрание избирает председателя собрания из числа членов Общества, не занимающих должностей по Обществу.

§ 24. Каждый действительный член пользуется в общем собрании правом одного голоса, которое не может быть передаваемо.

§ 25. Решения на общем собрании принимаются простым большинством голосов. Выборы должностных лиц и назначение им жалования производятся закрытой баллотировкой.

Примечание: Изменение устава, размера членских взносов, исключение членов, досрочное увольнение членов правления, приобретение недвижности и ликвидация дел Общества решается $\frac{2}{3}$ голосов присутствующих на собрании членов, с разрешения губерн. по делам об обществах присутствия.

§ 26. Общее собрание считается состоявшимся, если на него явится не менее половины проживающих в данное время в Иваново-Вознесенске членов Общества.

§ 27. Если собрание не состоится вследствие неприбытия установленного числа членов, то для обсуждения тех же дел назначается вторичное общее собрание, которое считается состоявшимся, независимо от числа явившихся членов, о чем все члены поставляются в известность в приглашении на собрание.

б) Правление.

§ 28. Правление находится в Иваново-Вознесенске и состоит из определенного общим собранием числа членов, не менее 3-х, избираемых общим собранием на один год из числа действительных членов Общества. Члены правления избирают из своей среды председателя, товарища, его секретаря, казначея и распределяют между собою занятия по взаимному соглашению. Ближайший порядок их деятельности и ведения отчетности по делам Общества определяется инструкцией, устанавливаемой общим собранием.

Для замещения членов правления в случае отсутствия их, избирают таким же порядком и на тот же срок к ним кандидатов. Кандидаты вступают в исполнение должности членов правления, согласно утвержденной общим собранием инструкции.

§ 29. На обязанности правления лежит прием членов и взносов их, выдача пособий, заведывание кассой и всем имуществом Общества, ведение отчетности, созыв общих собраний и исполнение их постановлений и вообще ведение всех текущих дел Общества. Правление ведет все сношения по делам Общества и имеет печать с изображением наименования его.

§ 30. Собрания правления происходят не менее 2-х раз в месяц, но секретарь собрания или 2 члена правления могут созвать экстренное собрание правления.

§ 31. Постановления правления считаются действительными, если на заседании присутствовало не менее $\frac{2}{3}$ членов правления. Решения правления постановляются простым большинством голосов присутствующих на заседании членов: при равенстве голосов, голос председателя дает перевес.

Примечание 1: Жалобы на постановления правления подаются общему собранию.

Примечание 2: Сведущие лица из числа членов, приглашаемые правлением в свои заседания, не имеют права решающего голоса.

§ 32. По постановлению общего собрания члены правления могут быть уволены от должностей и до истечения срока их полномочий, при чем обвиняемым предоставляется право привести в общем собрании все служащие к их оправданию обстоятельства.

§ 33. Постановления правления и общих собраний записываются в протокол, при чем протоколы правления подписываются членами правления, а общих собраний—председателем и секретарем.

V. Ревизия дел Общества.

§ 34. Для ревизии денежных сумм, документов и книг Общества, а также проверки отчета и сметы общее собрание избирает ежегодно из числа действительных членов Общества, не занимающих какой-либо должности по управлению делами его, ревизионную комиссию в составе не менее 3-х членов и столько же кандидатов к ним. Члены ревизионной комиссии избирают из своей среды председателя; для ревизии дел Общества необходимо присутствие председателя и не менее 2-х членов или заменяющих их кандидатов. О результатах ревизии члены комиссии делают отметки в обревизованных ими книгах и докладывают ближайшему общему собранию.

§ 35. Ревизионная комиссия имеет право сделать ревизию по своему усмотрению, по поручению общего собрания, а также по письменному о том с указанием оснований требованию не менее $\frac{1}{10}$ части членов Общества.

VI. О закрытии Общества.

§ 36. Если будет признано необходимым закрыть Общество и ликвидировать его дела, то вопрос этот решается в двух последовательных, с достаточным между ними промежутком времени, общих собраниях. По постановлению первого общего собрания действия Общества приостанавливаются, и вся деятельность его ограничивается ликвидацией дел, для чего общее собрание избирает ликвидационную комиссию из числа действительных членов Общества. По постановлению вторичного общего собрания действия Общества прекращаются. Оставшиеся по ликвидации дел капиталы и имущество, а также различные учреждения Общества получают назначения согласно постановления общего собрания. Капиталы же и имущество, пожертвованные которых обставлено специальными условиями, получают назначение согласно этим условиям. В случае, если собрать общее собрание не окажется возможным, средства Общества распределяются между всеми действительными членами поровну.

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИДЕЛ КРАЕВОЙ

Бобровская. Записки рядового подполковника (1894—1905 г.г.). Ч. I . . .	— 20
„ Записки рядового подполковника (1894—1905 г.г.). Ч. II . . .	— 35
Самойлов, Н. Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении (1903—1905 г.г.). I ч.	— 25
Его же. Воспомин. об Иваново-Вознесенском раб. движ. (1903—1905 г.г.), II ч. (печ.).	
Сверчков, Д. На заре революции. Воспоминания (1906—1911 г.г.). (Распр.)	
Даготь. В свободном подполье	— 25
„ Мои воспоминания (Печ.)	

Материалы, справочники и др.

Социал-демократические издания (указатель соц.-дем. литературы на русском языке) 1883—1905 г.г., под ред. Л. Б. Каменева	— 30
Р. К. П. в постановлениях ее съездов и конференций, под ред. Л. Б. Каменева	— 50
Отчет Р. С.-Д. Р. Р. VIII междунар. соц. конгрессу в Копенгагене, перев. с франц.	— 45
Протоколы VII Съезда Р. К. П.	1.—
Памятник борцам революции. Т. I	— 95
Памятник борцам революции, погибшим до 1917 года (Печ.)	
Памятник борцам революции, погибшим в период 1917—1922 г.г. 2-е, испр. издание (Печ.)	
Бюллетень Истпарта, № 2	1.50

Новые книги Истпарта, вышедшие за последние два месяца.

1. Пролетарская Революция. Журнал № 18—19. Ц. 2 р. 50 к., № 20. Ц. 1 р. 50 к., № 21. 1 р. 60 к. № 22 и № 23	2.—
2. Свечников. Революция и гражданская война в Финляндии	1.—
3. Пионтковский, С. Октябрьская революция, ее предпосылки и ход.	1.50
4. Революция на Дальнем Востоке. Сб. I	3.—
5. 20 лет рабочей организации в г. Муроме, Кулебаке, Быхове и др.	2.25
6. Н. Авдеев. Революция 1917 г., т. II (апр.—май)	2.50
7. Владимирова. „ т. III (июнь—июль)	3.—
8. Революция и Р. К. П. в материал. и документ., т. I	2.75
9. Волков, Е. Революц. движен. среди черноморских моряков.	2.50
10. Его же. Христо-Ботмив	1.50
11. Фурманов. Чапаев.	—

Все цены указаны в червонцах.

Адрес Истпарта:

МОСКВА, Старая площадь, Ипатьевский проезд, д. № 4. Телеф. 2-50-71

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Ильинка, Биржевая пл., Боголюбский пер., 4. Телеф. 47-35

Ленинград, Проспект 25 Октября (Невский), 28. Телеф. 5-49-32.

ОТДЕЛЕНИЯ:

Вологда, пл. Свободы; Воронеж, Проспект Революции, 1-й дом Совета; Казань, Гостинодворская, Гостиный двор; Киев, Крещатик, 38; Кострома, Советская, 11; Краснодар, Красная, 35; Нижний-Новгород, Б. Покровка, 12; Одесса, ул. Лассалы, 12; Пенза, Интернациональная, 39/43; Пятигорск, Советский пр., 48; Ростов н/Д., ул. Фриарика, Зигельса, 106; Саратов, ул. Республики, 42; Тамбов, Коммунальная, 14; Тифлис, Проспект Густавели, 16; Харьков, Московская, 20.

МАГАЗИНЫ:

Москва: 1) Советская площадь (под гости. б. „Дрезден“), телеф. 1-28-94; 2) Мокшая, 17 (над гости. б. „Националь“), телеф. 1-31-50; 3) ул. Герцена (Б. Никитская), 13 (ад. консерватории), телеф. 2-84-95; 4) Никольская ул., 3, телеф. 49-51; 5) Серпуховская пл., 1/43, телеф. 3-79 65; 6) Кузнецкий Мост, 12, телеф. 1-01-35; 7) Покровка, Ляли пер., 11, тел. 81-94; 8) М. Капитоновский пер., 4, тел. 1-81-84; 9) Ильинка, Боголюбский пер., 4, тел. 1-91-49.

Ленинград: 1) Проспект 25 Октября (Невский), 28; 2) Проспект Володарского (Литейный), 23; 3) Проспект 25 Октября (Невский), 13.

10

10

